

В. ШТЕРН
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
И ЕЕ
МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

ВВЕДЕНИЕ

1. ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ НАУКА
2. ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ПРИКЛАДНАЯ НАУКА
3. О ПРЕДЫСТОРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
4. ДИСЦИПЛИНЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
5. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Глава XII ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

1. ТИПОВОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩНОСТИ
2. ТИП ДИСПОЗИЦИИ
3. ТИП - НЕ КЛАСС
4. СВЯЗЬ МЕЖДУ ТИПАМИ И ОБЛАСТЬ ТИПОВ

Глава XIII РАЗДЕЛЕНИЕ НА ТИПЫ I

Глава XIV РАЗДЕЛЕНИЕ НА ТИПЫ II

1. ТОЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПОВ
2. ТИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
3. ТИПЫ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ПРИ ДРУГИХ ФУНКЦИЯХ

Глава XV ПОСТЕПЕННЫЕ ВАРИАЦИИ

1. ЗНАЧЕНИЕ ПОСТЕПЕННОГО ВАРИИРОВАНИЯ
2. ИЗМЕРЕНИЕ СТЕПЕНИ ВАРИАЦИЙ

Глава XVII ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СРАВНЕНИЕ ИЗМЕНЧИВОСТИ
2. ИДЕЯ ОБЩЕЙ ШКАЛЫ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ

3. ИНТЕР- И ИНТРАВАРИАБЕЛЬНОСТЬ
4. КОВАРИАБЕЛЬНОСТЬ (Cvb)
5. ВАРИАТИВНОСТЬ УСЛОВИЙ (В ОСОБЕННОСТИ УПРАЖНЕНИЯ)
6. СМЕНА ВАРИАЦИЙ (ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЕ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ)
7. ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП ЛЮДЕЙ

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость создания научной психологии индивидуальных различий в равной мере обусловлена как теоретическими потребностями, так и требованиями практической культуры.

1. ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ НАУКА

До недавнего времени научная психология ориентировалась только на разработку проблем с общих позиций. В исследованиях обращались к основополагающим элементам, из которых строится вся психическая жизнь, и к общим законам, которым подчиняются все психические процессы; в поисках общего и совпадающего не учитывалось всё то бесконечное многообразие, в котором проявляется сущность психического у разных личностей, народов, сословий, полов, типов и т.д.; результаты

Подобное абстрагирование оправдано, поскольку оно проистекает из понимания ограниченности наших возможностей; однако забывая, что имеем дело именно с уровнем абстракций, мы могли бы действительно утвердиться в мысли, что все проблемы, составляющие душу науки, возможно решить с позиций общего подхода. Эту опасность, длительное время грозившую психологии, сегодня можно считать преодоленной. Даже против своей воли при обращении к любой теме исследователь сталкивался с индивидуальными вариациями психического; и если она сначала оценивалась как источник ошибок для обобщенного рассмотрения, то в конечном счете (как это уже было в истории науки) из самого источника ошибок возникла проблема. Было признано, что дифференциация психического имеет такое же право на психологическое изучение, как и общепсихологические закономерности и факты. Таким образом, само изучение психики привело к выделению дифференциально-психологического аспекта. В большинстве случаев, правда, речь шла только о побочных продуктах собственно общепсихологического анализа; исследований, исходно нацеленных на проблемы дифференцирования, все еще недостаточно, и процесс сознательного отграничения дифференциальной психологии от общей начинается лишь в наши дни. Данная книга служит преимущественно решению этой задачи.

О терминологии. Существуют различные названия формирующейся области исследования: "Характерология" (Базен, Люка), "Этология" (Милль), "Индивидуальная психология" (Бине, Анри, Крепелин и др.), "Специальная психология" (Хейманс).

Два первых названия, безусловно, слишком узки. Определение "характер" охватывает не все своеобразие душевной жизни, а в основном сферу ее нрава и воли. Даже для обыденного мышления вполне очевидно различие между характером и интеллектом; и нет никакой причины это различие игнорировать. Пытаясь свести все психическое своеобразие – в области функционирования памяти, восприимчивости к эмоциональным и эстетическим впечатлениям, в интеллектуальной сфере и т.д. – только к "характерологическим признакам" явно недостаточно. К тому же характерология обычно исходит из определенных философских теорий о сущности человека; мы же обсуждаем пути создания эмпирической науки.

Название “Индивидуальная психология” могло бы подойти; однако оно уже используется для определенной части исследований и имеет укоренившийся смысл как противоположность “социальной психологии” и “психологии народов”; следовательно она охватывает лишь то, что относится к духовной жизни индивида, включая и общепсихологические характеристики отдельного человека. Область науки, которой мы пытаемся дать определение, должна иметь своим предметом не только межиндивидуальные различия, но и различия между народами, сословиями, полами, возрастами и т.д., короче, весь круг проблем дифференциации.

Таким образом, предложенный мною 11 лет назад и принятый стех пор рядом исследователей термин “дифференциальная психология”, лучше всего обозначает программу ветви научного исследования в ее полном объеме.

Дифференциальная психология, подобно общей, — наука, выходящая на всеобщие значимости, однако это значимости совсем иного рода. Она должна прежде всего исследовать те формальные закономерности, которые определяют реальность психического варьирования. Категория психической варибельности (изменчивости) требует точного определения: предстоит наполнить содержанием понятия вариации, индекса варибельности, ковариации; рассмотреть виды вариаций, типы и ступени; точно определить суть нормального, супер- и субнормального. Подобного же поиска общих ориентиров требует понятие корреляции, означающее связь нескольких вариативных рядов, и подводящее к определению самой структуры индивидуальности. Особый ракурс приобретает и вопрос о причинности: следует спросить, какова роль в возникновении психических различий, с одной стороны, внутренних (наследственности, предрасположений), с другой стороны, внешних (влияния окружающего мира, воспитания, эталонов и норм и т.п.) причин. Наконец, изучение того, насколько внешне воспринимаемые психические проявления можно считать характерными признаками имманентных психических особенностей, ведет к обоснованию дифференциальной симптоматиологии.

По чисто научному и философскому содержанию значимость всех вышепредставленных проблем совершенно равноценна общепсихологическим. Однако дифференциальная психология должна исследовать закономерности содержания более узкого объема - существенное качество и функции определенных индивидуальных вариантов. В этом смысле она становится действительно “специальной” психологией темпераментов, характеров, способностей или даже отдельного темперамента, отдельной способности; она исследует весь спектр разделений одной функции на типы и ступени, устанавливает особые связи между вариациями нескольких функций; она изучает психическую дифференцированность внутри разных сословий, наций, полов или дает обобщенное психологическое описание определенного сословия или народа, или пола. Пока еще исследования носят номотетический характер, но они уже исчерпывают себя в этих узких границах и тем глубже, чем более дифференцирована группа, подлежащая изучению, от ее окружения, чем специфичнее вид типа, суть которого должна быть определена. Значимость “особенного” в “общем” становится все большей, и цель достигается только тогда, когда научной проблемой становится сама отдельная индивидуальность.

Индивидуальность всегда означает единичность. Каждый индивид — это картина нигде и никогда больше не существующая в идентичной форме. Конечно, на него воздействуют определенные закономерности, в нем воплощаются определенные типы, его можно во многих отношениях сопоставить с другими индивидами, но он не целиком растворяется в этих обобщающих закономерностях, типах и уравнениях, всегда остается тот “плюс”, то содержание, которым он отличается от других индивидов, подчиняющихся тем же законам и относящихся к тем же типам. Таким образом, индивидуальность - это асимптома науки, ищущей законы.

Каким должно быть отношение дифференциальной психологии к подобному положению дел?

Если действительно, как это хотелось бы представить некоторым теоретикам, единственная задача науки - поиск общезначимого, тогда не может существовать никакой психологии единичной индивидуальности. Но мы, однако, знаем (благодаря работам Виндельбанда и Риккерта), что эта попытка связать, как смирительной рубашкой, всю науку вообще четко заданными и перенесенными из естествознания методам исследования, должна быть отвергнута. Идиографический подход, который занимает! не общим, а особенным, историческим, равноправно противостоит номотетическому. Выбор того или другого метода не связан с разделением наук на естественные и гуманитарные; скорее в каждой науке есть области, исследования которых требуют постановки вопросов как номотетического, так и идиографического характера.

В науке о психическом, которая до сих пор была слишком односторонне номотетична, идиографическое направление надо сначала развить; в одном ряду с собственно психологией должна находиться психография, представляющая отдельные индивидуальности со стороны своеобразия их психики. Одновременно, при помощи этого самого крайнего ответвления дифференциального изучения психики устанавливается связь с историческими дисциплинами. Хотя требование, что гуманитарные науки (на что указывает уже их наименование) должны использовать психологию в качестве вспомогательной дисциплины, звучало часто, осуществить его было невозможно, ведь современная психология тяготела исключительно к естественным наукам (и по формам рассмотрения и по постановке проблем). Историк хочет понять не общие законы психической жизни, а индивидуальные виды поведения, характеры, личностное своеобразие, сам процесс их развития; он стремится узнать, как из сочетания творческой одаренности с определенным видом психической работы, пониманием жизни и темпераментом могла возникнуть зрелая художественная индивидуальность; он исследует соотношение внутренних склонностей и воздействия окружающих условий, которое в итоге приводит к появлению яркого политического или религиозного деятеля. Общая психология могла предложить так мало полезного для разрешения интересующих его проблем, что историк в большинстве случаев просто отказывался от ее помощи.

Но создавая систему и методику психографии научная психология становится его действительным помощником. Система психографии должна максимально полно отразить все точки зрения, касающиеся описания психической индивидуальности;

методика же должна обеспечить связь собственно метода исторически-биографического изучения видов поведения с методами дифференциально-психологического исследования.

При этом условии психография будет оказывать воздействие и на развитие других областей самой дифференциальной психологии, поскольку сравнение большого числа точно психографически описанных индивидов дает самый лучший материал для исследований вариаций, корреляций, типов и др.

2. ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ПРИКЛАДНАЯ НАУКА

С начала нового времени формы практической жизни сознательно основывали на научном исследовании сопутствующих человеку обстоятельств. "Через знание - к умению", - таков был девиз этой эпохи. Но в течение столетий это касалось лишь внешней стороны (экономической, технической, промышленной, гигиенической) культурной жизни, которую преобразовывали при содействии наук; и соответственно, именно естественные науки в качестве прикладных дисциплин оказывали наиболее сильное воздействие. Напротив, та внутренняя сторона культуры, которая имеет дело с человеком (а есть ли такие виды жизненной деятельности, сколь бы "внешними" они ни были, где не участвовало бы психическое?), оставалась вне сферы научного исследования. Там, где являлось необходимым понять и оценить психическое поведение человека в практической

жизни, руководить им и влиять на него, там довольствовались наивной популярной психологией или дилетантскими системами, лишенными всех преимуществ, являющихся следствием влияния научного познания. От этого и по сей день страдает воспитание и преподавание, выбор профессии и общение, судопроизводство и система социального наказания, гигиена и психотерапия и ряд других областей практики.

Часто жаловались, что нельзя было навести никаких мостов между популярно-психологическими целями и потребностями, с одной стороны, и научными, с другой стороны; казалось даже, что научная психология как бы изолирована на острове и осуждена на бесплодие в отношении задач культуры. Конечно, разделяющая их пропасть, отчасти, обусловлена методом познания действительности: наука должна идти вперед, руководствуясь строго критическим осмыслением, систематическим опытом, логической проработкой проблем; психология здравого человеческого смысла использует некритическое истолкование, случайный опыт, интуицию. С другой стороны, противоположность обоих направлений коренится в объекте: интерес научного работника был обобщающим, а того, кто не имеет отношения к науке — преимущественно индивидуализирующим и дифференцирующим; поэтому в первом случае он был направлен на анализ и механистическое конструирование психического, а во втором - на сложные виды психической работоспособности и телеологические связи. Таким образом, до сих пор они говорили на двух различных языках: если, с одной стороны, речь шла об общих законах образования представлений, о побуждающем действии эмоций, то с другой — о своеобразии интеллекта и одаренности, темперамента и характера; если, с одной стороны, память обсуждали как общую функцию воспроизведения, то с другой - как свойство, приобретающее специальные характеристики в зависимости от области приложения и т.д.

Развиваясь, научная психология, конечно же, имела полное право отбросить грубый метод популярной психологии и начать разрабатывать область с самого основания, создавая даже новую терминологию. Но она совершила роковую ошибку, проигнорировав многие важные вопросы, поставленные популярной психологией, и без возражения оставив все прикладные проблемы некритическому методу. Возможно, ее сдерживал ложный страх, а вероятно также, и ложная гордость. Но как мало была унижена физика тем, что из ее недр в практику вошли микроскоп, телефон, рентгенотерапия, так и психология не утратит характера истинной научности, если примет участие в решении практических задач культуры и будет своими методическими средствами способствовать их разработке.

Психология, впрочем, уже тем побуждается к отказу от этой сдержанности, что все развитие нашей современной культуры осуществляется в направлении освоения психологического и уже "психологизируются" такие области, которые раньше рассматривались с совсем иных точек зрения.

Поясним это на трех примерах.

В то время как проблемы дифференциации в нашем школьном деле раньше были обусловлены только социальными воззрениями сословия и объективными целями будущей профессии, сейчас в качестве нового принципа пробивает себе путь дифференцирование по степени и виду одаренности (классы для слабо-, умеренно-, нормально- и чрезвычайно одаренных, более свободный выбор предметов изучения в соответствии с направленностью интересов и т.п.).

Если раньше уголовное право рассматривало объективную сущность преступления в качестве единственного критерия его оценки, то теперь психическое состояние преступника все больше становится фактором, оказывающим влияние на вынесение вердикта.

Что касается женского вопроса, то чем больше он превращается из абстрактной идеологической доктрины в практическую проблему культуры, тем более попадает в сферу интересов психологии. Как только речь заходит о том, подходят ли определенные профессии для женщины, каких достижений можно от неё ожидать и какого качества должна быть ее профессиональная подготовка, старая догма о полном равенстве сущности обоих полов вынуждена уступать место утверждениям о наличии половых психических различий. Поэтому назрела необходимость в более точном исследовании вида, степени и границ этого различия, так же как и в изучении того, насколько это различие обусловлено, с одной стороны, существующими условиями окружающей среды, а с другой - внутренними (врожденными) свойствами пола. Все это - вопросы дифференциальной психологии.

Иногда высказывается опасение, что это начинающееся проникновение психологии в культуру может в итоге привести к полной психологизации последней. Действительно, на данном этапе, пока дилетантская психология, беззаботно переходя границы человеческого благоразумия, слепо следует в русле новой тенденции (подобные проявления наблюдаются в современной криминальной психологии и экспериментальной педагогике), опасность этого действительно велика. Однако такое положение дел не может быть поводом для того, чтобы отказаться от серьезной работы (как вред, наносимый непрофессиональным лечением, не приводит к умалению значения научной медицины). Мы придерживаемся мнения, что нет более надежного средства искоренения ошибок чрезмерного психологизма в делах культуры, чем те, которые дает научная психология, последовательно развивающая основы метода критического осмысления действительности.

Дифференциальная психология как прикладная наука должна перед собой поставить две цели: познание человека (психогностика) и обращение с человеком (психотехника).

Психогностика. Если мы практически взаимодействуем с людьми, то прежде всего должны знать их, чтобы верно судить о них (подвергать оценке, классифицировать) и правильно использовать их усилия. В рамках определенных задач культуры, например, для профессионального отбора, целая система испытаний направлена на то, чтобы познать хотя бы одну сторону проявлений человеческой индивидуальности, например, работоспособность претендента.

Существует два условия получения знания о человеке: во-первых, наличие широкого круга знаний, касающихся исследуемой области психики, как предпосылки выявления спектра возможностей для классификации каждого отдельного случая, во-вторых, существование надежных средств обследования для установления принадлежности каждого конкретного случая к определенному типу или степени развития качества. Страшно видеть, с какими скудными средствами сегодня обычно приступают к решению этих двух задач.

Что касается первого условия, то упрощенно-примитивные представления о различиях, имеющих между нормой и аномалией в проявлении психических свойств, тысячи раз приводили учителей, судей и других практиков к ошибочным выводам. И если в вопросе, касающемся аномальных форм поведения, благодаря растущему участию врача в школьном деле и в судопроизводстве самое худшее, видимо, преодолено, то когда речь идет о явлениях, находящихся в пределах нормы, практик, выносящий суждения об индивидах (т.е. стоящий перед необходимостью отнести их к известным ему типам одаренности, памяти, характера), совершенно предоставлен самому себе. Не зная о всей многосторонности имеющих представлений, он или склоняется к тому, чтобы рассматривать свое Я как масштаб, по которому измеряется все остальное, или вынужден полагаться на любой принцип классификации, основанный либо на случайном опыте, либо на чем-то авторитете, либо на априорной конструкции.

Не лучше обстоит дело и в отношении средств обследования. Педагог использует для своих испытаний достижения школьника, но не определив для себя, какова степень

участия в них усвоенного знания, общего интеллекта, особой одаренности, домашних упражнений, он на самом деле не доходит до выявления истинных свойств психики. Психиатр, десятилетиями работающий над методами изучения интеллекта, при этом почему-то остановился на стадии испытания низших и элементарных функций, находящихся лишь в очень неопределенной связи с собственно интеллектом. Графолог защищает ту удивляющую нас идею, что из всех бесчисленных видов исследования личности человека единственной, которому может быть присвоено звание универсального средства истолкования характера и т.д. - это только почерк.

Не требует дальнейшего обоснования принадлежность названных выше задач психогностики к области дифференциальной психологии.

Психотехника имеет своим предметом практическое влияние человека на человека. Она нуждается в дифференциальной науке о психике по двум причинам.

Сначала ей надо вообще определить возможность и примерные границы влияния. Лишь имея возможность заглянуть в причинность определенного психического свойства мы можем измерить резонанс приходящих извне влияний воспитания, наказания, социального просвещения и т.п. Так например, криминалистская психотехника зависит от того, воспринимают ли преступность как врожденное предрасположение (диспозиция) или как результат воздействия окружающего. Исследование одаренности покажет, какие диспозиции (например к музыке, математике, рисованию) должно учитывать преподавание, чтобы вообще быть успешным и т.д.

Тогда, однако, вид воздействия должен быть ориентирован на психическую дифференциацию. "Преподавание должно индивидуализировать!" - это требование хоть и старо, однако все еще не выполняется, особенно в условиях воздействия на коллектив. Лишь сейчас мы начинаем понимать те психологические точки зрения, которыми при этом следует руководствоваться.

Например, при массовом преподавании дифференцирующую психотехнику можно выполнять тремя способами: а) когда при изучении отдельного школьника учитывается тип его обучения, записей, интереса и т.д., что принимается во внимание при оценке успеваемости; б) когда при коллективных формах преподавания отказываются от применения односторонних методов (например, изложения учебного материала только на слух), которые очень подходят для одной группы учащихся, но являются неестественными для других; в) когда грубейшие несоответствия в уровне и качественных характеристиках способностей школьников одного класса устраняются путем разделения учащихся на группы по степени и видам одаренности.

Но все эти меры немыслимы без предварительного или хотя бы протекающего одновременно с ними научного исследования психического дифференцирования.

Естественно, что необходимо дифференцировать воспитание, ведь робкие и отважные, небрежные и педантичные, сангвиники и флегматики требуют к себе различного подхода. Одновременно, так же как и при преподавании, здесь всегда надо ставить вопрос: не следует ли для формирования гармоничной личности дополнить односторонность врожденных склонностей заботой о развитии менее выраженных свойств, и в какой мере возможно упражнение подобных психических образований.

При вынесении судебного решения теперь начинают иначе, чем раньше, рассматривать своеобразие человека; определяя меру и вид наказания, учитывать тип его внутренней мотивации, способности к перевоспитанию. К тому же с юными следует обходиться иначе, чем со взрослыми людьми, и поэтому трудно понять, почему в схеме уголовного права и уголовного судопроизводства почти полностью игнорировалось это важнейшее различие в душевной жизни человека. Все более усиливающаяся ориентация на учет своеобразия

человека, его способности к воспоминаниям, суггестивности и т.д. при допросе свидетелей также объясняется в основном сотрудничеством с научной психологией.

Дифференциальную психотехнику в ряде случаев целесообразно проводить психиатрам. Ведь даже при лечении чисто соматических заболеваний каждый врач должен быть в большей или меньшей степени психиатром. Надо лечить не болезни, а больных людей. Если раньше при господстве, к сожалению, вымирающей сегодня системы домашних врачей близкое знакомство врача с личностью пациента и ее особенностями делало точные психологические обследования излишними, то нынешняя и особенно возможная в будущем ситуация предъявляют совершенно иные требования; следует учитывать, что психологическая оценка самого пациента и способов общения с ним с недавнего времени начала формироваться при использовании научных, отчасти экспериментальных, вспомогательных средств. При этом можно надеяться, что современные, и отчасти не вызывающие сомнения, психологические подходы (например, психоаналитический метод Фрейда) со временем могут быть заменены безупречными дифференциально-психологическими методами воздействия.

3. О ПРЕДЫСТОРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Так как наша область изучения лишь начинает сейчас завоевывать свою самостоятельность, то нельзя еще собственно говорить об ее истории. Но, пожалуй, можно обозначить те направления поисков прежних времен, которые следует считать первыми ступенями и подходами к дифференциальной психологии. Здесь мы ограничиваемся некоторыми важнейшими пунктами.

В предистории нашей науки выделяются два основных течения: характерологическое и психогностическое.

Характерологией называют дисциплину, которая стремится свести различия сущности людей к определенным простым основным типам. Она исходит из убеждения, что предполагаемый источник индивидуальности или однороден или представляет собой совокупность небольшого числа основных свойств; и в первом и во втором случае его суть необходимо сделать понятной. Поэтому она пытается дифференцировать главные формы, в которых эти основные свойства могут проявляться и, если возможно, представить их в виде четко разработанной системы.

Отличительной особенностью характерологии вплоть до сегодняшнего дня является своеобразное слияние философских гипотез о сути и причинах человеческой природы (характера, темперамента) с эмпирическими исследованиями, ограниченными получением данных повседневного опыта или полудилетантскими подходами к рассмотрению психики.

Хотя название "характерология" появилось лишь во второй половине XIX в., само это течение гораздо старше.

Самый известный пример из древности, относящийся к нашей теме, - это учение Галена о темпераменте, в котором из преобладания какого-либо одного "сока" в человеческом организме выводится четыре основных типа индивидуального своеобразия. Многочисленные попытки толкования, предпринятые в последние два столетия в связи с проблемой темперамента и имеющие характерологическую окраску, обсуждаются в одной из последующих глав.

Указанное направление было широко представлено в немецкой просветительской философии и "психологии опыта" XVIII в., некоторые примеры чего содержатся в истории Дессуара. Наиболее известна здесь - "Антропология" Канта (1798); специальная ее часть ("антропологическая характеристика") посвящена обсуждению проблем характера,

личности, пола, народа и содержит физиогномические описания, рассмотрение видов темпераментов, видов мышления и т.д., сделанные с тонким вкусом.

Спустя 70 лет характерология приступила к систематическому рассмотрению вопросов. Недостаточно известный труд Банзена (1867), в котором упомянуто название "характерология", содержит сокровища, заслуживающие внимания и в наше время. Он обозначил три главных области логического дифференцирования: темпераменты (которые относят к чисто формальным волевым отношениям), позодиника (выражающая меру способности страдать) и этика (характер в полном смысле этого слова).

В новейшее время в Германии появились отдельные опыты в области характерологии Штернберга, Люка, Клагеса. Французы же - Малапер, Полан, Фуле, Рибери и др. - обратились к теме классификации и описания характера и темперамента.

Собственно дифференциальная психология, как мы ее здесь представляем, отличается от характерологии в двух отношениях. Она избирает исходную для себя точку не "сверху" (единая сущность индивида), а "снизу", и исходя из множественности устанавливаемых в индивиде явлений, медленно и осторожно пытается подняться к единству индивидуальности; при этом она не удовлетворяется способом, который является неясным слиянием философской спекуляции с наивным случайным опытом, а стремится выработать научную методику, соразмерную своим проблемам.

Но не следует ожидать, что дифференциальная психология признает характерологию совершенно излишней и заменит ее. Скорее более интуитивная, исходящая сверху манера рассмотрения характеролога и впоследствии будет являться ценным дополнением аналитического исследования психолога; и конечно, еще очень далеко от исполнения оправданного желания, чтобы точная психологическая методика исследования была перенесена на разработку собственно характерологических вопросов. Из двух основных проблем характерологии до сих пор только одна - проблема темперамента - проявила тенденцию стать доступной более точным методам; но к исследованию трудной и фундаментальной проблемы характера современными методами еще только-только приступают. Именно этим объясняется, почему в данной книге тема характера, несмотря на ее важность, может быть лишь едва затронута в контексте обсуждаемых вопросов использования дифференциально-психологических методов.

Психогностика - другая большая область, которую следует считать предварительной ступенью нашей науки. Ее задача состоит, с одной стороны, в установлении отношений, имеющих между определенными, внешне воспринимаемыми состояниями или движениями человека, и его индивидуальным своеобразием, и с другой стороны — в использовании этой выявленной связи для истолкования характера конкретного индивида.

В трех направлениях психогностика приобрела вид достаточно оформленных систем - это физиогномика, френология и графология. Наряду с этим имеется еще целый ряд отдельных опытных исследований.

Физиогномика, или истолкование типа лица, в средние века существовала как вид оккультного искусства, но лишь Лаватер [1775] сделал ее популярной; известно, что и Гете был некоторое время увлечен этим учением. Правда, эта волна популярности длилась лишь короткое время.

В действительности этот метод был слишком примитивен, и выбор оснований для истолкования (частью - костного каркаса, частью - мягких тканей лица) был слишком произволен, чтобы, в конце концов, физиогномика быстро не привела бы сама себя к абсурду. Она настолько упростила дело, что, не считая нужным рассматривать действительное лицо испытуемого, обращалось лишь к его силуэту.

Большее воздействие оказала вторая система - френология, созданная около 1810г. Галдем и называемая также краниоскопией. Она выступила с совершенно другим научным инструментарием. И хотя учение о том, что отдельные психические способности локализованы в разных местах мозга, было, по меньшей мере, спорной гипотезой, однако, казалось убедительным вытекающее из этого заключение, что наиболее сильная выраженность какого-либо свойства сопровождается особенно сильным развитием соответствующей части головного мозга и выражается в шишковидных образованиях или увеличении поверхности черепа. Тем самым выпуклость валика и углубления черепа приобретали значение психогностических признаков преобладающих или отсутствующих свойств. Сегодня мы знаем, что некоторые предположения были верны лишь в очень незначительной степени, а отдельные истолкования были совершенно неверны; но несмотря на это ощупывание черепа длительное время считалось отличным средством определения характера. Галль имел много последователей, некоторые из которых (например, Шпурцхайм) работали дальше самостоятельно. И сегодня френология еще не совсем вымерла; в лице Мебиуса она недавно вновь получила научную поддержку.

Также и третья психогностическая система - графология - это творение XIX столетия. Страна ее рождения - Франция; она была основана аббатом Мишоном [1875] и разработана Крепье-Жаменом в 80-е годы. Основная мысль графологии — движения человека хотя бы частично могут считаться формами выражения его природы, что также относится и к движениям при письме, поэтому результаты движений при письме (особенности начертания букв и почерка в целом) применимы в качестве психогностических средств истолкования, -в принципе оправдана. Однако, реализация ее оставляет желать много лучшего. Количество общепризнанных, надежных связей между особенностями почерка и свойствами характера еще очень мало, поэтому индивидуальные истолкования графологов, даже самых авторитетных, все же подвержены сильным заблуждениям. Эта область страдает от того, что наряду с серьезными опытами научного обобщения (в лице Прейера, Джоржа Мейера, Бюссе, Клагеса и др.) бесчинствуют некритическое любительство и ремесленное шарлатанство.

Все рассмотренные психогностические системы страдают двумя недостатками. Один из них ситуативной природы, определяется их современным состоянием и поэтому может быть преодолен в будущем - это чрезвычайно неудовлетворительная методика, которая большей частью отвергает элементарнейшие требования научной критики. Другой недостаток принципиальной природы; он заключается в произвольном выхватывании какой-либо одной группы симптомов в качестве единственного средства познания. Эта ошибка делает невозможным преобразование названных любительских занятий в истинно научные. Дифференциальная психология должна стремиться в целях познания психических особенностей обеспечить взаимодействие всех имеющихся средств истолкования; поэтому почерк или выражение лица всегда будут для нее лишь отдельными симптомами наряду со многими другими, а не изолированными объяснительными принципами. Подробности этого приведены в главе о симптоматологии.

Наряду с двумя основными течениями, являвшимися подготовительными ступенями нашей науки, есть многочисленные течения более узко специального характера, которые также вносят свой вклад в дело создания дифференциальной психологии.

Здесь следует назвать многочисленные сочинения о наследственных предпосылках гениальности и об отдельных гениях, о психологии женщины, преступника, расы, т.е. исследования, возникшие в стороне от основного русла развития психологии. Они создаются людьми самых различных профессий и уровней: врачами и художниками, специалистами-любителями и дилетантами и представляют в методике, точках зрения и постановках проблем очень пеструю и неупорядоченную картину. На систематизацию их в нашей области исследования следует надеяться лишь в будущем.

Дифференциальная психология в качестве ответвления общепсихологической науки (категории и виды методов которой были ею восприняты, развиты дальше и изменены в соответствии с новыми требованиями), возникла с конца 19 столетия. Уже в 80-е годы Шарко во Франции и Гальтоном в Англии было основано учение о типах памяти и языка; в 1890 г. в Америке Кеттел впервые предложил метод "умственных тестов"; в 1896г. появилась работа Бине и Анри "Индивидуальная психология" -своего рода программное сочинение новой области; одновременно с этим Баервальд опубликовал свою "теорию одаренности"; в 1890 г. я сам в "Психологии индивидуальных различий" попробовал дать резюме по тогдашнему состоянию разработок и побудить ученых к будущим исследованиям в этой области науки.

В первое десятилетие нового столетия эти начинания вылились в мощно разрастающееся движение, которое уже не укладывается в рамки указанного исторического обзора; разработанные в этот период методы и полученные результаты достаточно полно будут представлены в данной книге. Необходимо только упомянуть, что это движение сохранило свой международный характер. Прежде всего Франция, Германия, Америка, Англия и Голландия совместными усилиями приступили к разработке этой перспективной области; свой вклад, хотя и в меньшем объеме, внесли также Италия, Россия, Венгрия. О международном характере исследований дает достаточное представление библиография.

4. ДИСЦИПЛИНЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Критериями классификации науки могут выступать как ее эмпирическое содержание так и логико-методологическое основание в постановке ее проблем. Так как дифференциальная психология еще не предстала в качестве единой системы, а до сих пор представляла собой совокупность неупорядоченных отдельных исследований, то естественно, что определяющим основанием для разграничения ее частей может непосредственно служить их содержание. Соответственно, следует выделить как частные области: исследование интеллекта, одаренности, характера, темперамента, типов памяти, типов внимания и т.д.; изучение психологии гения, полов, рас; разработка проблем сверхнормальности и субнормальности и многое другое.

Но если исходить только из этого разделения, то совершенно невозможно подняться над стихийно складывающимися проблематикой и методиками частных областей и создать науку из хаоса отдельных исследований.

Но поскольку как раз последнее является задачей данной книги, мы в своем изложении намеренно избегаем деления материала по содержанию, чтобы в возможно более чистом виде вскрыть формальные и общеметодические основы дифференциальной психологии. Это выступает в принципах разделения, на основе которых мы получаем **четыре** методологически отличающиеся друг от друга конкретные **дисциплины**: вариационное и корреляционное изучение, учение о психографии и сравнительное исследование. При этом каждые две рядом обозначенные дисциплины теснее связаны между собой.

Исходный материал дифференциально-психологического исследования сначала тот же, что и общепсихологического: человеческие индивиды, содержащие в себе большое число разнообразных физических и психических составных частей. Назовем эти составные части возможно более широким и индифферентным словом "признаки"; тогда, следовательно, нам даны **индивиды и их признаки**.

Но уже следующий шаг существенно разводит пути дифференциальной и общей психологии.

Общая психология в качестве особого объекта исследования может рассматривать только второй из названных уровней — "признаки". Реально существующие индивиды ею не

рассматриваются; она заменяет их идеей "индивида вообще", более точное определение которого уже выходит за границы эмпирической специальной науки и становится предметом философии.

Дифференциальная психология, напротив, не может ограничиваться только исследованием признаков. Для нее предметом исследования является сам индивид как эмпирическая единица. Конечно же, она в решении вопроса о сущности индивидуальности и Евыведения из этой сущности ее отдельных характеристик должна апеллировать к философии; но решение вопросов о том, как создается картина реальной индивидуальности из всей полноты признаков и как структура индивидуальности проявляется во взаимоотношении этих признаков, она осуществляет вполне самостоятельно.

Тем самым проблематика нашей науки развивается в **двух направлениях** и в зависимости от того, существует ли каждое из этих направлений изолированно или в определенной связи с другим, выделяются четыре главных задачи исследования.

Их можно представить схематично, изобразив оба направления в виде двухмерной диаграммы. Индивиды представлены в ней параллельными линиями; имеющиеся у каждого индивида признаки - рядом точек на них; таким образом, находящиеся на равной высоте точки различных индивидов относятся к аналогичному признаку. Вертикальные линии, представляющие индивидов, обозначаются большими буквами; горизонтальные расстояния между точками, представляющие размеры признаков — маленькими буквами

Горизонтальный срез данных означает: какой-либо один признак (например, с) исследуется у многих индивидов ($A...Z$) и фиксируется в своих вариациях, т.е. речь идет о **вариационном учении**. Примеры - изучение типов памяти, степени интеллекта, темпераментов, верхней и нижней границ нормы для определенных достижений.

Вертикальный срез означает: один индивид (например, С) исследуется относительно многих своих признаков ($a...z$), а также связи их между собой и фиксируется в своей особости как индивидуальность, т.е. речь идет о **психографии**. Примеры - психологический анализ индивидуальности Гете; патографии Руссо; установление психического состояния душевнобольного; составление персонального психологического портрета школьника.

Наряду с этими крайними случаями возможны комбинации обоих направлений, при которых, правда, одно всегда будет являться ведущим.

Если производят **два или несколько горизонтальных срезов**, то это означает, что два или несколько признаков (например, *тип*) проверяют на многих индивидах ($A...Z$), чтобы установить, одинаково ли направление варьирования обоих признаков, различно или осуществляется независимо, т.е. речь идет о **корреляционном учении**. Примеры - изучение связей между определенными формами одаренности, двумя различными тестами на интеллект, свойствами темперамента и воли.

Если проводят **два или более вертикальных срезов**, то некоторых индивидов (например, M и N), каждый из которых изучается по многим признакам ($a...z$), сравнивают друг с другом, т.е. имеется в виду **учение о сравнении**. Примеры — семейное исследование, сравнение Шиллера и Гете.

Как мы видим, две первые из выделенных областей приближаются к номотетическим наукам и, тем самым, к общей психологии, а две последние - к идиографическим наукам и, тем самым, к историческому типу исследования.

5. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Понятия "индивид" и "признак", из сочетания которых сложились различные проблемы дифференциальной психологии, нуждаются в более подробном изложении. При этом, правда, возникает одно затруднение: основные понятия, формулировки и оценки, которыми оперирует психолог, зависят не только от его общепсихологических, но и философских воззрений и могут быть с достаточной убедительностью выведены только из них. Однако требуемая при этом подробность изложения сильно увеличила бы объем данной книги, призванной обосновать дифференциальную психологию как эмпирическую науку, поэтому мы вынуждены ограничиться кратким рассмотрением недостаточность которого надо иметь в виду); это оправдано и тем, что принципиальное обсуждение уже дано частично в моем философском труде, а кроме того будет представлено в ближайшее время в учении об индивиде. Поэтому материал, изложенный на последующих страницах, надо рассматривать в контексте уже сделанных более подробных описаний моих основных психологических воззрений.

Впрочем, я надеюсь, что последующие главы сохраняют свое значение в качестве методологических несмотря на то, что я дал широкий обзор альтернативных психологических воззрений.

Напомним, что данные табл. расположенные по вертикали, представляли собой **измерение индивида** (или индивидуальности).

Под "индивидом" мы понимаем **целое**, которое, правда, заключает в себе множество составных частей, но, тем не менее, не разложимо на эти части (т.е. неделимо). Единство

эмпирически проявляется в замкнутости формы, в целесообразности функционирования и в единстве самосознания.

Под "индивидуальностью" мы понимаем индивида как целое в его уникальности.

В настоящее время оба эти понятия дифференциальной психологии используются применительно в первую очередь к **отдельной** человеческой личности, хотя, конечно, не могут быть полностью этим ограничены. **Общность** людей может также рассматриваться с точки зрения замкнутой целостности в своей особости относительно других: сообществ, т.е. в качестве "коллективного индивида" (причем, вопрос о том, насколько правомерно приписывать общности характер личности, спокойно можно оставить философии).

Поэтому та постановка проблем, которая нами выводилась из измерения индивидуальности, также может быть применена к коллективным индивидам: например, можно провести психографию французского народа или артиста; или попытаться сравнить мужской и женский пол, арийскую и монгольскую расы и т.п.

Более подробно надо рассмотреть данные таблицы, расположенные по горизонтали - "признаки". Было намеренно выбрано такое индифферентно-бесцветное определение, под которым могло бы подразумеваться все то предполагаемое разнообразие, что может быть эмпирически установлено в индивиде. Классификация Примаков, которую должна использовать дифференциальная психология, существенно сличается от общепсихологической (по крайней мере, господствующей сегодня); соответственно, мы различаем три группы признаков - **явления, действия и склонности**. Значит, не старое противопоставление физического и психического служит основным принципом разделения, а другое - пересекающееся с ним. Противопоставление психического и физического уходит на второй план.

Философское обоснование трех групп признаков можно найти в философском труде; здесь же мы должны, соответственно нашей эмпирической задаче, привести доказательства, что подобное классифицирование исходит из особенностей рассмотрения признака как предмета нашего опыта.

А. Феномены. Наш опыт или непосредствен или опосредствован. Непосредственный опыт - это **явление** как таковое, представление, имеющееся у меня в данный момент, например, выражение лица другого человека, которое я вижу сейчас. Чувства другого человека, скрытые за выражением его лица, правда, не могут быть для меня непосредственно открытыми, а для него самого - могут, выступая, следовательно, принципиально непосредственно познаваемыми.

Внутри феноменальных признаков выделяются **психические и физические феномены**. Психическими мы называем феномены, являющиеся или могущие быть предметами внутреннего опыта, доступного только самому переживающему: представления, ощущения, чувства, возникающие как в состоянии сознания, так и в бессознательном состоянии (бессознательное представление может перейти в сознательное и тем самым стать предметом внутреннего опыта). Физическими мы называем феномены, являющиеся или могущие быть предметами внешнего опыта, т.е. общего с другими людьми - это, например, состояние и движение тела человека; сюда относятся также процессы возбуждения, происходящие в живом мозгу, хотя они в предшествующих исследованиях не стали действительными предметами опыта.

Как известно, для современной общей психологии различие между физическими и психическими признаками — это основное различие вообще; она знает только психическое и физическое и их связи. Для нас картина меняется. Альтернатива "психическое — физическое" признана достаточной только для феноменов; но она

оказывается недостаточной для групп признаков, предназначенных теперь для обсуждения.

Речь идет о таких признаках, которые принципиально не могут быть предметами непосредственного опыта, но из него проистекают при определенной обработке. Ошибочно думать, что признание таких нефеноменальных признаков приводит к отрыву от эмпиризма; ибо эмпиризм - это не грубый непосредственный, а научно упорядоченный и логически связанный опыт. Но это становится возможным только в том случае, если мы сводим хаотичные и рассеянные, потенциальные и актуальные феномены к реально воздействующим факторам и рассматриваем их в действительной взаимосвязи. Эти факторы и взаимосвязи сами не могут быть непосредственно даны;

но они должны сделать понятными непосредственные факты научного исследования, побуждать искать и находить новое. Пока гипотетические моменты допускают этот контроль и обработку опытом, они не только дозволены, но и необходимы для познания.

В действительности ни одна научная работа, психологическая в том числе, не отказывается принять такие гипотетические объясняющие факторы и взаимосвязи;

различие заключается лишь в том, какого рода объяснительные категории используются для истинного истолкования. Возможно, что эти категории берут из абсолютно непсихологических областей, в первую очередь, из неорганических естественных наук; это тот случай, когда считают, что такие понятия, как "энергия", "механическая природная закономерность" и т.п. могут сделать понятными феномены живого индивида. Или берут категории из собственной области изучения, и их роль заключается в том, чтобы раскрыть соотношение между единством индивида и многообразными, имеющимися в нем, явлениями. Индивид - это больше, чем агрегат психических и физических явлений; **чем** он является на самом деле, должно быть выражено именно через нефеноменальные признаки. Но тогда эти гипотетические составные части приобретают уже не механический, а персоналистический характер:

множественность и расщепленность имеющихся в индивиде феноменов находят свое объяснение и обобщение в признаках индивида как **целого**, скрытых в нем или реализованных им.

В. Действия. Первый шаг по этому пути ведет от феноменов к действиям. Действия имеют нечто общее с явлениями, но дополнительно — еще и определенную временную реальность, так как существуют только в определенные моменты. При этом они являются не какой-то любой цепью данностей, а фактором, придающим этим данностям единство направления, подчиняющим их одной общей цели. Эта синтетически-телеологическая направленность поднимает, например, действие мышления над спонтанным приходом и уходом содержания мыслей или действие переваривать пищу над простой игрой феноменов химического разложения.

Дифференциальная психология никогда не может отказаться от предположения об индивидуальной активности, так как в действиях дифференциация людей выступает гораздо резче, чем в феноменах.

Относительно действий старое различие "психическое — физическое" уже недостаточно. Так как действия являются объединяющим принципом для целого ряда;

связанных друг с другом феноменов, то **предполагается**, что они, в свою очередь гомогенны по содержанию, т.е. являются только психическими или только физическими; в таких случаях мы можем и действия в **переносном** смысле называть психическими или физическими (в этом отношении показательны вышеупомянутые примеры актов мышления, с одной стороны, и пищеварения, с другой стороны). И, в других случаях, однако,

феномены, выступающие исходно в качестве "сырья" для „действий, могут относиться к обеим группам, не влияя этим на единство самого „действия, ибо это единство зависит не от состава участвующих в действии феноменов а от внутренней установки на цель. Эта цель относится к индивиду, как к целому, и к его самосохранению или развитию и здесь нет никакого разделения между психической и физической сторонами. Что представляет собою импульсивный поступок, жест "спортивное достижение? Это психические или физические действия, или действия представляющие комбинацию того и другого? На самом деле это и ни то, и ни другое "они являются **персональными** действиями индивида как такового, в которые отсутствует разделение явлений на психические и физические — они являются **“психофизически (психофизиологически) нейтральными**. К психофизически нейтральным имы должны отнести также такие действия, которые в одном случае имеют явно одну направленность (например, только на психическое), а в другом случае - противоположную, не изменяясь при этом в своем собственном качестве действия. Сюда относится, например, большая и очень важная группа явлений - "высказывание мне-иния", за которыми до сих пор не признавалось единого значения именно в силу их всегда односторонней установки только на психический или только на физический вид рассмотрения. "Принятие точки зрения" - это выбор альтернативы в отношении индивида к феномену, т.е. действие, осуществляющее одну из двух противоположных возможностей поступка. Поэтому реакция обороны или спасение бегством содержит такое же отрицательное отношение, как отрицание проблемы или порицание поступка. ИИ здесь, и там поступок - это выражение того, что человек исключает объект из своей индивидуальной устремленности к цели; но феноменальный материал деятельности имеет разную природу: физическую - в двух первых, психическую - в двух последних случаях.

С. Склонности. Еще одним шагом, уводящим нас от непосредственного опыта, является третья группа признаков - **склонности**. Сравнительно с действиями и феноменами они приобретают еще одно дополнительное измерение - **хронический (актуальный) и потенциальный** характер. При научной обработке результатов опыта их учет является необходимым, так как принять разделенные во времени, отдельные действия индивида в качестве последних объяснительных категорий невозможно в силу профессиональной потребности раскрывать их действительную причинность. Где появляются поступки, должна постулироваться и **стоящая за ними способность**; актуальность предполагает возможность.

От предположения о наличии таких способностей или склонностей ни одна наука не может полностью отказаться, но им уделяется большее или меньшее внимание зависимости от характера постановки проблем. Так, современная общая психология стремится исключить склонности (в вышеприведенном смысле) из поля своего рассмотрения. Дифференциальная же психология не может и не должна это делать.

Сравним терминологию, к которой прибегают в каждой из обеих областей. Общая психология "говорит" об ощущениях, представлениях, чувствах, об актах мышления и суждения, о волевых актах — т.е. преимущественно об **острых** (или актуально проявляющихся в определенный временной период) видах психических переживаний; дифференциальная же психология - об интеллекте, темпераменте и характере, о предрасположении и наследственности, об одаренности и гении, т.е. преимущественно в выражениях предрасположенности¹.

(1) Правда, и в ряде современных трудов по общей психологии речь идет о "предрасположениях"; но здесь данное понятие имеет совершенно другой смысл. Имеется в виду тот факт, что какое-то существовавшее содержание сознания оставляет последствия, облегчающие его повторные появления. Так с каждым актуальным переживанием соотносят особую "склонность" в качестве ее следового эффекта; индиви

получает их извне, но сам остается при этом совершенно пассивным. Предрасположения, как мы их понимаем, напротив, оказывают свое влияние, направляющее развитие индивида как целого изнутри; он пожалуй, побуждается, но никогда не порождается извне.

Если мы исследуем различия в памяти, то в этом случае как показатель используется проявленный ею уровень достижений; но он интересует нас не столько этим своим актуальным качеством, сколько потому, что дает возможность увидеть симптомы длительных (хронических) способностей памяти. Испытание интеллект имеет целью не изучение механизма мгновенного, в данный момент осуществляющегося, комбинирования, определения и т.п., а выявление имманентной предрасположенности индивида к тем или иным результатам мышления.

Психография выдающейся личности позволяет сводить воедино и систематизировать то значимое, что может быть найдено в психических и физических видах поведения, и из этого можно сделать заключение о стабильной внутренней конституции которая проявляет свою естественную тенденцию в определенных формах самовыражения и саморазвития.

Но не является ли подобная гипотеза о предрасположениях рецидивом опороченной теории способности? — И да и нет.

"Да" - поскольку мы убеждены, что психическая жизнь индивида не может быть объяснена только простой констатацией фактов прихода, ухода и последствии актуальных феноменов и механистически управляющих ими закономерностей, а требует признания способностей как внутренне присущих индивиду.

"Нет" — поскольку эти способности воспринимаются не как окостеневшие и конечные особые силы, как некие, проявляющие в человеке свою суть, творящие бесчинства и разрывающие единство индивида самостоятельные души, а, наоборот как связанные, соотносящиеся друг с другом и противодействующие изоляции структурных элементов виды активности, управляющие индивидом как целым.

Грубая ненаучность старой теории способностей привела к тому, что сначала ученые впали в противоположную крайность, и десятилетиями все, что относилось к предрасположению, официально было исключено из психологической науки (при этом правда, достаточно часто оперировали имплицитно проявляющимися понятиями идеями предрасположения). В противоположность этому следует теперь хотя бы открыто признать необходимость этих объяснительных причин, одновременно сделать их предметом самой основательной научной проработки, в интересах использования и для углубленного познания психических явлений. Мы поэтому должны будем — отчасти в этой книге, отчасти в ее философском дополнении - подробно рассмотреть, как выявлять индивидуальные предрасположения, какое значение и роль следует им приписывать, как ограничивать их друг от друга и как упорядочивать и, наконец, как объединять в единую структуру индивидуальной энтелехии.

Для предварительной ориентации надо кратко наметить главные точки зрения данного исследования, одновременно четко разграничив учение о склонностях и старое учение о способностях.

I. Выявление предрасположений всегда должно строиться на непосредственно доступных опыту феноменах; при этом лишь те аспекты феноменов следует выводить из факторов склонности, которые нельзя объяснить никакими другими факторами. В первую очередь необходимо учитывать **потенциальный** характер предрасположений:

они представляют собой всегда только возможности к развитию, лишь частичные условия действительно происходящего, нуждающиеся в дополнении другими условиями,

представленными в форме влияний внешнего мира. Действительные феномены и действия индивида можно понять только через конвергенцию предрасположений и условий окружающего мира.

II. Классификация предрасположений должна строиться на следующих основаниях. Склонность — это общая и постоянная причина для группы действий, связанных друг с другом; однако суть действий заключается не в феноменах, которые в них участвуют, а в имманентной господствующей целеустремленности. Следовательно, склонности не следует разграничивать по критерию однородности феноменов (как это сделала теория способностей, принимая за основание каждой отдельной способности, качественно подлежащей изоляции, **содержание** результата). Для нас склонность означает скорее формальную способность достигать особым образом определенные, конкретные цели индивидуального самосохранения и развития. Причем, **одна и та же склонность может реализовываться очень различными по содержанию средствами**. Примерами могут служить такие склонности, как способность адаптироваться, способность подражать, способность к упражнению.

Однако эти примеры показывают и нечто другое. Пока содержание феноменов использовалось в качестве решающего основания классификации, все склонности должны были четко подразделяться на психические и физические. Сейчас этого уже нет. Конечно, есть склонности, реализующие свои цели только при помощи **одной** группы феноменов (в определенном смысле интеллект может выступать чисто психической, а способность к пищеварению - чисто физической склонностью). Однако, как названные выше, так и многие другие склонности, уже больше не допускают *подобного* вида классификации, поскольку они могут иметь дело в равной степени как с психическим, так и с физическим материалом, без какого-либо изменения при этом единства и внутренней тождественности целевых установок. Так, способности к упражнению - это предрасположение при помощи повторения осуществлять все действия энергетически экономнее и психологически увереннее, независимо от того, идет ли речь о психическом запечатлении содержания мыслей или о физическом акте овладения движениями. Темперамент — это склонность к определенному динамическому течению жизни. Но какой жизни - физической или психической? И при ответе на этот вопрос терпит неудачу попытка однозначного разграничения, так как за чисто физическими и чисто психическими стоят **психофизически нейтральные** склонности, и именно их следует рассматривать в качестве самого непосредственного выражения энтелехии как источника жизненной силы индивида.

Другое очень важное разделение склонностей - на **лабильные и стабильные**. Лабильные склонности, или **задатки**, - это такие внутренние тенденции деятельности, которые еще не привели к специфичной для индивида, завершенной и закономерной форме функционирования, так как сначала сами должны пройти путь последовательного созревания и оформления, являясь при этом, одновременно, максимально открытыми для воздействий извне и нуждаясь в них. Стабильные склонности, или **свойства**, - это, напротив, относительно постоянные формы поведения, являющиеся ядром сущности человека и представляющие собою весьма узкое пространство для "игры" входящих извне влияний. Оба вида предрасположения имеют различное телеологическое значение: задатки — это условия саморазвития формирующейся личности, а свойства, напротив, — условия самосохранения сложившейся личности. И если даже в конкретных обстоятельствах обе тенденции, прогрессивная и консервативная, постоянно переходят друг в друга и тесно взаимодействуют между собой, то в целях теоретического рассмотрения все же часто приходится их разъединять.

III. Связь предрасположений. Теория способностей остановилась перед множеством резко разграниченных предрасположений и решила, что сможет объять их количественно. Нам представляется это совершенно невозможным, ибо самостоятельность предрасположения, как и частичной цели, которой оно служит, является на самом деле фиктивной.

Эмпирический путь выхода из этого тупика разобщения дан в методах самой дифференциальной психологии, ведь психография, сравнение, выявление вариаций и корреляций имеют общее стремление из рядоположенных отдельных свойств создать иерархическую систему в разной степени связанных друг с другом (теснее - свободнее), общих или специальных, сильно или слабо дифференцированных предрасположений, иными словами - сделать набросок единой **картины структуры индивида**, своеобразия его предрасположений (энтелехии).

Итак, восходящий снизу путь эмпирического анализа заканчивается там, где начинается нисходящий сверху путь философского поиска - в единстве индивидуальной человеческой личности.

В заключение мы представляем таблицу групп признаков, которые были рассмотрены выше (

Глава X ВАРИАЦИИ. ВВЕДЕНИЕ

Факты проявления психической жизни, составляющие материал общепсихологического исследования, представлены в действительности самым разным числом отличающихся друг от друга, т.е. вариативных, форм. Каждая конкретная форма представляет собою определенный "вариант". Психическое варьирование можно рассматривать с трех дополняющих друг друга точек зрения и делить его по области, по измерению и по типу варьирования.

1. ТОТАЛЬНАЯ И ПАРЦИАЛЬНАЯ ВАРИАЦИЯ

Объектами дифференциальной психологии (как было показано выше) являются индивиды и признаки. Каждый из этих объектов можно рассматривать как основу возможных дифференциаций.

Варьирование отдельного признака называется парциальной вариацией, а индивида как единого целого - тотальной.

К тотальной вариации относятся те опыты, в которых "основное свойство" рассматривается как ядро человеческого существа, и потому варьирование этого свойства становится одновременно основой варьирования индивидуальности. Главным образом "характер" играет роль этого всепронизывающего и определяющего основного свойства; но часто и темперамент рассматривается как тотальный вариант. Некоторые обозначения относятся попеременно то к тотальным, то к парциальным вариациям; так "нормальность", "аномалия", "гениальность"

приписываются то ин-дивиду как целому (в качестве его совокупной характеристики), то его отдельному свойству, например, фантазии или интеллекту.

При установлении тотальных вариаций опираются на философскую предпосылку, что индивид - это подлинная личность, т.е. единство и целостность. Тот, кто не видит в человеке ничего, кроме сцепления психических признаков, будет ограничиваться поиском особых вариантов каждого отдельного признака. Даже более того, один и тот же факт, который отражает содержание обширного основного свойства, зависит от философской формулировки понятия личности: тот, кто убежден в примате воли, будет рассматривать варианты характера, кто же толкует личность интеллектуалистически - будет считать варианты интеллекта сущностным признаком различия между людьми.

В этой философской тенденции, несомненно, скрывается определенная опасность для дифференциальной психологии; в многочисленных случаях она приводила к чисто априорным конструкциям, к которым впоследствии приспособляется опыт, и ко-торым другие мыслители могли противопоставить с равным правом иные конструкции. Мы позже познакомимся с характерными примерами этого, обращаясь к учению о темпераментах.

Философской догмой, однако, является и противоположное мнение: психический индивид - это ни что иное, как сцепление психических элементов, поэтому и его индивидуальная особенность не может быть выражена единым тотальным качеством, а только пестрой очередностью парциальных вариантов. Но при этом не замечают того, что элементы в индивиде составляют единую структуру, и что тотальное качество этой структуры может представлять собою собственный вариант.

Дифференциальной психологии в силу того, что она является эмпирической наукой, следует применять оба способа рассмотрения, но и тот и другой в качестве эвристических принципов. Позиция парциальных вариаций побудит ее, применяя ана-литический подход, выявлять элементарные процессы, в которых обнаруживается варьирование людей. Область психического, где устремленность к цели и структура индивида выступают как единое явление, должна рассматриваться ею с позиции тотальных вариаций. Тогда может оказаться, что тотальные и парциальные варианты не противостоят друг другу как непримиримые противоположности; что существует иерархия, объединяющая посредством обширных структурных связей области специальных (относящихся к наиболее узкоограниченным отдельным признакам) и то-тальных вариаций. Последовательное изучение этой иерархии образует путь иссле-дования, по которому можно двигаться в двух направлениях; наука должна поза-ботиться о том, чтобы исследования, идущие сверху и снизу, действительно встре-тились.

Значение этого соотношения тотальных и парциальных вариаций будет специ-ально рассмотрено в следующих главах.

В пределах парциальных вариаций в свою очередь обнаруживается разделение в зависимости от того, какие признаки являются предметом варьирования - актуальные или хронические.

Актуальные вариации относятся к **феноменам и действиям**, проявляющимся в определенные моменты времени. Если я исследую, сколь различно 100 лиц реагируют словами-ассоциациями на предложенные слова-раздражители, то могу при этом уста-новить варибельность феноменов ассоциации. Если я предлагаю какому-то числу учеников назвать свой любимый школьный предмет, то обнаруживаю многообразие суждений, т.е. ряд вариантов действий.

Хронические варианты относятся к различным качествам **предрасположений** у человека. Они, например, являются предметом исследования, в ходе которого, при-меняя серии тестов Бине, я оцениваю уровень интеллекта и на основании полученных результатов упорядочиваю индивидов по рангам.

Правда, в реальной жизни исследования актуальных и хронических форм вариаций находятся в теснейшей связи (как это уже указывалось и что еще будет рассмотрено подробнее). Но так раз из-за этой реальной существующей связи они должны быть отчетливо разведены в теории.

2. ОТ ИНТЕРВАРИАЦИИ-К ИНТРАВАРИАЦИИ

Можно исследовать проблему вариации в двух измерениях. В первом случае речь идет о различиях **между** индивидами (межиндивидуальные, или интервариации), во втором - о различиях между несколькими фазами **внутри** одного и того же индивида (интраиндивидуальные, или интравариации). Хотя главным объектом дифференциальной психологии, несомненно, являются интервариации, но нельзя не заметить, что и некоторые проблемы интраиндивидуальных изменений могут представлять для нее значительный интерес.

Если какой-либо испытуемый подвергается длительному исследованию в постоянно повторяющихся условиях, то можно точно установить отклонения отдельных значений от среднего значения, т.е. интравариации. С интравариациями имеют дело все исследования развития, предметом которых являются различия между достижениями, интересами, стремлениями индивида на различных возрастных ступенях. Наконец, сюда же относятся исследования колебаний психической работоспособности, влияния упражнения, утомления, отдыха, алкоголя.

Как правило при исследовании интравариаций опираются на те же исследовательские принципы, что и при изучении интервариаций; в них различаются тотальные и парциальные варианты, выделяют образование ступеней и типов, здесь удается также подсчитать вариативность, ковариацию и корреляцию.

Следовательно, некоторые проблемы можно обрабатывать аналогичным образом на основе как интер-, так и интра-пути. Например, если надо исследовать, как отличаются друг от друга определенные достижения на разных возрастных ступенях, то легче всего было бы проследить этот действительный прогресс у идентичных индивидов, т.е. интраиндивидуально. Вместо этого в большинстве случаев применяют интер-метод: сравнения нескольких групп индивидов разного возраста. Причина этого предпочтения - техническая: применяя интра-метод, мы вынуждены были бы растянуть исследования на многие годы, в то время как с помощью интер-метода можно решить этот вопрос, прибегнув к одновременным массовым исследованиям. Но оба пути равно допустимы.

Точно также можно изучать влияние упражнений либо сравнивая результаты опытных и неопытных индивидов, либо прослеживая показатели научения у одного и того же индивида.

Эта аналогия между интра- и интервариациями может быть использована как средство взаимного объяснения или же как наглядное средство. Действительно, интра-вариация служит здесь методическим исходным пунктом; ее преимущество состоит в том, что она показывает нам непрерывность перехода вариантов друг в друга и таким образом вскрывает родство и интериндивидуальных вариантов, которые сначала выступают перед нами только как резко отграниченные друг от друга отдельные феномены.

Так, Крепелин использовал колебания интраиндивидуальной трудоспособности под влиянием утомления и истощения для того, чтобы сделать понятным интериндивидуальное различие между нормальными и психотическими состояниями разного вида.

Особенное значение имеют интравариаций, наблюдаемые психологом на самом себе; выше мы подробно изложили, как с их помощью становится возможным изучение вариантов, имеющих у других индивидов.

В последующих главах мы обсудим особые отношения, существующие между интер- и интравариациями для одних и тех же признаков, а также роль, которую играет интравариация для психографических целей.

3. ВАРИАЦИИ КАЧЕСТВА И КОЛИЧЕСТВА

Это разделение - наиболее важное - нуждается здесь лишь в коротком пояснении, так как обе его формы специально рассматриваются в соответствующих главах (XII-XIV, XV-XVD).

Уже наивная дилетантская психология выражает различия между людьми или качественно (у одного математическая одаренность, у другого - лингвистическая;

один - сорвиголова, другой - тихоня), или количественно (*A* способнее чем *B*; *C* темпераментнее чем *D*).

О таком же разделении свидетельствует опыт культуры: на качественных различиях основаны, например, разные виды высших школ, а также учреждений профессионального образования; на ступенчатых градациях базируется ранговый порядок учащихся внутри класса или зачисление умственно неполноценных детей в особые вспомогательные школы.

Однако наряду с этим порой обнаруживается тенденция разрешить проблемы собственно качественных различий чисто количественным путем: вспомним только о постоянно повторяющихся попытках свести различие между мужской и женской душевной жизнью к разным уровням градаций - от полноценности до неполноценности.

Во всяком случае дифференциальная психология признает оба вида разделения, но каждый из них и их взаимоотношение друг с другом должны стать предметом особого научного исследования.

Качественные вариации находят свое место в понятии "тип", логическое и методологическое обоснование которого относится к самым неотложным задачам науки;

количественные вариации переводятся из грубого определения - больше или меньше - в точные числовые показатели и статистические данные, и таким образом обеспечивается переход к системе степеней и ранговых градаций.

Глава XII ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

Качественные различия между людьми в пределах нормы должны быть упорядочены с точки зрения единого основания. В качестве такового в последнее время все чаще применяется понятие "тип", которое, однако, чтобы стать научно плодотворным, нуждается в очень точной формулировке и отграничении от родственных понятий.

Мы придерживаемся следующей дефиниции. Психологический тип — это преобладающая диспозиция психического или психофизически нейтрального вида, присущая группе людей при их сопоставлении, при том, что эта группа не должна быть однозначно и всесторонне отграничена от других групп.

В этом определении содержатся, как нам кажется, все существенные признаки, рассматриваемого явления: 1. общность для группы людей; 2. наличие диспозиционного фактора; 3. отсутствие резкой, непроходимой грани между типами (т.е., плавный переход к соседним типам); 4. ограниченность области типа только одной из сторон индивидуальной жизни.

Прежде всего необходимо коснуться такой характеристики, как "психический или психофизически нейтральный вид". В отношении диспозиции, лежащей в основе **типа**, так же, как и в случае собственно диспозиции индивида, невозможно ограничиться чисто

психическим, ибо оно, зачастую, означает по сути психофизиологически нейтральное состояние. Для "типа женщины" или "типа темперамента флегматика" на самом деле в равной мере существенны как определенные телесные, так и определенные психические признаки; это же соответствует и многим другим случаям.

Остальные признаки нуждаются в более подробном рассмотрении.

1. ТИПОВОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩНОСТИ

Когда мы кого-то называем музыкальным, зрительным или сангвиническим типом, то констатируем свойства, которые, одновременно, столь же значимы и для всех людей, принадлежащих к этому типу. В отличие от общепсихологического подхода, возводящего общезначимое к душевной жизни человека вообще, мы рассматриваем его применительно к некоторой небольшой (в пределах человечества) группе людей.

Из такого общего толкования типа получается, что отнесение какого-то X к какому-либо типу никогда не характеризует этого X как индивидуальность; ведь этим подчеркиваются только те стороны его существа, благодаря которым X становится сравним с другими людьми, принадлежащими к этому же типу.

Отношение более общего к менее общему может теперь повториться внутри самих типов при многократной градации на основе более дробных принципов разделения (надтипы и подтипы). Так, например, зрительный тип может разделиться на подтипы, в одном из которых преобладают цветовые, а в другом - пространственные компоненты зрительных представлений.

Подтип, заданный содержательно более точно, имеет, естественно, менее общее значение, так как группа, которую он охватывает, является более узкой; однако, по той же причине, он больше способствует характеристике отдельного индивида. Таким образом, система упорядоченных между собой над- и подтипов образует связь между общечеловеческими признаками и признаками единичной индивидуальности, однако, сама психология типов никогда не достигнет ни верхней, ни нижней границы этой группы.

2. ТИП ДИСПОЗИЦИИ

То общее, благодаря чему мы объединяем группу людей в тип, относится, в конечном счете, не к актуальным признакам (феномены и действия), которые в определенный момент и примерно одинаково проявляются у A , B , C , D и т.д., а к хроническому, стационарному свойству, благодаря которому A , B , C , D и т.д. **становятся предрасположенными** к воспроизведению этих самых актуальных признаков.

В психологии, правда, понятие **типа** не всегда рассматривается в таком диспозиционном аспекте; скорее это понятие используется как вспомогательное, только для группировки качественных различий, которые обнаруживаются в самом феноменологическом материале. Так, например, если проанализировать сочинения ста школьников на заданную тему, то в результате будет выделен ряд более или менее четко различающихся групп, которые можно было бы назвать "типы сочинений". Подобным образом можно поступать всегда, когда сопоставимые результаты наблюдения или эксперимента не удается соотнести с чисто количественной градацией.

Между тем, такие чисто феноменологические типы не следует считать собственно предметом учения о типах. Доказательство того, что при решении конкретных задач в определенных условиях одни люди реагируют так, а другие - иначе, и что на основании этого удастся образовать группы, важно и интересно не само по себе, а только в связи с теми более глубокими выводами, которые логически из этого вытекают. Надо искать причину общности, которая может быть заключена в типе задач; в случайных и преходящих установках; в соматических, учебных и других условиях и предпосылках; основываться на взаимном влиянии испытуемых (внушении, подражании); покоиться на

своеобразии диспозиций (которые, несмотря на сходство их проявлений, внутренне совершенно различны) или базироваться на **общем диспо-зиционном своеобразии** (только в этом последнем случае констатация общего способа поведения, одновременно, является и констатацией типа в собственном смысле этого слова).

Чтобы добиться ясности в этой области, было бы неплохо развести терминологически эти два значения типа; тогда в первом случае можно было бы говорить о феноменологических (или ненастоящих) типах, а во втором - о психологических (или настоящих) типах.

То, что до сих пор типы связывали с диспозиционным смыслом скорее интуитивно, нежели осознанно, можно понять из общепсихологической ситуации. Дело в том, что господствующая до последнего времени психология была нацелена на борьбу против всего, что относилось к "способностям" или "душевым силам", хотя именно эти проблемы составляли ту область, где яснее всего обнаружилась необходимость понятия диспозиции и наиболее интенсивное развитие получило учение о типах. Понятие "психологический тип", не включающее в себя чего-то, присущего индивиду постоянно-способностей или тенденций - является бессодержательным. Точная формулировка, которую мы выше дали понятию диспозиции, может уберечь нас от рецидива грубой формы старой теории способностей.

Диспозиция в нашем понимании — это прежде всего только возможность, т.е. лишь частичное условие события, а не единственный "*deus ex machina*" (бог из машины). Соответственно, актуальная душевная жизнь человека никогда не является только результатом проявления его типа, а всегда выступает как продукт конвергенции: то, каким образом реагирует человек, зависит как от его типа, так и от внешних особых условий в каждом отдельном случае (от задачи, установки и других факторов).

Далее, тип, как всякая диспозиция, является пластичным в известных границах, т.е. воспитание и другие воздействия могут его модифицировать.

Кроме того, диспозиция, соответственно нашему пониманию, никогда не является изолированной душевной силой (проявляющей свою **суть** независимо от других действующих в том же индивиде сил), а только одним из лучей, которые испускает единая энтелехия личности. Поэтому никогда нельзя высказывать суждения о значении для личности отдельной диспозиции по той абсолютной силе, с которой она проявляется;

решающим здесь должно выступать только **относительное** значение, которое присуще данной диспозиции, крепко связанной со всеми другими имеющимися у индивида диспозициями. То же самое справедливо в отношении **типа**. При более точной формулировке он является не единичной диспозицией, общей для многих людей, а **соотношением диспозиций, в котором превалирует одно звено**.

Пример. Вообразим себе человека, для которого характерны довольно слабая энергия при одновременно относительно более сильной (а поэтому превалирующей в его психологической структуре) живости и стойкости зрительных представлений. Этот человек, несомненно, относится к визуальному типу, но все же абсолютная энергетическая степень его зрительных представлений может быть меньше, чем у других людей, даже и не принадлежащих к этому типу (так как главным их отличием выступают еще более живые и продолжительные слуховые представления)'.
(1)Этот пример, с некоторыми изменениями заимствован у Сегала, заслуга которого вообще состоит в том, что он обратил внимание на это важное обстоятельство (546). Сегал называет этот тип "предиспозицией" вследствие относительного преобладания одного направления "диспозиций", но так как в речевых оборотах уже давно "пре-" в сложных словах употребляется во временном значении, а не в смысле ранга, то мне кажется, что выражение "превалирующая (преимущественная) диспозиция" является

Еще одной чертой понятия диспозиция является его **телеологический** характер;

тем самым и понятие типа опять приобретает новый оттенок. Каждая диспозиция -это постоянно существующая тенденция к осуществлению определенных целей; от того, насколько далеко и последовательно превалирующая диспозиция направлена на цели, общие для группы индивидов, она приобретает типичный характер. После этого тип перестает быть произвольным собирательным понятием для наличных диспозиционных отношений; он становится своего рода **идеальным понятием** для тех структур, которые являются наиболее чистым выражением общей цели и проявляют наименьшее привнесение мешающих, случайных, чисто индивидуальных характеристик.

Эта телеологичность уже обнаруживается в оборотах речи, от которых не стоит отмахиваться, как от чего-то незначашего. Если мы говорим о "типе ученого", то имеем в виду не только признаки, случайно встречающиеся у большинства представителей этой профессии, но и воплощение тех свойств, которые своей особостью и специфической направленностью более всего отвечают задачам, которые призван осуществлять ученый в человеческом сообществе. Это же справедливо и в том случае, когда мы какую-то женщину называем чистой представительницей женского типа.

Выражение "идеальное понятие", конечно, в данном случае не следует воспринимать в смысле моральной оценки. Содержание целей, к которым стремится группа людей вне зависимости от того, являются ли они этически благими или злыми, полезными или биологически вредными, - совершенно не имеет отношения к учению о типах; это учение занимается только выяснением того, выражена ли диспозиционная установка на цели более или менее явно и чисто. Поэтому можно говорить о типичном преступнике также, так и о типичном альтруисте.

Те же случаи, которые ни в коей мере не приближаются к идеальной форме определенного типа или в которых это приближение явно нарушено чуждыми относительно цели элементами, мы называем **атипичными**.

Надо отметить, что приведенное выше рассмотрение *mutatis mutandis* (соответствующих изменений) применимо и к **интравариациям**. Развитие индивида в течение жизни состоит не только в постепенном душевном росте, но и в постоянном качественном изменении (хотя не все качественно различные периоды имеют равное значение для развития). Скорее всего есть эпохи, содержание которых имеет выраженный "типичный" характер, когда жизнь индивида имеет определенную, замкнутую в себе и относительно стабильную целевую структуру; эти эпохи чередуются с другими, имеющими преимущественно переходный и подготовительный характер. Качества интервалов времени, названных первыми, мы назовем типами развития, или "**стадиями**". Аналогично собственно межиндивидуальным типам, в речевых оборотах зафиксированы и типы развития, когда, например, говорят о детском и юношеском типе.

3. ТИП - НЕ КЛАСС

Согласно первому признаку нашей формулировки понятия типа (общность признаков для группы индивидов), вероятно, может показаться, что данное понятие как бы покрывается понятием класса (или же понятием вида, породы). Такое отождествление в действительности происходит достаточно часто; однако, оно совершенно неоправдано и нанесло даже некоторый вред.

При разделении на виды или на классы смежные звенья отчетливо отграничены друг от друга. Признаки, важные для определения вида, пригодны лишь для членов данной

группы, но абсолютно неприемлемы для членов других групп. Это утверждение с полным правом относится и к биологической теории развития: ведь если даже принять идею о том, что виды произошли один от другого, то сейчас они существуют как отдельные виды, четко отграниченные друг от друга и не имеющие переходов. Там, где обнаруживаются единичные промежуточные и гибридные формы, - это всегда исключения, не нарушающие компактную замкнутость собственного качества того или иного вида.

С типом дело обстоит иначе. Между отдельным типом и соседствующими с ним типами границы всегда размытые; переходные формы, относительно которых можно сомневаться — принадлежат ли они к тому или другому типу или уже к промежуточной форме - не являются случайными аномалиями: такие формы с необходимостью относятся к структуре типового деления. Если виды представляют собою острова, каждый из которых не соединен мостами с другими, то типы - это только холмы на пересеченной местности. Где, однако, проходит граница между территорией, относящейся к одной вершине, и территорией ближайшей к ней вершины?

Это, собственно говоря, выясняется уже при телеологическом рассмотрении, о котором мы говорили в предшествующем разделе в отношении понятия типа. Ведь если тип - "идеальная форма", то мыслимы так же различные степени приближения к идеалу.

И биологически, пожалуй, объяснимо это различие между видом и типом. Замкнутость вида и его резкое отграничение от каждого другого, обеспечивается тем, что размножение и наследование всегда происходит внутри вида. Между представителями различных типов, напротив, имеется панмиксия (свободное скрещивание) и тем самым возникает возможность для создания разнообразных промежуточных форм. Это касается даже тех типов, которые внутри человечества более всего приближаются к биологическому виду, т.е., расовому типу (так, например, Америка пережила за много поколений смешение белых, черных и красных). В гораздо большей мере это относится к чисто психологическим типам, так как здесь совершенно отсутствуют те инстинктивные препятствия, которые, возможно, противостоят смешению различных рас; они даже скорее гасятся благодаря противоположностям (взаимное притяжение и дополнение разных типов).

Правда, чисто логическая ориентировка чрезвычайно затруднена из-за описанного выше своеобразия понятия типа. Человек почти непреодолимо тяготеет к тому, чтобы маркировать с помощью понятия класс замечаемые им качественные различия и однозначно отграничивать (на основе определенных признаков) членов одной группы от всех остальных. При этом, конечно же, решающую роль играет язык, так как при обозначении в речи качественных характеристик всегда образуется нечто, рядом с чем хотелось бы поставить и соответствующее непостоянное подразделение обозначенных **объектов**. Следствием является то, что у нас самым подробным образом трактуется в общей логике метод классификации согласно *differentia specifica* (специфическим различиям), система упорядоченных над- и подклассов и т.д., в то время, как принцип разбивки на типы едва имеет место (не говоря уж о его равноценной разработке)².

² *Резче всего это противоречие, пожалуй, сформулировал Зигварт (Логика, издание 2): "Естественно, есть группы родственных и похожих друг на друга вещей, которые, несмотря на это, не допускают никакого родового понятия, которое бы выразило их связанность друг с другом, и, благодаря своему своеобразному поведению, противятся исконным требованиям логического схематизма... Такая группа претендует на право иметь общее название, однако, ему не соответствует никакое понятие, которое могло бы быть зафиксировано в дефиниции, ибо тот факт, что относящиеся к одной группе вещи большей частью имеют признак "А", но в исключительных случаях также - "Л1", большей частью признак "В", но в виде исключения также - "51", не может заменить дефиницию (которая должна быть равно верной для всего, к чему она имеет отношение). Если такую группу **репрезентирует** некая усредненная форма, которая в максимальной*

*мере сходна со всеми остальными, то последние могут рассматриваться как вариации усредненного **типа**, дивергирующие в разные стороны... Чем меньше удастся найти внутри объема более высокого понятия пронизывающие и фундаментальные различия, допускающие надежное подразделение, чем явственнее сами эти различия обретают количественную и изменчивую природу, тем шире горизонт разнообразий для расстановки таких групп. Классификация людей, например, по различиям их строения, тем больше должна отказываться от жесткого деления, и, соответственно, ограничиваться установлением таких групп, которые образуются вокруг определенных типов, чем шире распространяются знания о разнообразии племен. При этом, конечно, возникнут затруднения, связанные с установлением промежуточных форм (причислить ли их к той или иной группе)".*

Теперь же психология, поддавшись такой путанице, внезапно начала склоняться к тому, чтобы обнаруженные типовые деления интерпретировать с позиций понятия "класс". Об этом свидетельствуют почти все учения о характере или темпераменте, рассмотренные в этом ключе. Так, например, Кант представлял четыре знаменитых темперамента как столь устойчивые классы, что а priori отвергалась мысль о возможности существования каких-либо переходных и промежуточных форм³.

³ *"Значит не существует **комбинированных** темпераментов, например, сангвинически-холерического ... их только четыре, и каждый из них прост; неизвестно, что будет с человеком, имеющим смешанный темперамент" [8].*

Также и Хейманс, видимо, настолько убежден в замкнутости своих типов темперамента, что у него совершенно нет никаких сомнений относительно того, к каким группам отнести 102 из 110 человек, прошедших психографию⁴. Или пример из другой сферы: в области предпочитаемых представлений выделяли сначала слуховые, зрительные и двигательные типы. Затем заметили, что между относительно чистыми проявлениями зрительного и слухового типа существуют многочисленные промежуточные формы, отнесение которых к одному из названных типов было бы крайним произволом. Тогда этот континуум переходных форм опять же возвысили до уровня особенного класса, названного "смешанным типом".

⁴ *Остальных 8 человек он отказывается отнести к одному из темпераментов не потому, что считает здесь возможным наличие переходных или промежуточных форм, а только потому, что имеющиеся у него данные были недостаточны для их измерения [804].*

Изложенное выше приводит к следующему выводу: видимо, невозможно без остатка приписать психические варианты при их стерильно чистой сортировке к небольшому числу изолированных групп, поэтому, устанавливая разделение на типы, никогда не следует доводить его до разделения на классы.

4. СВЯЗЬ МЕЖДУ ТИПАМИ И ОБЛАСТЬ ТИПОВ

Понятие "тип" не согласуется - в отличие от понятия класса - с требованиями логики о четком подразделении и разобщении также и по другой причине.

Группа индивидов, охватываемая дефиницией "класс", характеризуется как имеющая всеобщую принадлежность; классы (виды) являются, следовательно, "**тотальными вариантами**". То, что члены различных классов имеют общие признаки, объясняется их равной включенностью в макроструктуру общества.

Типы, напротив, (за редким исключением) являются "**парциальными вариантами**". Они соотносятся с качеством одного (единственного) комплекса диспозиций, и, соответственно, члены одного типа тесно связаны друг с другом только благодаря общности этого признака, в то время как относительно других признаков они могут принадлежать к различным пересекающимся друг с другом группам.

Пусть какой-то *X* является выраженным сангвиником, тогда он принадлежит ко всем тем, кто также представляет сангвинический тип. Пусть этот *X*, кроме того, относится к зрительному типу; т.е., такому, объем которого не перекрывается типом сангвиников, не находится с ним в иерархическом отношении как высший надкласс и не подчиняется ему как подкласс, а перекрещивается с ним совершенно произвольно. Некоторые сангвиники являются визуалами, но многие сангвиники таковыми не являются; точно так же и многие визуалы не являются сангвиниками. Поскольку то же самое относится и к каждому другому типу, то следствием является возникновение пестрой картины постоянных пересечений, сильно отличающейся своей неразберихой и необозримостью от ясной систематики видов и классов.

Описанное положение можно выразить иначе. Отдельные свойства, определяющие специфические характеристики **вида**, все вместе⁵ обязательно имеются у каждого представителя вида и отсутствуют у всех, не принадлежащих к нему: эти свойства тотально коррелируют друг с другом. Если мы сравним два психологических типа "*a*" и "*b*", принадлежащих к двум различным областям признаков, а последние могут встречаться у одного и того же индивида, то получим тот самый случай, когда все индивиды типа "*a*" относятся и к типу "*b*", и когда индивиды, не относящиеся к типу "*a*", никогда не принадлежат и к типу "*b*"; но это только пограничная форма, которая никогда в действительности не реализуется. Вместо простой тотальной корреляции при разделении на типы имеют место самые различные **степени корреляции**: от очень тесной связанности типов "*a*" и "*b*" — через полное отсутствие связи — и до преимущественного взаимного исключения обоих типов.

⁵ *Здесь можно не касаться отдельных ненормальностей, уродств и т.д.*

Так случилось, что в учении о типах метод корреляции приобрел особое значение и получил такое широкое распространение, которое не могло иметь места при исследовании видов⁶.

⁶ *О специальном подсчете корреляции между типами см. главу XX.*

На основании степени корреляции можно свести соседство нескольких типов у одного индивида к двум различным основным формам: комплексный тип и комплекс типов. Итак, если оба типа сильно коррелируют, то это значит, что их связь сама является типичным признаком для соответствующей группы людей, поэтому наличие одного признака позволяет предполагать и наличие другого. Таким образом, в этом случае мы имеем дело с **комплексным типом** (его наиболее развитая форма - тотальный тип). Если, наоборот, между обоими типами нет вообще никакой корреляции, то их совместное появление у какого-либо индивида больше не объяснимо необходимой внутренней связью друг с другом обоих свойств; они образуют только **комплекс типов**.

Комплексными типами окажутся большей частью комбинации тех свойств, с которыми имеет дело-жизненная психология, наблюдающая их в виде отдельных проявлений и простых фактов. Чтобы, например, создать "музыкальный" тип, необходимо связать воедино типичные особенности чувственного восприятия и чувственной памяти,

эмоциональной возбудимости и интеллектуального понимания, способности к воспроизведению и к творчеству⁷.

⁷ Пусть элементы комплексного типа называются "частичными типами". С ними не надо смешивать "подтипы". Комплексный тип "музыкальности" имеет в качестве подтипов различные вариации, в форме которых нам встречаются музыкальные люди.

Все попытки психологически объяснить темпераменты также означают их представления в виде комплексных типов, так как типичные формы силы, скорости, чувственного тона, стойкости воли и перепадов настроения неизбежно приводят к типизирующему синтезу.

Комплексные типы встречаются в двух различных модификациях в зависимости от того, подобны ли (гомогенны) друг другу или неподобны (гетерогенны) образующие их компоненты душевные функции. Например, два типа, из которых многие психологи составляют тип сангвника (преимущественное чувство удовольствия и быстрые поверхностные реакции), не имеют между собою никакого сходства; соответственно, тип сангвника должен быть отнесен к "гетерогенным комплексным типам". Напротив, у многочисленных единичных функций, участвующих в формировании "музыкальности", вопреки всем различиям, все же существует объединяющее их общее - отношение к музыкальным впечатлениям; следовательно, мы имеем здесь дело с "гомогенным комплексным типом".

Гомогенные типы могут быть еще раз разделены в зависимости от того, является ли гомогенность элементов содержательной или формальной. Только что приведенный пример "музыкальности" относится к первой группе. Вообще каждый талант - это тип, определяемый и ограниченный **содержательно**. В отличие от этого особенность других комплексных типов состоит в том, что та или иная **формальная** характеристика равномерно охватывает большое число различных психических содержаний. Так, например, выступающее в качестве типичного свойство внушаемости может оказывать воздействие как на чувственные восприятия, так и на воспоминания, ожидания, суждения, эмоциональный тон, волевые действия. Сюда также относятся и типы характера, интеллекта, внимания.

Однако не существует никаких оснований для априорного предположения, будто этот гомогенный принцип должен действительно распространяться на совокупность всех тех функций, на которые он может распространиться; именно здесь возникает новая проблема, которая до сих пор еще очень мало исследовалась точными методами - проблема "**области типа**".

Область типа - это совокупность тех функций внутри личности, которые охватываются типом, т.е., интраиндивидуальная сфера влияния типа. В общем, в случае гомогенных типов (предполагаемых или доказанных) мы имеем сильную предрасположенность растягивать как можно больше область типа. Если человек характеризуется как внушаемый, то при этом чаще всего имеют в виду внушаемость не только относительно той или иной исследуемой функции, но и всех других функций, в которых внушение вообще может играть какую-либо роль.

В действительности образование типов почти никогда не бывает таким простым и гладким, как это описывается в теории. И недооценка этого факта в исследовании, направленном непосредственно на область типов, может привести к серьезным заблуждениям и разочарованиям.

Комплексный тип в своих самых сложных формах обнаруживает сильное приближение к понятию вида, так как им охватываются не только **отдельные** (единичные) признаки, но и

самые различные психические функции ("тотальный тип"). Такие случаи становятся возможными там, где единые биологические или культурные факторы оказывают тотальное влияние на многочисленных индивидов; в этом смысле рассматриваются, прежде всего, происхождение (раса, нация, семья), пол, профессия, социальная среда. Когда мы говорим о "негритянском типе", "семейном типе Габсбургов", "женском типе", "типе актера" или "типе преступника", то всегда имеем в виду тотальный тип, охватывающий как телесные, так и психические частичные типы, а внутри последнего - типичные проявления самых разнообразных признаков. Одновременно мы предполагаем, что эти, все без исключения, частичные варианты, будучи зависимыми от некоторой идентичной причины, находятся между собою в тесной корреляции. Но как раз тотальный тип - на это нельзя закрывать глаза - вовсе не является абсолютно чистой формой, ибо здесь имеются плавные переходы, многочисленные промежуточные ступени, отклонения. Индивид никогда не может полностью и всесторонне отражать в себе типичные свойства. Точно так же и тотальный тип — это лишь идеальная форма, к которой в разной степени приближаются представители типа, а не видовой принцип, реализуемый каждым из них.

Психологическое описание различных тотальных типов - любимая тема популярных и полупопулярных сочинений. Вспомните только многочисленные работы, посвященные психологии женщины, художника. Однако точное эмпирическое исследование тотальных типов, которое должно описываться главным образом в терминах учения о корреляции, остается еще важнейшей специфической задачей дифференциальной психологии⁸.

⁸*В качестве примера одного из самых значительных исследований этого рода назовем "Психологию женщины" Хейманса [1031].*

В качестве противоположности однородных комплексных и тотальных типов выступают **комплексы типов**. Они сами в учении о типах не играют какой-либо значительной роли, так как у них, как уже отмечалось, отсутствует интраинди-видуальная спаянность частичных типов. Но как раз по этой причине комплекс типов становится все более важным для изучения индивидуальности: ведь связь обоих типов у X тем характернее для него, чем меньше ее можно ожидать у других индивидов. С каждым дальнейшим усложнением соседства типов, выявленных у индивида, мы все больше удаляемся от просто типичного и приближаемся к единичному, поскольку все уменьшается вероятность того, что и другие индивиды должны объединять в себе именно этот комплекс типов. Таким путем, конечно, невозможно достичь полного индивидуального своеобразия отдельной личности, так как каждый тип, обнаруживаемый нами в ней, всегда является одновременно и чем-то всеобщим. Однако все же названный путь представляет собою наибольшее приближение к индивидуальности, которое мы можем достичь чисто эмпирическим качественным анализом. И нам придется позже, при обсуждении психографии, вновь обратиться к этому пути.

В заключение приведем схематичный обзор рассматриваемых форм типов.

Глава XIII РАЗДЕЛЕНИЕ НА ТИПЫ I

(ОБЩЕЕ. НАИВНЫЕ И КОНСТРУКТИВНЫЕ МЕТОДЫ)

В то время как понятийному определению типа до сих пор еще уделялось мало внимания, разделение на типы уже с давних пор было излюбленной областью работы психологии - как популярной и философской, так и истинно научной.

Под разделением на типы мы понимаем межиндивидуальное распределение вариантов какого-то общего признака на ряд типовых форм, упорядоченных по рангу. Возникающая таким образом схема называется **типикой** ("типика внимания", "типика сенсорной памяти" и т.д.).

Можно выделить три главных схемы типов.

Монотипичная схема: выбирается такой признак, образующий типы, относительно которого люди группируются по взаимоисключающему признаку в зависимости от его наличия или отсутствия. Обладатели признака образуют тогда именно *тот* тип, благодаря которому они выделяются из индифферентной массы.

Антитипичная схема использует не взаимоисключающую, а противоположную антитезу, т.е. дает начало тем двум формам признака, которые простираются в противоположных направлениях от точки индифферентности до центров типов. Иногда саму область индифферентности возвышают до среднего типа.

Наконец, **политипичная** вариация имеет место там, где на основании одного признака выстраивается множество качественно различных типов, которые уже нельзя отнести к одномерной схеме. Здесь типика или совершенно несистемна, или сводится к перекресту нескольких простых схем.

Попытки разделить людей на психологические типы осуществляются уже примерно в течение двух тысячелетий. Самая популярная система такого рода - типика темпераментов

— имеет численность звеньев и названия типов, остающиеся неизменными с древнейших времен и вошедшие в современное сознание и в некоторые научные труды по психологии. Однако на протяжении всего длительного развития отсутствовал научный характер рассмотрения данной проблемы. Сначала довольствовались грубой эмпирикой, полагались на здравый человеческий рассудок; затем полностью ушли в абстракции, конструируя логическим путем определенные типы и не заботясь об их эмпирическом подтверждении; наконец, связали воедино, хотя и недостаточно основательно, эмпирию и дедукцию. Даже многие из самых крупных ученых, занимавшихся вплоть до сегодняшнего дня разработкой учения о типах, ограничивались в своей научной работе логическим выводением и усовершенствованием схемы типов, довольствуясь популярным повседневным опытом для их эмпирической проверки и упорядочения.

Лишь в последние десятилетия наметился перелом: наряду с полунаивными, полуконструктивными подходами начинают использовать точные методы изучения типов. Но и здесь наблюдаются еще некоторые ошибки, о которых мы будем говорить позже (см. следующую главу).

Признак телеологического, органически связанный с каждым типом, впервые, пожалуй, побудил наивное мышление к построению типов, но в крайне грубой форме: то, что с точки зрения какой-либо практической цели особенно бросалось в глаза и выделялось из массы, называлось особым типом. Он рассматривался как абсолютно единое (даже как простое свойство), и при этом не ставился вопрос о возможно содержащемся в нем психическом многообразии.

На самой низшей ступени такого воззрения овеществляли какое-либо свойство, и тем самым формировалась **монотипичная** схема. Способности и особенности, практически дифференцирующие определенных личностей от массы людей среднего уровня, представляются особыми "дарованиями", которыми награждены одни, но которые не даны другим. Так, еще сегодня обыватель рассматривает талант, гениальность, юмор и т.д. как нечто особенное, обладая которым какая-то определенная группа людей просто имеет одним психическим признаком **больше**, чем другие избранные люди¹.

¹Лишь маленький шаг отделяет эту материализацию от персонификации дарований. Гений превращается в ангела-хранителя, наличие других особых способностей объясняется одержимостью демонами.

Итак, интерес наивного человека, в том числе и психологический, прежде всего обращен к тому, что бросается в глаза; нарушение, привносимое им в ход и картину повседневных событий, приковывает внимание, вызывает особое отношение и побуждает к фиксации в языке и системе понятий. Подобная констатация, однако, не всегда должна следовать монотипичным путем, а может вести и к **антитипичной** схеме; и этим достигается уже более высокая ступень образования типов. Известно, что необычное, бросающееся в глаза выделяется не только благодаря тому, что оно представляет собой нечто, отсутствующее у других, а также и благодаря необычным отклонениям в ту или другую сторону того признака, который присущ всем людям среднего уровня.

Конечно, при этом играла роль и чисто логическая потребность мыслить противоположностями; однако, то, что это не являлось единственным исходным пунктом антитипичности, подтверждается тем, что самые первоначальные антитипичности почти всегда представляли собою ценностные **оппозиции**. Об этом свидетельствует уже и язык, так как многочисленные слова, обозначающие свойства, характеризующие в развитых языках противопоставляемые виды поведения, в большинстве своем являются не чисто констатирующими, но, одновременно, и оценивающими: благодарные - неблагодарные; мужественные - трусливые; жестокие - сочувствующие; правые - неправые; умные -

глупые. Применение этих прилагательных не ограничивалось названием и расшифровкой актуального поведения или состояния, а очень часто использовалось и для обозначения постоянных (хронических) диспозиций, добродетелей и пороков, преимуществ и недостатков, короче говоря - для констатации антитипичных схем характера и интеллекта.

Первоначальное противопоставление обеих этих противоположностей, категорически и без промежуточных звеньев, полностью соответствует наивному воззрению на тип как на класс. При этом забывали, что только при помощи отклонений от индифферентного состояния открывается возможность использовать положительные и отрицательные оценки: ранее полагали, что **каждого** человека можно охарактеризовать как доброго или злого, умного или глупого и т.д.

Однако существовала потребность в логической полноте, которая удовлетворялась этой бисекцией, и состояние индифферентности, которым прежде пренебрегали, само было возведено до третьего, среднего типа.

Именно в этом аспекте интересно рассмотреть, как фиксация середины, обусловленная сначала логически, опять превратилась в нечто аксиологическое. Еще Аристотель в свое время рассматривал этические свойства середины не как нечто нейтрально-безучастное и бесцветное, а как "нормальное" в телеологическом смысле: гармоничное и соразмерное. Поэтому в использованном им делении на три части оба крайних типа оцениваются негативно, так как обозначают несоразмерное - слишком большое и слишком малое - в то время как средний тип представляется имеющим положительное значение. Так, между двумя пороками находится одна добродетель и, соответственно, и между двумя порочными типами - один добродетельный (тип смелого - между типами отчаянно бесстрашного и трусливого; тип щедрого - между типами расточительного и скупого и т.д.).

Впрочем, в новейшее время по различным причинам оказывали наибольшее предпочтение антитипичной схеме (прежде всего, в его чисто бисекционной форме). Этому способствовало и еще одно обстоятельство: легкая языковая формулировка противоположных диспозиционных форм и логическое удовлетворение ясным противопоставлением. Антитипичная схема занимает промежуточное положение между чисто качественной типикой и **количественным** видом вариаций; ведь противоположности располагаются в одномерном ряду, который простирается в противоположные стороны от точки индифферентности; расстояние от точки индифферентности (смотря по обстоятельствам) измеримо, и для каждого отдельного индивида можно указать его место в этом ряду. Следовательно, стремление новейшей науки все качественное выразить количественно, может' быть успешно реализовано в нашей области только посредством антитипичности. В связи с этим становится понятно, что создание антитипичных схем не является самоцелью, а обусловлено возможностями их применения в качестве вспомогательного средства для решения многочисленных проблем изучения типов.

Самым объемным, пожалуй, в этом отношении является исследование, предпринятое Хеймансом. Он охарактеризовал большое число лиц на основе примерно сотни признаков; при этом он разделял каждый признак антитипично (без средних типов), так что каждое лицо относилось или к положительному или к отрицательному типу. Если проанализировать его подход, то констатация списка происходила на основании здравого смысла (*common sense*). Его предположение, будто каждый признак разделится антитипично, является априорным, и лишь отнесение отдельного лица к типам, установленным эмпирическим путем, происходит точно и критично.

Политипичные (схематические) констатации - это, с одной стороны, продукты неточной и неупорядоченной эмпирии, а, с другой стороны, результаты философского построения.

Продолжительный опыт свидетельствовал, что между людьми имеются качественные различия, которые не удается представить в формах монотипики или анти-типичности; тогда, идя по пути наименьшего сопротивления, соединили различные вариативные образования, случайно совпавшие у кого-либо и считающиеся типичными, и в произвольной последовательности описали каждый из них отдельно. В популярной и полупопулярной литературе (в характерологии, графологии, физиогномике и т.д.) имеется целый ряд представлений, которые довольствуются подобным грубо-эмпирическим обращением с типичными характерами и другими типами. Правда, более серьезные мыслители столкнулись с полным отсутствием систематической связи, и потому часто пытались, по крайней мере задним числом, ввести посредством логических принципов некоторую упорядоченность.

Другие, не выходя за рамки того же одностороннего ограничения, пошли противоположным путем, т.е. использовали логическую дедукцию политипики, пренебрегая или же сильно отстраняясь от эмпирии. Так как речь здесь идет об устремлениях представителей научных кругов — не только конструктивных философов, но, отчасти, и современных эмпирических психологов — то необходимо кратко осветить слабости этого подхода.

Исходным пунктом в рассуждениях является то, что типы — это только вариативные образования признаков, имеющих общечеловеческое значение. Опираясь на **общее** (т.е. на воззрение об общих условиях и общей структуре человеческой душевной жизни), этиологические или психологические элементы, предположительно имеющиеся повсюду у определенных групп людей, можно выразить с различной силой. Короче говоря, речь идет о **прямом превращении общепсихологической теории в дифференциально-психологическую типичность**. При настойчивом применении этого дедуктивного подхода, вероятно, можно даже прийти к соответствию между числом принятых элементов и выделенных в человечестве типов, т.е. каждый элемент может превалировать и тем самым образовывать тип.

Это можно продемонстрировать на некоторых примерах.

Из древности.

А. Общая теория (Гален): вся человеческая жизнь определяется смешением четырех соков ("крови", "слизи", "желтой желчи", "черной желчи"). Выведенная типичность: есть четыре вида смешения; люди, у которых преобладает "кровь" — сангвиники, "слизь" — флегматики, "желтая желчь" — холерики, "черная желчь" — меланхолики.

В. Общая теория (Платон): душа состоит из трех частей — разума, мужества и вожделения — находящихся в различных органах тела. Выведенная типичность (в данном случае социально-психологическая по своему характеру): граждане делятся на три типа — люди разума, или философы, мужественные люди, или воины, страстные люди, или занимающиеся ремеслом.

Из новейшего времени.

С. Общая теория (учение о возможностях): душа имеет три способности — мыслить, чувствовать, желать. Выведенная типичность: есть разумные люди, чувственные и волевые.

Д. Общая теория (Галль). Душа состоит из многочисленных способностей, находящихся в определенных отделах головного мозга; эти способности изучаются по выпуклостям соответствующих частей черепа. Выведенная типичность: существует соответствие между количеством различных типов и числом разнообразных бугров и утолщений на черепе (как признак особенно выраженных способностей).

В последнее время Дюрр особо последовательно применял конструктивный метод в исследовании внимания.

Отклонив деление на типы, предложенное различными психологами на основании экспериментальных исследований, он пишет: "Можно заранее ожидать, что определение различий в диспозициях внимания лучше всего удастся провести в связи с определенной теорией внимания...". Эта теория, однако, требует "чтобы элементарные различия в диспозиции внимания ...можно было рассматривать только как основанные на различиях... возбудимости частей центрального органа, соотнесенных с функциями сознания; на различиях в восприимчивости к влияниям одновременно происходящих психофизических процессов; на различиях в способности нервной системы к проводимости...; на различиях в утомляемости...". Теория Дюрра, следовательно, чисто аналитически пытается продемонстрировать состояния сознания и физиологические процессы, сопровождающие акт внимания. При этом она — как общепсихологическая теория — имеет на это полное право; но неправомерно полагать, что из анализа этих сопровождающих явлений можно вывести схему типов, которая соответствовала бы действительно имеющимся типичным вариантам внимания.

Ясно, что значение политипики, выделенной из общей теории, отчасти зависит от ценности самой этой теории; но и эту связь нельзя воспринимать как абсолютную. История учения о темпераментах показывает, что хотя теория уже может быть опровергнута, типика, построенная на ее основе, не обязательно разделяет ее судьбу;

однако, с другой стороны, и сугубо научная всеобщая теория вовсе не гарантирует, что типы, предполагаемые ею, имеются на самом деле - действительность гораздо сложнее, нежели логическая схема.

Примером этих запутанных отношений между теоретическим выводением и реальным существованием типов является поворот, сделанный **учением о темпераменте в XIX веке**.

Тогда отказались (за редкими исключениями) от старого принципа физиологического выводения и избрали чисто психологическую точку зрения. Сначала установили те психические элементы, которые обязательно должны включаться в понятия темперамента (следует отметить, что некоторые из этих обоснований, особенно новейшего времени, были очень изящны и глубоки). Общим же результатом стало опять выводение типики отдельных темпераментов из его элементов. Теперь, однако, отказались от такой однозначности выводов: каждому преобладающему элементу уже не приписывался какой-либо один определенный тип. Напротив, предполагалось, что темпераменты должны представлять собой **комплексные типы**, возникающие в результате **скрещивания простых типов**. Тем самым было найдено новое логическое основание для выводения политипики - ее обратное сведение к антитипике. Каждый из принятых признаков, входящих в общее понятие темперамента, можно было антитипично варьировать и из этих вариаций образовывать всевозможные мыслимые комбинации.

Простейший пример: если общий признак a встречается в антитипике $+a$ и $-a$ и общий признак b - в антитипике $+b$ и $-b$, то при помощи комбинационного вычисления получается четыре комплексных типа, которые на табл. 5 выглядят следующим образом:

Пусть встречаются три антитипично разделенных признака, тогда получается $2^3 = 8$ комбинационных форм; при четырех парах противоположностей возникает $2^4 = 16$ форм, но возможны также и другого рода комбинации.

Не следует полагать, что здесь мы занимаемся бесполезной математической игрой; речь идет о методе, применявшемся постоянно в течение столетия для определения типики темперамента (а порой - также и для других типик).

$2^2 = 4$ темперамента - приведенное здесь расчленение Кант получил путем скрещивания признаков: эмоциональный - деятельный, возбуждение - снятие напряжения;

Хелвиг - посредством скрещивания сильной - слабой рецепции с сильной - слабой реакцией; Вундт — скрещиванием сильного — слабого и быстрого — медленного предрасположения к аффекту; Эббингауз - скрещиванием оптимистической - пессимистической направленности с выраженностью аффективноподобного и подобного обычному настроению поведения.

$2^3 = 8$ темпераментов содержат: схема Хефдинга, полученная путем скрещивания трех пар противоположностей (удовольствие - неудовольствие, сила - слабость, скорость - медлительность) и схема Хейманса, выведенная на основе скрещивания эмоциональный - неэмоциональной, активный - неактивной, преимущественно первичной или вторичной функции. Правда, Хейманс до сих пор так и не нашел представителей для двух из восьми форм.

Герbart, так же скрещивая 3 пары противоположностей - сильную и слабую выраженность 3 физиологических систем (вегетативной, раздражительной и чувствительной), приходит только к 7 видам темпераментов вместо 8, отбрасывая комбинацию слабая - слабая - слабая.

Далее, сюда относится попытка деления Аха; его три компонента: сильная -слабая детерминирующая наклонность, быстрый - медленный спад силы детерминации, повышение - понижение сенсомоторной возбудимости. Он довольствовался 5 из 8 предполагаемых форм комбинаций.

Наконец, Банзен и Мейман строят свои схемы, скрещивая 4 пары противоположностей; но ни одна из них не содержит требуемое логической систематикой число шестнадцати темпераментов. Бансен использовал антитипичные формы: "сила — слабость" спонтанности, восприимчивости, впечатлительности, реактивности, но выбирал, однако, только те четыре связи, которые соответствуют старой четверке темпераментов. Мейман скрещивает следующие пары противоположностей: удовольствие - неудовольствие, легкая — трудная возбудимость чувств, малая — большая интенсивность чувств, активность - пассивность. Но так как он образует комбинации не четырехчленные, а только двучленные (состоящие из "удовольствие — неудовольствие" и одной из прочих пар), то возникает 12 темпераментов, каждый из которых он считал настоящим типом.

Мы перечислили данные примеры, чтобы понять принципиальную позицию метода политипного деления. Это позволяет ясно осознать два основных недостатка данного метода: необычайную пестроту оснований для деления и недостаточность логического схематизма, как единственного источника осуществления эмпирической реализации. Первый недостаток доказывает, что общепсихологический анализ, с помощью которого некоторые из исследователей находили лежащую в основе типизации функцию, при всей его тонкости не может быть достаточным, иначе различные исследователи не смогли бы

выделить столь разнообразные элементы в качестве составляющих общего понятия темперамента. Второй пункт показывает, что логический схематизм — обоюдоострое средство. Его положительное значение заключается в эвристичности, так как он указывает, какие типы **мыслимы** при определенных предпосылках; но он представляет прямую опасность, если образованную им схему рассматривать как систему реальных клеточек разделения, которые все должны быть заполнены и которые должны исчерпывающе охватить все типовые различия людей.

Глава XIV РАЗДЕЛЕНИЕ НА ТИПЫ II

1. ТОЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПОВ

Обсуждаемые до сих пор виды методов разделения на типы - несмотря на их различную научную значимость — имели все же одну общую отрицательную черту:

они не создавались специально для дифференциально-психологических исследований. В лучшем случае их впоследствии привлекали для проверки уже выделенной иными способами системы типов; однако большей частью они не использовались даже для этого.

Это вполне объяснимо, если учесть, что области практической и обыденно-жизненной психологии, в рамках которых решалась задача выделения типов, на много столетий старше, чем собственно научная дифференциальная психология; но так как последняя теперь уже существует, то указанная задача должна быть реализована, исходя из ее позиций. Это уже относится и к притязаниям общей психологии. Приведенный в конце предшествующего раздела обзор новейших исследований по проблемам изучения темперамента показал, что существовало мнение, будто в общепсихологических теориях и способах исследования найдены необходимые средства для установления типов. Однако общепсихологические методы не могли привести к какому-либо позитивному результату, так как **учение о типах - это предмет дифференциальной психологии, и оно должно разрабатываться с ее позиций и ее собственными методами.**

Реализация указанного требования уже начинает осуществляться в последние десятилетия. Массовые и индивидуальные эксперименты, статистические исследования, психографические описания, клинические наблюдения и т.д. привели к выделению разнообразных схем типов, частично совпадающих с уже ранее известными (т.е. служащих их подтверждением); но одновременно они представляют и расширение наших знаний.

В типах, выведенных индуктивным опытным путем, мы вновь находим все три формы схем.

Монотипичная схема, правда, применяется при необходимости и только как вспомогательная. Это временная схема, приложимая к какой-либо вновь найденной аномалии (например, синэстезии) или предполагаемого дара (например, способности к ясновидению); однако она требует от исследователя установить аналогию между этой обнаруженной, на первый взгляд совершенно изолированной, картиной и определенными явлениями, существующими у других людей, что по сути означает отказ от монотипичного восприятия.

Особенно ярко представлена **антитипичная** схема, и это не удивительно, поскольку (как уже отмечалось выше) она наиболее соответствует стремлению современных исследований к количественной оценке. Две основные области ее применения - это изучение высказывания своего мнения и исследование психической динамики.

То, как субъект при суждении, восприятии, представлениях и т.д. **формирует мнение** об объекте, привело к противопоставлению "объективного" и "субъективного" типов, о которых дальше будет сказано подробнее.

Распределение психических сил может привести к выделению противоположных типов в способах деятельности, в функционировании внимания, в склонности к усилению или ослаблению направленности суждений и оценок. Так, Крепелин установил различие между работающими по утрам и по вечерам и другие антитипичные особенности работы. Мей-маном. Коном и Гентом и другими типика внимания была представлена в виде пар противоположностей: фиксирующей-флуктуирующей; распределительный-концентрирующий; характеризующийся сильной или слабой способностью к расширению объема внимания .

Мартин и Мюллер обнаружили, что при различении повышения веса одна группа испытуемых дала больше правильных ответов, когда сравниваемый вес был больше основного, другая - когда он был меньше. К "положительному" типу относились в основном мужчины и сильные штангисты, к "отрицательному" - большей частью женщины и слабые штангисты. Был выделен и индифферентный тип.

При изучении оценки были установлены противоположные типы: "переоценивающие" и "недооценивающие", а иногда и индифферентный, средний тип (Лобзин - при оценивании школьниками коротких отрезков времени; Смит - при исследовании геометрически-оптических заблуждений; Штерн - при анализе оценок длины). Но одновременно я считал необходимым предупредить против слишком сильного расширения области таким образом установленного типа оценки, так как корреляции между тенденциями оценки одними и теми же лицами времени и длины еще совершенно неизвестны.

Политипичную схему характеризуют типы представлений, выведенные Бине (описывающий, наблюдающий, склонный к фантазиям и тип ученого), родственные типам интеллекта, установленным мною для различных возрастных ступеней (стадия субстанции действия, отношения и признака). Но прежде всего сюда относятся типы представлений (зрительные, слуховые, двигательные и их комплексы), наиболее полно отражающие обсуждаемую нами тему экспериментального учения о типах. Ко "всем названным политипичным делениям мы позже еще вернемся для более детального рассмотрения.

Поскольку все еще сохраняется слишком тесная связь с сырым эмпирическим материалом и недостаточно средств для логической обработки и переработки опытных данных, то указанные виды типов нуждаются в тщательном и критическом анализе.

Ведь максимум того, что может предоставить нам эмпирия - это "феноменологические типы". Возможность видеть в них симптомы действительных "психологических типов" требует специального обоснования и исследования, так же как и описание точных характеристик подобным образом истолкованных типов. Обе задачи в большинстве случаев воспринимались слишком легко. Считали себя в праве идентифицировать тип внешнего вида с психологическим; и если полагали существование такого типа доказанным, то сразу переходили к рассмотрению проблем второго ранга: в каких различных феноменах тип выражается, с какой частотой он представлен и какими средствами можно проверить его наличие или отсутствие в индивидуальном случае.

Проблема диспозиционной основы типа (выявляемая через его стабильность или изменчивость, большую или меньшую сложность, соотношение с другими типами и прежде всего через специфику его области) не привлекла того внимания, которого она заслуживала, а между тем она теснейшим образом связана с общей проблемой разделения

на типы и является предварительным условием ее разработки. Как можно искать методы для проверки принадлежности X к какому-то типу, прежде чем не исследуешь точно структуру этого типа? Проверять - это означает лишь включать единичный случай в **известную** систему. Однако существующие сегодня методы проверки типов представляют собой большей частью уравнения лишь с одними неизвестными.

Так же как слабости конструктивных методов рассматривались нами на примере типики темперамента, можно и слабости экспериментальных методов объяснить на примере учения о **типах представлений**¹⁰. Когда они были открыты Гальтоном и Шарко на основе определенных отдельных симптомов, то сначала безоговорочно признали, что тем самым найдена типика памяти, т.е. жизни представлений вообще. Следовательно, область типов была *a priori* максимально расширена. Так, я сам еще 11 лет назад относил обозначения "зрительное", "аудитивное", "двигательное" к качественному значению, показывающему преобладание той или иной области чувств в жизни воззрений и тем самым также - высших духовных функциях, языке, учебе и т.д. И зрительные представления характеризовались следующим образом: "Они фантазируют и мечтают в самых живых зрительных картинах; они наблюдают и особенно легко сохраняют цвета, формы, лица; они воспроизводят содержание речи преимущественно сквозь призму шрифта; да они вообще строят себе свой мир представлений в основном из зрительных элементов". Со временем, однако, выяснилось, что это, широко распространенное тогда восприятие, содержало существенное огрубление действительного положения дел.

Сначала стало необходимым специально сосредоточить внимание на представлениях о предмете и языке, что было обусловлено двумя причинами. Во-первых, было установлено, что взаимоотношение обеих областей создает основы для нового разделения типов, пересекающегося с разделением по сферам чувств: различали таких индивидов, мышление которых развивалось преимущественно посредством речевых представлений ("вербально мыслящие"), и таких, жизнь представлений которых гораздо более направлена на мир предметов ("предметно мыслящие"). Во-вторых, было признано недопустимым предположение, что преобладающая область чувств должна равномерно распространяться на все стороны жизни представлений.

Те индивиды, у которых доминирует зрительность в области речевых представлений, не всегда сильны зрительно относительно предметных представлений, мечтаний, сферы фантазий и наоборот. Значит, какой-либо один индивид X может в сфере речевых и предметных представлений принадлежать к различным типам.

Эта специализация области типа, однако, идет теперь еще дальше. Даже твердо установленный речевой тип внутри себя обнаруживает неодинаковое отношение ко всем соотносящимся с ним представлениям, что зависит в сильной степени от вида и сложности поставленной задачи и других условий (Сегал, Колвин, Фейхтвангер, Г.Е. Мюллер и др.). Соответствующим образом на целый ряд отдельных типов несомненно расщепится и область предметных представлений; так, например, нет уверенности, должно ли преобладание сферы чувств, установленное при изучении свободного фантазирования, распространиться и на область предметного мышления.

Как раз в этой наиболее разработанной области экспериментального учения о типах наблюдается заметный регресс. Место красивых, обширных элементов, на основе которых лет 10 назад считали возможным типизировать все своеобразие представлений человека, сейчас заняла неупорядоченная толпа отдельных типов, каждый из которых обладает еще не установленной, но, безусловно, сравнительно узкой областью, а наличие их корреляции между собою может быть доказано лишь в будущем.

При таком уровне разработки проблемы рекомендуется большая сдержанность относительно **практических последствий**, вытекающих из учения о типах представлений. Вместе с тем то, что признано в этом учении безусловным, уже имеет значительную

ценность, например, для педагогики; но в то же время сравните требование о необходимости выделения в школе особых типов классов с описанным выше состоянием научного исследования!

И, наконец, проблема **проверки**. Ошибочное мнение, что установленные типы представлений являются известными величинами, привело к тому, что многочисленные исследователи, особенно педагоги, разработали тесты, с помощью которых каждый индивид без труда может быть охарактеризован как визуальный, аудитивный (слуховой), или моторный. И как без разбора здесь поступали! Каждый метод, при котором одни испытуемые задействовали больше зрительные, а другие — больше слуховые представления, считался безусловно пригодным проверочным тестом для представлений данного типа. Не спрашивали — имеет ли этот тест вообще значение симптома, показывали ли индивиды, проверенные одним тестом, принадлежность к тому же типу и по результатам других проб, какие стороны памяти улавливаются тестом, считая таким образом, что область типа простирается на всю жизнь представлений. Лишь в последние годы со стороны исследователей проявляется бблыпая самокритика и осторожность (например, критика Колвиним почти всех типов тестов); но это еще не стало общепринятым подходом.

Так как такого рода неуверенность и неясность характерны для экспериментального исследования типов и в других областях, то это склоняет к мысли, что точный метод имеет не бблыпую ценность, чем методы, обсужденные в предшествующем разделе. Наивно-конструктивные методы даже после столетней истории их развития не достигли необходимого уровня научной разработки; экспериментальный же метод не имеет многолетней истории, и поэтому его недостатки следует, пожалуй, рассматривать как детские болезни. Вполне естественно и то, что в избытке чувств от открытия нового метода от него на первых порах не ожидали слишком многого.

Требования, которые следует предъявлять будущему экспериментальному исследованию типов в этой области, частично уже приведены ранее и критически обсуждены в предыдущих главах (например, при рассмотрении вопросов об установлении симптомного значения результата или о мерах предосторожности для проверочных тестов); однако, в дальнейшем они должны быть рассмотрены еще более подробно.

Однако надо предостеречь и от чрезмерного эмпиризма, отбрасывающего все, что отсутствует в непосредственном экспериментальном или статистическом опыте. К типам никогда не приходят посредством сбора данных, а только через их логическую обработку. Но и тот путь, который начинается логической конструкцией, не должен отвергаться полностью точным исследованием типов, так как им отчасти определяются точки зрения и задачи, используемые эмпирическим исследованием и помогающие не потеряться в неопределенности бесчисленных возможностей экспериментирования. Схемы, выведенные из наиболее общих целевых единиц естественной жизни (пол, профессия, нация) или из хорошо научно обоснованной общепсихологической или физиологической теории, правда, еще не узаконены как действительные типы, но они представляют собой возможности, а иногда (смотря по обстоятельствам) и вероятности; проверить их действительное значение надлежит теперь эмпирическому исследователю. Хотя и может показаться, что застывшая простота логической схемы не устоит перед действительностью, но все же ее главные черты, а часто и поразительные подробности, могут быть подтверждены и еще более точно определены по содержанию, форме и причине эмпирическим путем. И если даже последующая проверка приводит к отрицательному выводу, то все же эвристическая значимость исходного пункта остается неизменной.

Существует уже несколько примеров этой связи дедуктивного пути с индуктивным. Когда Ломброзо предложил свою теорию **типа преступника**, то сначала он поступал почти исключительно спекулятивно. Первые немногочисленные отдельные опыты являлись

лишь только стимулом для приложения дарвинистских и психиатрических **теорий** к изучению данного типа. К эмпирическому исследованию психики преступника приступили позже и отказались от простой схемы "типа прирожденного преступника". Но несмотря на это выдвинутые Ломброзо точки зрения и поставленные им вопросы важны для всей современной криминальной психологии.

Психологическое исследование **половых различий**, подвергающееся серьезной критике, опирается в постановке своих проблем на убеждения повседневной жизни. Эти убеждения, однако, всегда наивно-конструктивны по своему характеру. Соответственно, можно, исходя из различия установок, либо утверждать явное расхождение мужского и женского типа и в общепсихологическом отношении, либо отрицать реальное внутренне специфичное типизирование женского пола (руководствуясь идеей всеобщего равенства людей, как это делают защитники прав женщин). Во всяком случае исследователю-эмпирику здесь нужна особая осторожность, чтобы, не поддавшись бессознательно влиянию горячки борьбы, он в упомянутых догмах увидеть только гипотезу, которую надо обязательно доказать или опровергнуть. Мебиус и Вейнингер потерпели неудачу, наткнувшись на этот подводный камень; они собирали с самого начала только такие факты опыта, которые как будто бы говорили о сплошной неполноценности женского типа; а с другой стороны, чтобы доказать противоположное, часто поступали равно ненаучно. Но даже внутри **точной** эмпирии в определенной мере возможно выбором методов и испытуемых, группировкой чисел и т.д. придать своим результатам (конечно, совершенно честно воспринимаемым) толкование, которое все же находится под сильным влиянием догматических идейных убеждений.

Для эмпирического исследования рекомендуется синтез методов. Так как типы являются общностью людей, отличающихся чем-либо от других групп людей, то их констатация, естественно, не может происходить без сравнения многих лиц. Однако, с другой стороны, тип - это не существующая изолированно в каждом человеке душевная сила, а относительное преобладание одной диспозиции внутри структуры диспозиций, поэтому именно данное отношение должно быть исследовано у каждого в отдельности. Итак, если кратко сформулировать, **установление типов происходит при помощи межиндивидуального сравнения внутрииндивидуальных соотношений диспозиций (предрасположений)**¹³. Для исследования соотношений предрасположений у отдельного индивида служат два метода: метод выбора, ведущий к спонтанному поведению испытуемого и метод помощи-помех, устанавливающий, какие условия особенно облегчают или затрудняют работоспособность. Так как, однако, при применении обоих методов возможно, что результаты в высокой степени определяются внешними или внутренними условиями, то оказывается необходимым контроль.

В дальнейшем, естественно, нужно **повторение** тех же методов исследования у тех же индивидов в различное время, чтобы изучить хронические характеристики, лежащие в основе поведения. Правда, здесь существует опасность в факторе установки, так как поведение, вызванное в первый раз случайными причинами, при повторении может проявиться в виде последствия и таким образом симулировать хроническое значение, отсутствующее в действительности. Опасность тем меньше, чем длительнее период между различными пробами; но так как в силу разных обстоятельств часто отсутствует возможность еще раз после длительных периодов использовать тех же испытуемых, то последующие испытания предпринимаются гораздо реже, чем это было бы желательно.

Поучительный пример в пользу важности таких повторных испытаний дают исследования Бине со своими двумя дочерьми [692]. На первом этапе он осуществил многостороннее психологическое исследование девочек и на этом основании отнес **их** к двум четко различающимся типам. Когда он через год повторил испытание, то картина типа у одной из девочек сильно изменилась.

Пфейффер, проверив ряд школьниц трижды (каждый раз через годичный интервал), нашел, что "типы работы" (т.е. типы представлений, выступающие в сочинениях) только в половине всех случаев, а типы интересов и типы представлений - примерно в 3/4 случаев оставались неизменными. С возрастом стабильность возрастала [544; 701].

Повторные исследования при больших промежутках времени были проведены с некоторыми людьми, обладающими феноменальными вычислительными способностями, например, Б. Инауди и Рюкле. Здесь последующие испытания, насколько я знаю, всегда давали подтверждение первоначально найденного типа. Так, в 1911 г. я обнаружил у доктора Рюкле, что его действия с числами и счет полностью проявились в тех типичных формах, которые Мюллер описал у него в 1902 и последующих годах [458a]. Правда, стабильность форм поведения у виртуозов такого типа можно объяснить не только сохранением константности заложенного типа, а по крайней мере, в той же степени и фиксацией его ежедневным упражнением.

Легче осуществим и не менее важен другой внутрииндивидуальный синтез: исследование типа, о котором идет речь, разнообразными видами дополняющих процедур. Типичное предрасположение не связано никогда только с одним видом психических феноменов и действий, а со многими; поэтому можно к нему приближаться концентрически с разных сторон: преобладание, проявившееся при методе помощи-помех, можно контролировать методом выбора; а можно привлечь самонаблюдение и посмотреть насколько его результаты совпадают с объективными данными. При помощи этой многосторонности испытания одного и того же индивида исследование типа приближается по своему методу к психографическому.

Вышеупомянутое исследование Бине своих двух дочерей показательное и для этого метода, так как он пытался тип интеллекта каждой девочки установить десятью и более разнообразными методами. Пфейффер устанавливает у своих испытуемых тип работы, тип интереса и тип воображения и сравнивает их не только между собою, но и с дневниковыми записями учителя об этих личностях.

Сравнение данных самонаблюдения с объективными результатами Сегал использует для более точного определения типа воображения¹⁵. Так же и Фейхтвангер с той же целью исследует своих испытуемых множеством методов¹⁶. Наконец, очень многосторонней является недавно разработанная Баервальдом анкета для исследования "двигательного типа"; здесь каждый отвечающий должен установить для самых разнообразных психических феноменов, какую долю в их осуществлении составляют представления о движениях и импульсы к ним¹⁷.

Чем больше при таком сочетании методов выясняется, что преобладание какого-либо типа в одной области имеется и в других родственных, но не идентичных им областях, тем меньше вероятность, что его надо приписать только внешним условиям, и тем больше, следовательно, оправдан вывод о преобладающем **предрасположении**.

Для **межиндивидуальной** части исследования типов возникает тогда еще ряд требований. Прежде всего, в каждой серии исследований необходимо подбирать по возможности однородных по своим характеристикам индивидов, чтобы найденные различия можно было приписать действительно внутреннему предрасположению, а не какому-либо внешнему фактору различия - образованию, преподаванию, расе, возрасту и т.д. Только в том случае, если как раз корреляция типа с этими факторами может быть исследована, их привлечение оправдано.

Гомогенность материала, правда, имеет следствием, что типика, установленная в радиусе его действия, вовсе не дает никакой гарантии точности разделения, так как условия, совпадающие для всех испытуемых, могли обеспечить только выделение типов *a*, *b* и *c*, зато не допустить вычленение возможного обычно типа *d*.

Так, исследование художников может вовсе и не обнаружить определенные типы, встречающиеся преимущественно у абстрактных мыслителей.

Подавляющее большинство всех точно-психологических исследований, проведенных с нормальными людьми, касались только двух категорий — студентов и учащихся народных школ. И почти все вновь установленные разбивки на типы были найдены только в этих группах. Мы пока еще не знаем, не откроют ли обширные исследования, проведенные на людях старших возрастов, на представителях трудящихся классов, на учащихся высших школ, на первобытных народах и т.д., совершенно другие, до сих пор неизвестные типы внимания и восприятия, представления и изображения и т.д.

Отсюда вытекает требование установить образование типов на возможно большем количестве гомогенных групп. Только так возможно приблизиться к общему объему варибельности типов, существующих для определенного признака. Априорное перенесение типики, найденной на одной группе, на группу со структурой другого вида неоправданно.

Но даже внутри гомогенной группы распространение типики, найденной у исследованных членов группы, на группу в целом недопустимо безоговорочно (здесь имеет значение ранее упомянутая ссылка на экстенсивность исследования).

Наконец, установление типики определяется еще тем, как группируются друг с другом результаты межиндивидуального сравнения.

Простейший случай — это чисто качественная группировка. Может ведь случиться, что проверенные индивиды четко разбиваются на два, три и т.д. различных по своим характеристикам раздела — хотя такое классоподобное отделение, как уже раньше объяснилось, должно считаться исключением для психических качеств. Но и там, где существуют переходные формы, все же часто возможно отличать случаи, приближающиеся к какой-нибудь телеологической идеальной форме как "типичные", от тех "атипичных", которые представляются как половинчатость, разногласие, неорганические смешения. При помощи подсчета лиц, отнесенных к отдельным группам, можно тогда определить **относительную частоту типов**.

Метод был применен Хеймансом, который 110 лиц отнес, на основании их биографий, к восьми установленным им типам темпераментов¹⁸. Он нашел 20 "нервных", 14 "сентиментальных", 10 "сангвиников", 21 "флегматика", 16 "холериков", 21 "азартного", 0 "аморфных", 9 "апатичных", 8 лиц не удалось определить однозначно. Из этого видно, что относительная частота количественно более всего представленных типов (нервных, флегматиков и азартных) почти идентична; каждый тип составляет по одной пятой доле всех разбитых на группы лиц. Холерики, сентиментальные и сангвиники делятся в уменьшающихся долях в оставшихся двух пятых. Естественно, однако, распределение, найденное только примерно среди 100 лиц, нельзя считать репрезентативным для вообще имеющихся отношений частот; да и сам автор не думает о такого рода обобщении.

Если тех же самых лиц делят с различных точек зрения на такие качественные группы, то их можно, при помощи позже обсуждаемого метода групповой корреляции непредвиденных обстоятельств, комбинировать в комплексные типы и тем самым получать существенно более точную картину действительно имеющейся разбивки на типы.

Цель, к которой иногда стремились - при помощи прямого **измерения** отдельной психической характеристики поведения получить разбивку на типы, - достижима только внутри очень узких границ и с величайшей осторожностью. Надо какое-либо психическое проявление измерить у многих лиц таким образом, чтобы полученные результаты можно было проранжировать. Когда же мы имеем право из такого ступенчатого ряда вывести картины типов?

Совершенно недостаточен нередко применяемый метод простого подсчета среднего значения для ряда и отнесения вариантов, превышающих среднее значение к одному типу, а имеющих более низкие значения - к другому типу. Здесь неверно воспринимают само понятие типа.

Пфейффер, например, следующим образом устанавливал предметные типы представлений своих испытуемых. Он называл им ряд слов и просил записать, что они думали при каждом слове. Затем у каждого испытуемого выявилось определенное количество зрительных, слуховых и кинэстетических содержаний. Затем все зрительные содержания каждого испытуемого ранжировались и в полученном ряду искали медиану; лица, имеющие значения превышающие ее, относились к зрительному типу. Также поступали со слуховыми и кинэстетическими содержаниями. (Естественно, испытуемый иногда может иметь во всех трех рядах показатели выше медианы; тогда этот человек представляет собою, по Пфейф-феру, комплексный тип. Значение частичных типов определяют по относительному расстоянию от медианы.)

Единственный допустимый путь извлечения из **одиночного** ряда измерений результатов для учения о типах - следующий: надо установить частоту, с которой отдельные представленные значения измерений встречаются и расположить их в виде кривой частоты. Если кривая имеет простейшую форму - одну-единственную вершину в середине кривой (Кривая Гаусса) - тогда нет никакой возможности вывести из этого расчленение на типы: такая форма означает, что средняя степень предрасположения является самой частой, и что оттуда вверх и вниз частота постоянно убывает. Иначе обстоит дело, если кривая имеет две или много вершин. Тогда каждый такой максимум частот можно рассматривать как центр типа; одновременно удастся по кривой прочесть, встречаются ли различные типы с примерно равной или с различной частотой,

При помощи этого статистического метода можно будет проверить прежде всего антитипные выражения — действительно ли им соответствует группировка типов или они являются только удобными обозначениями для известных экстремально расположенных отдельных случаев. Также удастся зону индифферентности между двумя противоположными группами поднять до особого среднего типа (смешанный тип), проверив, находится ли здесь еще один особый максимум кривой.

Чтобы, однако, не переоценить подобный результат, надо придерживаться современного взгляда, что могут быть обнаружены только феноменологические типы, относящиеся к отдельному измеренному показателю. Только если при помощи ранее упомянутого синтеза методов и подсчета корреляций, найденное распределение частоты подтверждается, правомерно рассматривать его как выражение собственно типики предрасположения.

Последние соображения уводят нас от чисто качественной постановки вопроса и приближают к проблемам количественной вариации и корреляционной статистики, которые специально рассматриваются в следующих главах.

Сначала, однако, надо еще показать на конкретных примерах ряда основных областей современного изучения типов, какого уровня они достигли на сегодняшний день при помощи описанных методов и в каком направлении можно надеяться на успехи. Я намеренно для этого выбираю области, не получившие в последнее время резюмирующего обсуждения (как, допустим, область типов представлений), но которые, как мне кажется, призваны в исследованиях ближайших лет выдвинуться на первый план.

2. ТИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

А. Методическое. "Типами представлений" я называю все типичные особенности, проявляющиеся при передаче взаимосвязанных комплексов переживаний. Для

относящихся к этому типик до сих пор применяли такие названия, как "типы интеллекта" (Бине), "типы труда" (Пфейффер), "типы описаний" (Мейман). Между тем, эти выражения отчасти слишком широки, отчасти слишком узки, отчасти ложны. Определение "типы представлений" кажется заслуживающим предпочтения уже потому, что оно меньше всего предполагает, а скорее только обозначает явления, через которые типика дает о себе знать.

Я сам раньше говорил о "типах восприятия", но здесь следует сделать оговорку.

От какого-либо комплекса переживаний до его представления ведет долгий путь, на котором происходит многократный отбор. Предметом восприятия становится только то, что превышает порог чувствительности; дальнейшие действия индивида опять из этого материала восприятия поднимают определенные элементы, окрашенные интересом, над порогом восприятия, в то время как другие остаются на более низком уровне. Этот выбор, несомненно, в основном зависит от внутренних предрасположений индивида; но, возможно, существующие типы восприятия трудно доступны наблюдателю, так как выражающиеся вовне представления не являются простым зеркальным отражением восприятия. Здесь в третий раз повторяется процесс выбора. Совсем не все, что воспринято, будет поднято выше порога представления (многое -нет) вследствие отсутствия у представителей необходимой для их актуального проявления силы, либо "техники" воспроизведения, а также из-за того, что и само представление имеет собственные принципы отбора и оформления. Таким образом, сами продукты представлений в качестве последних доступных нам звеньев этой цепи дают едва ли больше возможностей для анализа участия в них восприятия, понимания и собственно способности к представлению, но в них явственнее выступают те свойства индивида, которые связаны не с отдельной функцией, а с интеллектуальной точкой зрения индивида в целом, и поэтому задействованы и при восприятии, и при понимании, и при представлении.

Представление может осуществляться посредством речи или наглядно-образным путем (черчением, рисованием, моделированием). Для обработки проблемы типов в последней области до сих пор еще мало применялись точные средства; только Кик сделал попытку описать ряд типов у талантливых (сверхнормальных) детей на основе их способностей к рисованию²⁰. В отличие от этого **типика речевого**²¹ представления многократно была исследована, правда, преимущественно у детей. И здесь Вине указал путь. Позже его идеи были дополнены психологическими данными, полученными при изучении высказываний; наконец, анализ немецкого сочинения значительно продвинул исследование.

Общее во всех методах заключается в том, что испытуемых просят выразить вербально какое-либо переживание или комплекс впечатлений.

Почти у всех исследователей объектами представления служили в первую очередь изображения предметов и сюжетов: папирос и других вещей у Бине; часов у Леклера;

статуэтки у Ногради; ручки для письма у Эрдмана; услышанного рассказа, увиденного события, целого комплекса переживаний (у Нечаева - Нева, у Кона-Диффенбахера происходящее на вокзале во Фрейбурге); Лобзин давал пять изолированных слов, в связи с которыми надо было придумать историю.

Фиксация представления проводилась то в присутствии изображаемой картины или объекта ("Описание"), то короткое или длительное время спустя после того, как их видели ("Отчет"). Оно осуществлялось в одних исследованиях устно (при этом одновременно стенографировалось), в других - письменно. Каждое из этих методических различий оказывало сильное влияние на всю психологическую структуру деятельности по формированию представления и на само получаемое в результате представление²⁹.

В то время, как некоторые исследователи предлагали испытуемым при изучении представления только **один** объект или картину, другие требовали от каждого испытуемого по **несколько** представлений: Бине³⁰ и Боуберга³¹ предлагали по три картины: Пфейффер³² давал по 6 тем сочинений одному и тому же испытуемому трижды, с интервалом в 1 год, самым многоаспектным было исследование Кона—Диффенбахера, в котором испытуемые должны были описать экспонируемую картину, сообщить воспоминания о ранее виденной картине и, наконец, подготовить сочинение о вокзале.

Определение типов происходило в большинстве случаев (особенно у Бине и его последователей) при помощи **оценки** общего впечатления, вызываемого представлениями. Немецкое исследование пыталось дополнить этот недостаточно надежный метод или заменить его более точным, разлагая каждое представление на элементы, которые подсчитывали и разбивали на группы и, наконец, выводили суммарное представление по соотношению друг с другом их частотности. Этот метод **анализа представления** применялся для определения типов Штерном, Роденвальдом, Баервальдом. Коном и Диффенбахером при высказываниях о картинах, Пфейффером и Коном — Диффенбахером — в сочинениях различного вида.

Проведенный Коном-Диффенбахером психологический анализ сочинений очень подробен и осторожен. Для дальнейших работ в этой области представленные ими точки зрения должны быть более авторитетными, чем Пфейффера, так как **их** анализ касается не только содержания, но и стиля сочинений; кроме того сочинения характеризуются в целом.

Пфейффер пытается прежде всего использовать результаты анализа сочинений для установления расчленения на типы; к сожалению, значение этих, заслуживающих благодарности, исследований сильно проигрывает в силу нескольких методологических сомнений. Он поступает следующим образом: сочинения разбиваются на множество логических и психологических категорий (так называемые "виды работы"); затем подсчитывается частотность появления каждого "вида работы" в сочинениях каждого ребенка, и на основе этих данных о частоте образуется межиндивидуальный ряд для соответствующего вида работы. В этом ряду детей делят на две группы: ту, которая использовала в сочинении чаще, чем большинство определенный вид работы, и применявшую этот вид работы реже, чем большинство. Эта процедура повторялась для каждого вида работы. Так как каждый испытуемый должен был написать 6 сочинений, то можно было установить, какой вид работы у него чаще всего был выше медианы; этим, в первую очередь, устанавливался определяющий тип; другие, также часто повторяющиеся виды работы, давали - с понижающейся выраженностью - дополнительные частичные типы.

Недостатки метода, выводящего расчленение на типы на основе деления пополам ряда степеней, уже были рассмотрены выше. Хотя этот недостаток несколько смягчается применением частотной точки зрения, однако полностью не уничтожается. Мы узнаем только то, как **часто**, но не как **сильно** вид работы превышает медиану у одного испытуемого, а как раз эта степень превышения несравненно важнее: так как лежащие вблизи медианы значения лишь очень незначительно отличаются друг от друга, то чаще всего лишь дело случая - попадает ли конкретный момент реализации вида работы по ту или по эту сторону медианы. Имеющиеся статистические данные, следовательно, недостаточно используются для определения типа, поскольку степень отклонения от медианы не учитывается.

Другая методическая ошибка заключается в том, что испытуемых ранжируют изолированно по каждому виду работы в то время, как внутрииндивидуальное **соотношение** видов работы не учитывается. Здесь, следовательно, пригодна та же критика,

но с соответствующими изменениями, которую Сегал приводил относительно других исследований Пфейффера по типам представлений.

Мы подходим теперь непосредственно к установленным типам. Господствующее здесь многообразие показывает, что фактически разбивка на группы сильно зависит от конкретной задачи, и потому каким осторожным надо быть при перенесении найденной для той или иной картины или для отдельной темы сочинения, феноменологической типики на хроническое (устойчивое) состояние ее носителей. Но и при всей наблюдаемой пестроте все же выделяются определенные стереотипно проявляющиеся черты, и они намечают путь к установлению собственно предрасполагающих типов представлений.

В. Общие типы представлений. У Бине мы встречаем типы представлений в несколько отклоняющихся друг от друга формах.

В своей первой публикации (вместе с Анри)³⁷ он называет четыре типа, обнаруживающиеся при письменном представлении содержания только что увиденной картины: описывающий, наблюдающий, эмоциональный и эрудированный. Описывающий тип дает простое бессвязное перечисление отдельных содержаний картины. Наблюдающий тип вычленяет из общей связи, соотносит и толкует, связывает и разъединяет данные, которых порой вовсе не бывает, и добавляет это от себя ради обеспечения связи. Эмоциональный тип привносит субъективную, душевную реакцию в описание содержания картины. Эрудированный тип использует восприятия только как повод для применения своих знаний, всегда имеющихся наготове в его распоряжении.

Сразу вслед за этим Бине сообщает о типике, которая проявилась при представлении одного объекта (папиросы)³⁸: три более интеллектуальных типа (описывающий, наблюдающий и эрудированный) имеются и здесь: место эмоционального типа занял родственный ему **тип воображающий и поэтический**, у которого большую роль играют фантазия и вчувствование.

Противоположность последнего типа остальным типам представлений в наиболее ярком виде выступает при изучении "наблюдателя" и наделенного богатым воображением³⁹. Обе дочери Бине фигурируют здесь как представители обоих типов. Выражение "наблюдатель" не имеет в данном случае особого смысла, а охватывает одновременно и описывающий и наблюдающий типы. Бине действует, очевидно, в русле простой антитипичности объективного и субъективного вида представлений.

В противоположность этой тенденции к упрощению, другие исследователи, повторившие его опыты, наоборот, считали необходимым увеличить количество типов.

Так, Леклер при описании часов приходит к семи типам, которые могут выявиться при различных связях: описывающий, наблюдающий, обладающий силой воображения, эрудированный, характеризующийся простой эмоциональностью, эстетически эмоциональный, склонный к морализированию. Ногради перечисляет (при представлении одной картины и одной статуэтки) шесть типов: описывающий, наблюдающий, чувствительный, эрудированный, полный фантазии, рефлексивный.

Подразделение на типы Грюнвальда и Эрдмана в основном согласуется с типикой Бине, но все же Эрдман, кроме того, придает значение противопоставлению "эрудированного" и "литературного" типов.

Снова к более простому подразделению типов приближается Володкевич⁴¹ (при представлении картин), чей метод расчета, правда, столь неточен, что нельзя придавать большого значения полученным им результатам. Он различает описывающий и эмоциональный типы, каждый из которых распадается на несколько подгрупп.

Пфейффер, наконец, при выделении самых частых "видов работы" при написании сочинения обнаруживает следующие типы, которые могут выступать или сами по себе или в комплексах: описывающий, наблюдающий, вспоминающий, относящийся, завершающий, рефлексирующий, судящий практически, этически судящий, эстетически судящий, сочувствующий, фантазирующий. Чтобы придать этому несколько неупорядоченному списку более простую и легко воспринимаемую форму, Пфейффер объединяет выделенные типы то в группы - "объективные" и "субъективные", то в группы - "ассоциативные" и "апперцептивные".

Анализируя вышерассмотренные попытки дать общую типичную представления, увидим, что у большинства исследователей два мнения о подразделении были беспорядочно слиты друг с другом и требуют более четкого разделения. С одной стороны, имеется разделение по общему виду того, как субъект проявляет **мнение** о мире и об объектах; здесь противостоят друг другу "объективный" и "субъективный" типы представления. С другой стороны, существует типика, основывающаяся на том, как был **интеллектуально** преодолен материал переживания: описательный, наблюдательный, эрудированный, рефлексирующий, ассоциативный, апперцептивный и т.д. То обстоятельство, что подразделения обоих разделений расположили как составные части **одной** схемы типов, сильно повредило прояснению нашей области. В действительности же типы представления являются сложными, рождающимися из скрещивания обоих названных (а может быть еще и других) разделений. Исследование еще **не продвинулось** так далеко, **чтобы** иметь **возможность провести полный обзор** различных **результатов** этого скрещивания в качестве **комплексных типов**; напротив, оно **получило ряд достойных быть замеченными результатов** об элементарных, частичных типах, входящих в это скрещивание - "интеллектуальные" типы и типы "высказывания своего мнения" (определенной позиции) — которые теперь следует кратко сопоставить.

С. Интеллектуальные типы и стадии (как частичные типы представления).

Мы отвлечемся сначала от той роли, которую играют в представлении такие субъективные моменты как чувство, фантазия, активность личности и обсудим лишь различия, заключающиеся в духовном овладении содержанием переживания. Эти различия, как выясняется, не только качественного вида, но и выражаются в уровнях проявления этого качества; т.е. отдельные типы соответствуют одновременно различным степеням духовной зрелости. Поэтому интеллектуальные типы представления почти всегда исследовались в соотношении с возрастом; их, следовательно, надо воспринимать как генетические типы или "стадии".

Так, в устных отчетах о только что увиденной картине я обнаружил следующее:

различные логические категории, связанные с представляемыми объектами (предметами, поступками, свойствами, отношениями), встречаются на разных возрастных ступенях в очень различных распределениях; распределение в каждом из сообщений удается установить статистически подсчетом данных, относящихся ко всем категориям, и сделать наглядным при помощи диаграмм. Самая нижняя стадия характеризуется доминированием или несоразмерным превалированием не связанных друг с другом названий предметов ("стадия субстанции" мною выявлена преимущественно у учеников 7-летнего возраста народной школы). На следующей стадии наряду с этим в ббльшем объеме присоединяются названия действий ("стадия действия" - у 10-11-летних детей). Наконец, третья стадия дает данные о таких более соотносимых друг с другом определениях, как свойства отдельных предметов или их отношения друг с другом ("стадия отношений и признаков" - у 14-летних и более старших учащихся).

Использованная мною картина содержала мало возможностей для истолкования и комбинации, так что некоторые возможные стадии отсутствуют в моем

перечислении. Это упущение было восполнено другими исследователями, работавшими с другими картинами; так Кон и Диффенбахер установили, что к трем вышеназванным надо присоединить "критико-рефлексирующую" стадию, представляющую следующий этап развития.

Бине и Симон ввели в свою систему ступеней описание картины в процессе ее рассматривания как один из важнейших тестов. Представленные ими стадии подразделяются следующим образом: перечисление (у 3-летних), описание (у 7-летних), объяснение (у 12-летних). Боубертаг, использовавший с той же целью другие картины, приходит к сходному подразделению на ступени⁴⁴.

Сочинение на тему "Что я увидел и пережил на вокзале во Фрайбурге", проанализированное Коном и Диффенбахером, позволило довольно определенно распознать четыре интеллектуальных типа представления, сходство которых с вышеназванными заслуживает особого внимания в силу того, что задача, использованная ими, очень существенно отличается от описания картины. Авторы различают: "описывающий" тип (направленный на описание предметов - вокзал и его части, поезда и паровозы), "рассказывающий" (сообщающий об определенных, отдельных переживаниях), "представляющий" (**обращающий внимание на жизненные события, происходящие на вокзале**) и "**рефлексирующий**" (дающий общие **соображения социального, этического и культурного характера**)⁴⁵. И опять описание - типичная форма для испытуемых **нижнего уровня**, рефлексия встречается только на **высших уровнях**, в то время как рассказывание и характеристика **представлений** характерны для средних уровней.

Попытка Пфейффера объединить большое количество найденных им типов в две группы - "ассоциативных" и "апперцептивных" - также относится сюда. Он характеризует интеллектуальные процессы в обеих группах следующим образом⁴⁶: в то время как у индивидов, характеризующихся ассоциативным типом, представления, вызываемые объектом, выстраиваются по законам механики, у индивидов, относящихся к апперцептивному типу, их "Я" вмешивается в ход представлений, влияя на них и направляя соответственно своей психической природе. К "ассоциативной" группе относятся три первых типа, находящихся в его списке, т. е. описывающий, наблюдающий, вспоминающий. Пфейффер также находит, что с переходом на высшие возрастные ступени, также как и с ростом одаренности, соотношение между апперцептивными и ассоциативными типами изменяется в пользу первых.

D. Типы высказываний своего мнения (как частичные типы представления).. Совсем другими мотивами мы руководствуемся при расположении представлений в том случае, когда задаемся вопросом, насколько здесь проявляется типичное отношение субъекта к объекту.

Я сам уже в 1900 г. предложил 4 типа Бине расположить в двух сверттипах — "объективном" и "субъективном". Первая тенденция характерна для тех, кого отличает строго деловой характер, кто пытается быть внимательным к объекту как таковому; вторая тенденция выступает, прежде всего, в стремлении подать себя самого, свое личное отношение к предметам, выразить через них свои реакции, настроения, волю, фантазию.

Мы выше уже видели, как Бине приближается к этой антитипике в своих более поздних исследованиях; и Володкевич также обнаружил сходное разделение. Убедительными и имеющими сходные обозначения являются группировки Пфейффера. К "объективным" он причисляет 8 первых типов своего списка, к "субъективным" - этический, эстетический, проникающий и фантазирующий типы. Правда то, что Пфейффер выделенные им группы — "ассоциативные" и "апперцептивные" ~ включающие весь ряд типов, пытается перевести в объективно-субъективную группировку лишь перемещением границ, не добавляет ясности; он не учитывает, что принципы подразделения здесь и там принадлежат двум различным измерениям.

Самой ясной и одновременно самой тонкой разработкой этой противоположности мы обязаны, однако, Баервальду; его работа, кроме того - еще и одно из редких исследований, проведенных на взрослых. На основе анализа представлений о содержании картины (до этого зрителям незнакомой и не совсем легкой для истолкования) Баервальд сначала обнаруживает ясное расхождение **"описывающего"** и **"самодеятельного"** типов. Характеристика самодеятельного типа заключается, как доказывается количественно, в следующих признаках: склонность видеть связи целого, проводить сравнения, выдвигать предположения о первоначально непонятном, критиковать, специально подчеркивать отношение к собственной личности, а также как правило находить ошибочность данных. **Описывающий** тип непосредственно ориентирован на дело и проявляет мало субъективной самодеятельности; при уточненной проверке он разделится на два совершенно различных типа: **"пассивный"** и **"осторожный"**. Незначительная доля самодеятельности основана в первом случае (у пассивных) на действительной слабости, во втором (у осторожных) - на сознательном торможении; осторожный тип поэтому характеризуется как многочисленными сомнениями и оговорками, так и правильностью высказываний.

Разделение обоих видов описывающего типа кажется мне методологически особенно важным; оно показывает, что внешнее сходство поведения еще не оправдывает отнесения к единому типу, так как оно может быть обусловлено внутренне совершенно разными причинами.

Наконец, Баервальд открыл еще один тип - **"гармоничный"** - представляющий собою синтез самодеятельного и осторожного типов. Он выражался, например, в том, что сначала при намеренном торможении субъективного участия давалось представление, диктуемое объектом, затем, однако, свободно разворачивались действия, направленные на расшифровку собственных догадок и критику своей интеллектуальной деятельности.

Исследования Баервальда в совокупности с ранее упомянутыми представляются мне надежными основами для дальнейшей работы в этой важной области. Существование объективного и субъективного типов представления можно, пожалуй, считать уже доказанным, также как и то, что нет оснований для приведения этих типов к однозначной ступенчатости значений (что было возможно относительно интеллектуальных типов).

Внутри каждого из обоих типов, напротив, возможны большие различия в значениях.

Объективный тип, как показал Баервальд, может быть как выражением неспособности включения в исследуемый процесс своего "Я" со всем его своеобразием, то есть результатом пассивного допущения его выталкивания объектом, так и признаком строгой дисциплины и благоговения перед объективной реальностью.

Субъективный тип может, с одной стороны, быть основан на отсутствии торможения, на неспособности регулировать индивидуальное настроение и любые сцепления представлений при помощи объективных требований, с другой стороны, - на сильной внутренней активности, превращающей все пережитое в собственное действие, и на творческом даре придавать материалу, приходящему извне, собственную форму и настроение. Чрезвычайно важно точнее очертить границы этих ступеней в ходе дальнейших исследований. Этому будет способствовать, в первую очередь, рассмотрение внутрииндивидуальных характеристик разнообразных типов представлений. Низшие формы как объективного так и субъективного типов проявят себя однотонным (однообразным) сохранением неизменных форм представлений независимо от того, требует ли их тема, допускает или запрещает. Более высокие ступени значений ценности будут, напротив, равно распознаваться по лучшей способности приспособления к задачам; в пределах своей объективности и субъективности они все же обнаружат вариации степени и вида. соответствующие поставленным целям.

Там, где эта градация в распределении объективных и субъективных акцентов соответственно требованиям задач, может быть представлена в наиболее совершенном виде, мы имеем дело уже не с "субъективным" или "объективным", а с "гармоничным" типом, который найден Баервальдом.

3. ТИПЫ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ПРИ ДРУГИХ ФУНКЦИЯХ

Вскрытая противоположность объективной и субъективной точек зрения приобретает особое значение потому, что входит в качестве частичной не только в типичу представления, но также и во многие другие расчленения на типы, тем самым обозначая одно из самых объемных образований вариантов. Отношение субъекта к объекту проявляется в самых различных психических функциях — в восприятии и взятии на заметку, в суждении и оценке, в желаниях и поступках, - повсюду, где возможно (по крайней мере теоретически), что преобладание объективного и преобладание субъективного моментов типично различаются.

Радует то, что мы теперь не ограничиваемся в этом плане только теоретическим выводением, так как располагаем и эмпирическим материалом. Экспериментальные исследования на разных вышеназванных функциях привели к установлению типич (с большей или меньшей точностью), которые, не смотря на меняющиеся наименования, по существу, в каждом новом случае означали противопоставление преобладающей объективности и субъективности. Я излагаю лишь некоторые главные области.

Необходимо отметить то, что приоритетными в этом отношении являются первые объекты исследований экспериментальной психологии: время реакции и чувствительность к различиям становятся важными и для дифференциального исследования (правда, не в аспекте их использования для анализа самых элементарных психических функций, а в связи с проявлением в них самых внутренних сущностей индивида).

А. Реагирование (ответ на раздражитель движением) - это простейшая схема для определения воззрения субъекта на объект вообще; здесь имеет место психическая активность как результат ее непосредственного возбуждения окружающим миром. Уже давно Болдуин⁵¹ и Флурну⁵² установили "типы реакций", которые представляются относящимися к выявленной нами связи.

Как известно, при экспериментальном измерении времени реакции различают в соответствии с постановкой задачи две формы реакции. Если перед каждым опытом у реагирующего создается установка внимания на ожидаемое впечатление, на чувства, то реакция называется сенсорной (sensoriell); если же внимание направлено на движение, которое должно быть выполнено, то она называется мышечной. Людвиг Ланге, который открыл это различие, нашел общее сокращение времени реакции при мышечной реакции.

Вышеназванные исследователи установили, что у различных испытуемых, во-первых, склонность к одной из обеих форм реакции существенно различается по силе, во-вторых, очень велики различия по времени (даже иногда меняется знак). Из этого ими было сделано заключение о типичных различиях: к "мышечному" или к "двигательному" типам реакции относятся те, кто склонны к установке внимания на собственное движение и в силу этого особенно быстро реагируют; к "сенсорному" типу — те, кто больше всего ожидает от сенсорной установки и кому она лучше всего удается.

Флурну различал вместе с тем еще 2 типа: "центральный", проявляющий самую короткую длительность реакции, если внимание направлено не на то или иное частичное событие, а на связь процесса, и "индифферентный", на длительность реакции которого направленность внимания не влияет,

Эта теория типов, правда, многократно подвергалась нападкам, например, Вундта⁵³, Титченера⁵⁴ и других⁵⁵. Критика справедливо обратилась против попытки свести названные типы под одну крышу с типами представлений (слуховой и зрительный типы представлений должны были совпадать с сенсорным типом реакции, двигательный тип представлений - с мышечным типом реакции). Здесь идет речь о столь разных видах результатов, что подобная идентификация с самого начала абсолютно невероятна.

Что, однако, в области реагирования выделяются типы, кажется неоспоримым; и если мы сравним различия, найденные в эксперименте, с теми, которые попадают в наше поле зрения при естественных проявлениях жизни, то оказывается, что опять речь идет о более "субъективном" и более "объективном" отношении.

Один привык проявлять активность по отношению ко всему, что ему встречается;

для него его собственное действие всегда образует центр, а окружение имеет значение лишь постольку, поскольку оно вмешивается в этот центр отношений; поэтому он свое "Я" всегда держит в готовности. Другой сначала пассивно позволяет внешним впечатлениям воздействовать на себя, рассматривает их теоретически, созерцательно. Первый имеет склонность быть "готовым к прыжку"; его пальцы напряжены и душа активна, он только ожидает сигнала к действию. Для второго состояние сенсорно направленного внимания является неестественным; он чувствует себя, напротив, скованным и смущенным, если вынужден контролировать себя и самостоятельно, еще до получения необходимых импульсов извне, регулировать свои движения. Первый ожидает **своей собственной разрядки**, второй ожидает **впечатления**; для первого раздражения - это **освобождение**, для второго - **причина** движения.

Это противопоставление, правда, вскрыло две крайности, которые в таком чистом виде в естественной жизни встречаются редко. Еще меньше их можно ожидать в эксперименте, ибо условия эксперимента для этого слишком искусственны, а постоянно повторяющиеся раздражители и движения слишком однообразны, чтобы побудить индивида к такому сильному проявлению характеристик особого вида. Тем не менее, по-моему, те типичные различия, которые были выявлены до сих пор экспериментально, объясняются этими моментами; можно думать, что направленные на изучение реакции эксперименты с измененной методикой углубят наше понимание образования этих типов⁵⁶.

В. Психофизическое измерение порогов раздражения и различий первоначально имело целью только изучение градации сферы ощущений человека. Но постепенно заметили, что изучались совсем не ощущения и их различия, а лишь суждения людей об их собственных отношениях к ощущениям. Эти суждения, однако, есть, по меньшей мере, отражение в сенсорном плане действительного положения дел, хотя и перерабатывают его более или менее сильным образом.

Экспериментаторы уже давно заметили, что испытуемые в очень различной степени пригодны давать чисто психофизические результаты. Для этого пригодны лишь те группы обследуемых, которые в своих суждениях о равенстве и различии больших и меньших из предлагаемых раздражителей, были в состоянии возможно более отчетливо и искренне выразить действительно пережитое содержание ощущения. Но наряду с этим имелась другая группа, суждения которой так сильно зависели от индивидуального ожидания и заранее принятого мнения, утомления и настроения, что их результаты становились неприменимыми с точки зрения исследования порогов.

Но тем они зато и ценнее для наших целей, что как раз эта неспособность изолировать суждения об определенном содержании пережитого (чувственные впечатления) от других субъективных составляющих, указывает на принадлежность данных лиц к субъективному типу; и точные методы измерения чувствительности одновременно позволяют описать в однозначных формулировках субъективность одной группы и объективность другой.

В 1899 г. я провел ряд исследований, пригодных для иллюстрации этой противоположности. При этом мне помогла та случайно возникшая ситуация, что два моих испытуемых были яркими представителями противоположных типов, а вид распорядка опыта допускал многостороннее количественное установление противоположности⁵⁷.

Собственно тенденция опытов заключалась в установлении порога восприятия для постепенных изменений тона различной скорости. Сконструированной мною для этого аппарат позволяет очень медленно и совершенно непрерывно изменять высоту тона, одновременно варьируя степень скорости изменения в широких границах (я использовал 7 скоростей изменения - от 1/2 до 1/16 колебаний в секунду). Испытуемый должен был сообщить двигательной реакцией о моменте восприятия; таким образом удавалось очень легко определить длительность и объем изменения тона, происшедшего до момента восприятия. Экспериментально исследовались "несмешанные" и "смешанные" ряды (по 9 опытов для каждого ряда). В **несмешанных** каждый отдельный ряд содержал изменения только в **одном** направлении, т. е., только повышение или понижение тона, и испытуемый знал, о каком направлении изменений в ряду идет речь. Последовательность скоростей, представленных внутри ряда, которые росли или падали скачкообразно, напротив, была реагирующему неизвестна; он также не знал, что в каждый ряд было введено по 2 опыта, в которых тон оставался неизменным. В **"смешанных рядах"** не только скорости, но и направления изменения были беспорядочно перемешаны неизвестным для реагирующего образом, правда, каждый второй ряд содержал 18 опытов, включающих 7 повышений и 7 понижений скоростей и 4 неизменные скорости.

Результаты показали следующие типичные различия (представитель объективного типа обозначен "О", субъективного - "С").

1) **Оба испытуемые реагируют, что вполне естественно, быстрее в несмешанных рядах, нежели в смешанных (т.е. там, где они знают, чего следует ожидать). Но** среднее различие имеет очень разную величину у "О" - 14%, у "С" - 8% длительности реакции "несмешанных". Соответственно, "О" в смешанных рядах должны дать 16%, а "С" - 26% неверных суждений. Толкование: субъективность возрастает там, где в большой мере имеется опасность ошибки, и гораздо меньше в ситуации, когда индивид считает себя полностью уверенным в своем деле; отсюда, незначительные различия во времени и большое число ошибок. Надежность суждения у "С" гораздо меньше, чем у "О".

Сравним здесь высказывания об их самонаблюдениях. "О": "Я ограничиваюсь надежными (вызывающими субъективную уверенность) восприятиями органов чувств". "С": "Я реагирую, как только вообще считаю, что воспринял изменение. Я мог бы в конце концов еще увереннее его констатировать, но часто у меня бывает ощущение, что совершенно излишне продолжать его ожидать".

2) "О" и "С" совершенно различно относятся к константам в смешанных рядах. "О" как будто бы помогал раздражению дойти до себя; даже не замечая изменения, он ожидал, что при продолжении раздражения может быть сможет все же воспринять небольшие изменения. Нередко случалось, что опыт спустя 20 сек. прерывался по техническим причинам. В этом случае со стороны "О" не было каких-либо реакций. Совсем иначе вел себя "С". Стремление к быстрой деятельности у него было слишком велико, чтобы он мог оставаться так долго исключительно созерцающим. Он реагировал в каждом опыте, в том числе и тогда, когда замечал изменения; в последнем случае его реакция означала, что у него существует готовность воспринять "константы" с позиций своих суждений. Эта реакция происходила в среднем через 10 секунд, хотя он все же знал, что имели место и едва заметные изменения, которые в начале их проявления легко спутать с неизменными стимулами. Следствием этого поведения является полная неспособность объективно судить о "константах".

Самонаблюдения. "О": "При равенстве я ожидал бы бесконечно... Так как я действительно иногда **только** через 20 сек воспринимаю **медленное** изменение, поэтому так долго жду".

"С": "Если прошло определенное время, то я сравниваю тон в данный момент и вспоминаю о том, каким он был в начале. Если я при этом не замечаю никакого изменения, то у меня возникает надежное ощущение, что это совершенно одинаково и больше не изменится".

3) В "несмешанные" ряды тоже были добавлены константные стимулы, о которых испытуемые не знали. Они, следовательно, каждый раз ожидали услышать изменение в определенном направлении, но с меняющейся скоростью. Здесь резко выступает **внушающая роль ожидания**: "С" из 40 "констант" верно распознал только 10; в 30 случаях он считал, что воспринял ожидаемое изменение! У "О" соотношение между ошибочными и правильными суждениями прямо противоположное.

4) Очень важны, наконец, **временные** соотношения суждения. Здесь скрещиваются объективные условия раздражения с субъективным фактором: периодическим подъемом и спадом психической энергии. Так как нашим испытуемым была предоставлена возможность самим выбрать момент, в который они должны были движением засвидетельствовать завершение их суждения, то не удивительно, что это действие большей частью зависело от кульминации в процессе внимания. И действительно, так и оказалось, что в реакциях одни значения времени встречались необычайно часто, а другие — очень редко. Первое оптимальное время для суждения - около 4 секунд, второе - около 8 секунд; время в 12 и 16 секунд также показывает еще заметные, хотя и небольшие кульминации.

Если проверить теперь **распределение** полученных значений времени (без учета различия скоростей)⁵⁸, то "С" проявляет большую концентрацию в преимущественном большинстве результатов на коротком интервале - от 2 до 5 секунд, зато "О", напротив, демонстрирует гораздо больший разброс времени. Истолкование: у "С" наступающий в определенный момент прорыв в психической деятельности заставляет отступить полностью на задний план объективные различия материала ощущений, которыми собственно он должен заниматься. Его реакции обусловлены возникшей в нем самой готовностью для этого, причем остаются совершенно одинаковыми в случаях и медленных и быстрых изменений, о которых надо высказывать суждения. **Не он владеет предметом, а им владеет его собственное субъективное состояние.** "О", правда, также показывает преобладание первого, оптимального, времени, но тенденция реагирования здесь не всевластна. Различие видов поведения гораздо явственнее выступает при разнообразии стимульных материалов, требующих оценки.

Возможно была бы оправданной организация психофизических исследований, имеющих заранее направленную на названные различия в предрасположении установку. Прежде всего, надо было бы испытать большое количество лиц для выяснения того, идет ли речь действительно о ясно различимых типах или о лишь постепенной градации поведения, максимум частоты которого находится в средней области.

И в многочисленных, подобных вышеописанным, исследованиях о внушаемости при восприятии органами чувств⁵⁹ еще. насколько мне известно, не выяснено, какой характер - постепенный или истинно типичный - имеют существенные различия между сильно внушаемыми (субъективными) и слабо внушаемыми (объективными) индивидами.

С. Зато о другой, тоже родственной области результатов — **распознавании кратко экспонируемых раздражителей** - где была сделана попытка экспериментального доказательства существования объективного и субъективного типов, можно узнать, правда, не без сомнений.

Мессмер⁶⁰ поставил опыты по чтению осмысленных слов, предъявляемых при помощи тахистоскопа. Слова из 4—5 слогов экспонировались такое короткое время, что при первом предъявлении они не могли быть прочитаны; демонстрацию с одинаковой длительностью экспозиции повторяли до тех пор, пока все слова не были прочитаны правильно. Мессмер считает, что нашел у взрослых два типа, различающихся как состоянием внимания так и объективной верностью чтений. **Объективный тип** проявляет "фиксирующее внимание"; т. е., при каждом чтении его внимание сконцентрировано только на маленькой области впечатления, дабы тем самым суметь его интенсивнее уловить. **Субъективный тип**, напротив, "колеблется":

его внимание быстро переключается, чтобы сразу захватить возможно бблыпий комплекс впечатлений. Далее, **объективный тип** направлен вовне - его "психическая энергия как будто бы поглощается объектом раздражения". Поэтому редко имеет место простое решение; и даже если оно возникает, испытуемый способен все же различать ясное впечатление и субъективное добавление. Представитель **субъективного типа** пытается, напротив, с самого начала уловить то, что надо прочесть, как осмысленное целое, получая при этом часто слова очень непохожие на действительное раздражение. Он обращает меньше внимания на качество самого раздражения, а тотчас же связывает лишь приблизительно им увиденное со словом из словарного запаса, которым он располагает, при этом субъективное добавление большей частью не распознается как таковое.

Так как и Мессмер работал **лишь с очень небольшим количеством людей**, из которых двое к тому же **при более позднем повторном испытании Шуманом** проявили несколько **отклоняющееся** поведение, то представленная им **типика не может еще считаться доказанной**⁶¹. **Но все же описанные Мессмером типы так удивительно согласуются с характеристиками объективного и субъективного типов, полученными применительно совсем к другим областям психических функций, что этим его установки, по крайней мере гипотетически, подтверждаются.**

Д. Наконец, Пфейффер применил субъективно-объективную антитипику и для области направлений интересов детей⁶². Он просил своих учениц (которым он 3 года преподавал) многократно называть свои любимые стихотворения, книги и учебные предметы. Каждый названный предмет оценивали как "объективный" или "субъективный" и по превалированию тех или иных предметов, названных ребенком, определяли тип его интересов. Оказалось, что кроме выраженных типов встречались и смешанные (называемые, в зависимости от преимущественной направленности, объективно-субъективными или субъективно-объективными).

Метод сам по себе в какой-то степени был произвольным, но то, что от него, однако, не надо полностью отказываться, показывают обнаруженные Пфейффером **корреляции** между типом интересов и объективно-субъективным поведением в других областях оценки. Пфейффер предпринял исследования интересов тех школьниц, которые были одновременно его испытуемыми и в других опытах. Таким образом удалось установить одинаково сильное **совпадение типа интересов и типа представлений** по отношению и к субъективности и к объективности; в более чем 4/5 всех случаев, испытуемые относились по обоим функциям к одному типу.

Дальнейшее изучение типики оценки **должно** будет **поставить** перед **собой** следующие задачи.

1) Необходимо проверить возможно более различные области, в которых можно количественно измерить отношение субъекта к объекту:

a) ясно ли проявляются различия в степени субъективности или объективности оценки;

h) в каких различных симптомах в одной области результатов они проявляются;

с) имеет ли их изменчивость лишь постепенный или истинно типичный характер.

2) При помощи проверки данных, полученных в различных областях на одних и тех же лицах, дополнив их результатами подсчетов корреляций, необходимо исследовать, имеется ли здесь и в каком объеме "гомогенная комплексная типика", т. е., распределяется ли равномерно показанная субъективность (или объективность) по различным психическим сферам: реакция, чувственные оценки, процессы познания, направления интересов, представления и др. Как раз здесь следует остерегаться, чтобы а priori не расширять область субъективного и объективного типов.

3) Надо исследовать, имеют ли значение подтипы субъективного и объективного типов, сформулированные выше, для деятельности представлений, а также и для других областей функций.

4) Наконец, можно было бы обсудить вопрос, как относятся типика отношения к типам темперамента (особенно к установленным Хеймансом противоположностям основных свойств активности — неактивности; эмоционального — неэмоционального).

Глава XV ПОСТЕПЕННЫЕ ВАРИАЦИИ

ЗНАЧЕНИЕ ПОСТЕПЕННОГО ВАРИИРОВАНИЯ

Количественные вариации отличий человека от человека могут быть выражены в трех формах. Первая и самая простая - это исследование **сравнительных степеней** для двух индивидов: *A* умнее, чем *B*. Вторая - это использование сравнительных степеней для целого ряда индивидов и возникающая на этой основе возможность установления ранговой последовательности: *A* занимает первое место, *B* — второе, *C* — третье и т.д. Наконец, высшая форма - это измерение каждого отдельного случая, когда становится возможным не только выявление рангового порядка, но и установление дистанции для каждых двух следующих друг за другом случаев.

Все три формы мы находим в практике культурной жизни: ежедневно предпринимаются тысячекратные попарные оценки степеней и сравнения человеческих достижений и свойств; на ранговых порядках построено все наше школьное дело; данные измерений используются также при количественных оценках свидетельских показаний, при подсчете пунктов в состязаниях и измерениях времени в соревнованиях на бегах. Но практика культуры должна была преодолевать возникающие затруднения при помощи собственных точек зрения *ad hoc* (для данного случая), как бы хорошо или плохо это ей не удавалось; при этом отсутствовало ясное осознание того, **что** собственно сравнивают, ранжируют и чего не хватает, и того, **как** это делать, и таким образом научное самосознание должно было параллельно с решением своих чисто теоретических задач создавать, как самое важное, прикладную дисциплину. При этом вся полнота трудностей обнаруживается уже на примере простейшей задачи - попарного сравнения степеней.

Сначала мы должны (также как при рассмотрении типов) разграничить феноменологическое и предрасполагающее основания для установления ранговой последовательности.

Первый случай относительно ясен. Для каждого отдельного поведенческого акта, у которого абстрактно может быть выделена количественная сторона, возможно указать степень ее выраженности в конкретном случае: сильнее ли она у *A* или у *B*. Например, при решении определенных задач на вычисление *A* делает больше ошибок, чем *B*; усвоение заданного материала у *C* происходит быстрее, чем у *D*; при ответах на наводящие вопросы *E* чаще поддается внушению, чем *F* *та.* т.д. Все точные методы измерения современной психологии применимы, таким образом, для феноменологического сравнения степеней различия одного человека с другим.

Проблема, однако, усложняется в тот момент, когда степени результатов достижений сравниваются не ради них самих, а используются в качестве симптомов для выявления **степени различия предрасположенностей**. Более быстрое обучение интересует только как признак лучшей памяти; более верное комбинирование - как критерий более высокого интеллекта. Какое же отношение к предрасположению имеет такое сообщение о степени?

Мы ранее выделили две формы предрасположения: задатки и свойства. Задатки - это предрасположения к будущим развитиям; свойства - это предрасположения к актуальным видам поведения. Правда, предрасположение никогда не является только задатком, или только свойством; оба вида целеустремленности всегда объединены, однако, сочетание их может быть очень различным. На уровне теоретической разработки вопросов важно провести это разграничение и для проблемы данных о степени. Если рассматривают предрасположение как свойство, то его степень - это устанавливаемая сейчас высота его работоспособности. Если же его рассматривают как задаток, то его степень измерима только по уровню того, чем бы он возможно мог стать однажды, если внутренние условия развития и внешние (упражнения, содействия окружающей среды и т.д.), насколько только можно представить, полным образом этому способствуют. Отсюда понятно, что показатель степени для задатка как такового не может существовать. Также и свойство, даже имеющее вид устойчивого, обладает возможностями для своего будущего развития и еще не осуществлено во всех своих частичных функциях, не доведено до собственной вершины максимального упражнения. Следовательно, степень содержащегося в ней "задатка" не может быть актуально определена.

Поэтому понятие "степень предрасположения" непосредственный смысл может иметь только в том случае, если оно относится к действительно доказуемому сейчас уровню результата, т.е., предрасположению как свойству. И только со временем косвенно можно на этом пути прийти к тому, что определять степень предрасположения в той мере, в какой оно является задатком. Последовательно изучив у одного индивида степени, в которых в различные периоды выступает какое-либо свойство, мы сможем **прогнозировать** возникновение будущих более высоких степеней свойств у других индивидов. Так, например, этот метод можно будет применить при исследовании проблем, связанных с детской сверходаренностью.

Последующее обсуждение относится только к степени актуально проявляемых свойств.

Когда мы говорим, что *A* обладает каким-то свойством в большей степени, чем *B*, то мыслим свойство как некое единство, а значит - телеологически. Только единство цели, на достижение которой свойство установлено, делает его единством. Следовательно, более высокий интеллект означает — лучшую способность приспособления мышления к новым условиям существования и требованиям бытия; более сильная память — лучшую способность к распоряжению ранее приобретенным опытом; более высокая музыкальная одаренность - лучшую способность к созданию объективных ценностей в области музыки. Поэтому степень представляет здесь большее или меньшее приближение к идеалу предрасположения, мыслимого как совершенство, а значит и оценку (причем, естественно, идеал может быть как положительным, так и отрицательным). Соответственно, и применение степени предрасположения в практической жизни всегда включает оценку.

Научная психология не сможет теперь обойтись без применения методики градуирования (хотя пока в этой области идет только подготовка к разработке шкал существенно иного уровня точности). В первую очередь она может быть применена к **оценке суммарного впечатления**, вызванного свойством *X*, подлежащим изучению. При этом, анализ используется здесь лишь для того, чтобы исключить те свойства *X*, которые не включены в задачу исследования.

Так, например, при корреляционных исследованиях часто оказывалось желательным, чтобы учитель провел оценку интеллекта учеников своего класса и представил данные в

виде рангового ряда. При этом необходимо было потребовать, чтобы свойства, не составляющие предмет изучения (такие, как прилежание, особая одаренность и т.д.), не принимались во внимание; одновременно, нельзя было позволить определять по отдельности частичные функции, составляющие сами интеллект, так как и то, и другое влияло бы на суммарную оценку.

К прочим присоединяется и та трудность, что проводящий оценку не всегда может осознавать отдельные впечатления, определяющие его конечное суждение. Следовательно, метод сильно зависит от субъективных и неконтролируемых моментов, он не может быть повторен или проверен с другими испытуемыми в сопоставимых условиях.

Поэтому наука должна проблему измерения показателей степеней предрасположения основывать **на отдельно проводимом анализе и изучении выделенных частичных функций, составляющих предрасположение**. При этом выражение "предрасположение имеет у A более высокую степень, чем у B " может иметь два значения:

первое - все непосредственно измеряемые частичные функции имеют у A более высокую степень, чем у B ; второе - A имеет те же самые частичные функции, что и B (той же или более высокой степени), но у него представлено на одну частичную функцию больше.

Фраза " A музыкальнее, чем B " означает, следовательно, различие в **силе** предрасположения, если имеют в виду, что A лучше, чем B запоминает тоны, интервалы мелодии и гармонии, лучше различает и воспроизводит их, лучше играет по слуху и способнее к овладению техникой исполнения. Однако та же фраза означает различие **зоны** предрасположения, если имеют в виду, что у A все вышеназванное представлено так же хорошо, как и у B (или лучше, чем B), но кроме того он еще сам может сочинять музыку (чего B делать не в состоянии).

Следует добавить, что чисто количественным является лишь первое из названных различий; но расширение области предрасположения всегда приносит качественно новый элемент и придает, тем самым, общей структуре предрасположения другое качество; тогда, продолжая наши примеры, музыкально продуктивный не только музыкальнее, чем просто воспринимающий или воспроизводящий, но также музыкальнее, чем этот последний, и в **другом** роде.

Однако в жизни случаи повышения и расширения областей предрасположения не существуют в чистом виде только что описанной нами конструкции; это только пограничные случаи. На самом же деле, никогда бблыпая сила какого-либо свойства не распространяется внутри индивида на все частичные способности; скорее - вопреки всей корреляции — степени вариативности частичных функций неодинаковы. Значит, "более интеллигентный" A интеллигентнее не относительно каждой психической частичной функции, чем "менее интеллигентный" B , а есть отдельные достижения, в ббль-шей части которых B равен A или его превосходит. И точно так же может обстоять дело при различиях зоны предрасположения: действительно, A имеет на одну частичную способность больше, чем B , но B в некоторых частичных функциях, общих для обоих, может достигать большего, чем A (например, Боклин делал такие грубые ошибки в живописи, каких никогда не позволили бы себе большинство заурядных художников).

Так с виду простое различие в степени предрасположенности между A и B распадается на хаос разнонаправленных различий: A превосходит B в ряде частичных способностей общего предрасположения, в других - равен, а в целом ряде иных - уступает; некоторые его предрасположения вообще могут не иметь характера сравнимости по степени качества. Но то, что выявленные степени частичных функций, как принадлежащие A , так и принадлежащие B , действительно воссоединены в картине целостной структуры, означает - общие предрасположения у обоих различны качественно, а не количественно.

Конечно, для психологического исследования довольно ценно то, что различие предрасположений между *A* и *B* можно разложить при помощи тщательного анализа на сумму частичных различий, неодинаковых по величине показателей степени и направленности. Но еще более значима открывающаяся при этом возможность сравнения всех предрасположений в их целостности и разработки на этом основании ранговых шкал, описывающих индивидов. Для того чтобы теперь из степеней, характеризующих выраженность отдельных предрасположений, вывести результирующую общую степень, требуется оценка **относительного веса**, который приходится внутри структуры общего предрасположения на долю каждого частичного предрасположения. При этом, правда, надо постоянно помнить, что момент оценки сообщает градуировке известную долю произвольности.

При выведении общей степени принимают во внимание определенные точки зрения. Считается, что общее предрасположение у *L* надо градуировать выше, чем у *B*, если:

— превосходящее множество частичных предрасположений у *A* сильнее, и только разбросанные и изолированные отдельные способности менее сильно выражены, чем у *B*;

— у *A* выраженное сильнее частичное предрасположение (или группа их) стоит телеологически выше, чем менее выраженное предрасположение (или группа их) у *B*;

— сильнее выраженное у *L* частичное предрасположение (или группа их) одновременно имеет значение редкости, в то время как у *B* слабее выраженная их группа встречается чаще.

Три точки зрения не всегда одинаково применимы; между ними иногда даже может возникнуть конфликт. Первая точка зрения, например, предполагает, что отдельные частичные функции примерно равны по своему значению, и поэтому именно множественность значений определяет общую степень. Напротив, оба других критерия приписывают совершенно особый вес отдельной частичной функции и возможность компенсации или сверхкомпенсации на основе этого превосходства имеющейся слабости и недостаточности многих других частичных предрасположений. Выбор точки зрения полностью зависит от специфики проблемы, но в каждом конкретном случае необходимо ясно изложить избранную точку зрения и последовательно ее проводить. Например, при обычных измерениях интеллекта должен быть преобладающим первый критерий (именно эта точка зрения была избрана Бине как обоснование применяемой им системы измерения). Определение степени художественной или научной одаренности лучше проводить, обсуждая и учитывая две другие точки зрения. Способность, в которой Боклин отставал от других — способность правильного рисования — является, по существу, воспроизводящей и присуща многим людям; способность, в которой он превосходил других — красочность внутреннего видения и творческая фантазия, продуктивность в создании таких художественных ценностей, возможность существования которых до него и не подозревалась, — это очень редкие способности. Поэтому всю степень его художественной одаренности мы должны определять, исходя из этой сверхценности, а не из одновременно присущей ему недостаточности.

2. ИЗМЕРЕНИЕ СТЕПЕНИ ВАРИАЦИЙ

Определение феноменологической степени для какой-нибудь области достижений не требует дальнейшего обсуждения, так как здесь (как уже было упомянуто) применяются давно известные в психологических массовых исследованиях методы измерения.

Зато следует подробно обсудить, как может быть определена в каждом конкретном случае степень предрасположения (смысловую нагрузку ее как понятия мы только что обсудили). При этом речь пойдет только о некоторых дополнениях к мыслям, изложенным ранее в главе IV.

Там уже критиковалось стремление видеть в отдельном методе тестов измерение степени свойства; последние обсуждения делают еще более обоснованными эти критические замечания. Поэтому для исследований по измерению показателей градуировки емких комплексов предрасположений мы должны требовать создания многосторонних серий тестов, способных перерабатывать результаты частичных измерений для установления **результатирующего значения**.

Какие правила измерения надо применять при этом получении результата?

Сначала интересно проследить, как, отвечая на запрос практики, складывается культура метода результирующего значения наряду с методом использования отдельного теста и отдельного результата.

Самый характерный пример это установление степени способностей учеников по определенному предмету¹.

Раньше большое значение придавали изолированным выборочным пробам (контрольным работам), которые должны были выявить степень способностей и обосновать отметку и перевод. Большинство школьных и государственных испытаний подобным образом решают вопрос: степень общей способности должна быть определена по более или менее узко ограниченному отдельному результату. Между тем в последнее время - не без влияния достижений психологии - можно отметить изменение воззрений. Все больше начинают понимать, что одиночное достижение никогда не может быть однозначным средством проверки общей степени одаренности, так как не только ситуативные причины (возбуждение, утомление), но также и ограниченность, необходимая при исследовании, представленных психических функций сильно понижает их симптоматическое значение. Теперь все чаще пытаются на первый план вывести общие значения результатов.

Учитель в течение учебного года в ходе постоянного наблюдения может изучить работоспособность школьников в любой деятельности; из этого он должен сделать вывод и вывести общую оценку. Однако во избежание произвольности и исключения вероятности, что конечное суждение будет основываться на особенно ярких (и потому больше других запомнившихся) отдельных достижениях, часто переходили от простой **оценки** результатов к **подсчету** результатов. Так, все устные достижения школьника каждый раз отмечаются оценкой и из них выводят среднюю за семестр; подобно этому, письменные работы оцениваются по числу ошибок или отметкам и, в конечном счете, получают результирующее число, кристаллизующее в себе общее состояние успехов ученика. Метод очень примитивен и может иметь действительную значимость только тогда, когда в него включается интуитивная оценка учителя. Но сама выраженность здесь результирующего принципа заслуживает внимания.

Похожим методом является система пунктирования, применяемая при соревнованиях. Если здесь речь идет о чисто количественных достижениях (например, скорости при гребле, верховой езде, автогонках), то достаточно единственного теста с его однонаправленным измерением. Но если речь идет о качественных достижениях (например, фигурное плавание, бег на коньках, атлетика и т.д.), то каждое определенное достижение оценивается по своему качеству, получает конкретное число очков, а затем эти очки суммируются для получения общей оценки.

В научно-психологических исследованиях по измерению степени результирующий метод до недавнего времени вообще не применялся; и только Бине своими исследованиями интеллекта проложил здесь новый путь. Бине пытается подсчитать результирующее значение всех итогов тестов для каждого исследованного ребенка, которое должно выразить "интеллектуальный возраст" ребенка и быть сопоставлено с действительным возрастом. Метод Бине послужит нам примером в дальнейших методических обсуждениях.

Первая трудность результативного метода заключается в том, что компоненты, составляющие результат, оказываются **неоднородными**. Ведь речь идет не о том, чтобы из многократно повторяемых достижений одного определенного вида вывести среднее значение, а о том, чтобы спрессовать показатели **различных** частичных функций, относящиеся к общему предрасположению, в тотальное значение. При этом, по сути дела, имеется известная насильственность; наша задача — попробовать свести ее к минимуму. Для этого нужно найти золотую середину между слишком большой неоднородностью и слишком большой однородностью компонентов.

При слишком большой однородности выявляется не общее предрасположение, а только одна из его сторон. Если, например, при изучении интеллекта применяют серию из десяти тестов, требующих - при всем своем различии - все же комбинированной деятельности, то значение результата является максимально таковым для комбинационной деятельности, но не для интеллекта, так как последний участвует в самых разных формах достижений, а не только в комбинировании. Следовательно, сама множественность тестов еще не делает испытание многосторонним.

Слишком большая неоднородность - фактор, также запрещающий объединение результатов. Если к нескольким тестам, предназначенным для изучения воспринимающей и воспроизводящей сторон дарования, присоединяют один, изучающий собственно творческий успех, то недопустимо к подсчету внутри полученных результатов, присоединить как выявленное при этом общее значение, так и конкретное частичное. Но и в случае, когда результат, обладающий более высоким значением суммируется с каким-либо стереотипным значением показателей, мы опять оказываемся в плену произвольности. Следовательно, можно сформулировать требование, что отдельные достижения, результат которых рассматривается, при всех своих различиях относительно общего предрасположения должны иметь значения одного порядка.

Сомнения по поводу того, достаточно ли отвечают этому требованию серии Бине, предлагаемые для отдельных возрастных ступеней, можно разрешить на примере следующих сопоставлений.

Для 9-летних детей: сообщение даты текущего дня; перечисление дней недели; расположение пяти объектов, одинаково выглядящих, но имеющих различный вес, по порядку;

трата денег; определение конкретного (фиксируется выход за пределы простого сообщения о цели); воспоминание о прочитанном (в форме отдельных воспоминаний).

Для 10-летних детей: перечисление месяцев; знание всех монет; составление одной фразы (или максимум двух фраз) из трех даваемых слов; три более легких и пять более трудных вопросов на проявление интеллекта.

Для 11-летних детей: критика абсурдных фраз; образование одной-единственной фразы из трех данных слов; нахождение за три минуты не менее 60 слов; определение абстрактных понятий; составление одной фразы из беспорядочно разбросанных слов.

Необходимо сохранять еще и причинную однородность, а как раз этот фактор и не учитывался при практическом подсчете результатов школьных и экзаменационных испытаний. Школа оценивает каждое отдельное достижение по предмету на основании внешней правильности или ошибочности и из этого образует результирующие данные. Этот общий результат не имеет, однако, никакого внутреннего смысла, так как степени отдельных достижений в действительности определялись многочисленными причинами, часто не сопоставимыми друг с другом и по отдельности не контролируемые (выше некоторые из них уже были названы). Внутреннее качество предрасположения ученика, естественно, также заключено в этом результате, но именно как та частичная причина,

степень влияния которой неопределима. Научный подсчет результата должен, напротив, как раз эту частичную причину строго выделить. **Судя по этому, компоненты надо выбирать так, чтобы каждый раз желаемая степень действительно определялась в первую очередь силой предрасположения, а не другими факторами.**

Бине потратил много усилий, чтобы исключить все те результаты, которые приобретают свою форму из-за внешних условий (таких, как возможность учиться, домашнее влияние и т.д.), и использовать только такие, в которых внутренние духовные задатки выражены непосредственно. Правда, это ему полностью не удалось, так как ответы на его задания требуют знаний, представляющих собой ряд чисто механически усваиваемых содержаний (таких, как названия месяцев или монет).

Определение результирующего значения для каждого индивида возможно тремя различными путями **подсчета.**

Количественный итог. Отдельные задачи таковы, что в отношении их решения возможен ответ или только "да", или только "нет", никакой градации не предусмотрено (альтернативные тесты). Из суммы количества положительных и отрицательных случаев образуется результат.

Так поступает Бине; его метод при этом сильно работает по общепринятым правилам. Каждого ребенка он проверяет не только серией тестов для его возраста, но и тестами для близких возрастов. Каждая решенная задача обозначается плюсом (+), каждая нерешенная -минусом (-). Если ребенок справился со всеми задачами, которые положено решать в данном возрасте (при этом допускается исключение), то он, по крайней мере, находится на уровне интеллекта этого возраста; каждое решение еще пяти задач высоких возрастных ступеней означает опережение интеллектуального развития еще на год (т.е. 7-летний ребенок, решающий кроме тестов для 7-летнего еще десять задач для более высоких возрастных ступеней, стоит на ступени интеллекта 9-летнего). Оправдание этих правил заключается в опыте: многочисленными пробами Бине установил, что данные, полученные в результате предлагаемого им расчета, в общем и целом хорошо согласуются с оценками интеллекта детей, которые дают учителя на основании своих длительных наблюдений.

Такой контроль не научным, а практическим опытом пока неизбежен; но по мере накопления материалов исследований с применением точных методов, он должен будет отступить. Кроме того, остается желательным, чтобы для подсчета итогового значения были бы найдены более простые и менее произвольные виды метода.

Итоговые данные измерений. Решение отдельной задачи может происходить различными путями. Например, все количественные показатели, полученные индивидом, объединяются в полную сумму (метод очков при состязаниях), или из них образуют общее среднее (итоговая оценка в школьном свидетельстве). При научном применении метода следует, конечно, позаботиться о том, чтобы системы измерений любых результатов имели равный смысл и были сведены к сопоставимым единицам.

Уислер подверг своих испытуемых ряду тестовых испытаний, одновременно классифицируя их по успеваемости в школе. Потом он объединил отметки каждого индивида с полученным итоговым значением и на основе результирующих данных были образованы 11 ступеней. Похожим образом поступал Пфейффер с отметками своих испытуемых.

Итоговый ранг. И здесь успехи по решению каждой из задач должны поэтапно оцениваться. Затем индивидам, на основании выведенных оценок, присваивают определенный ранг и выстраивают их в ранговом порядке. Так для каждого индивида в целом оказывается ровно столько ранговых мест, на основании какого количества достижений (или их сторон) его проверяли. Если теперь из ранговых мест

каждого индивида образуют сумму, то возникает новый ряд показателей, по которым индивидов можно расположить уже в "итоговом" ранговом порядке. Место, которое получает теперь каждый индивид - это его итоговый ранг.

Этот метод многократно применяли Крюгер и Спирмен. Они, например, проверяли способность своих испытуемых к сложению и измеряли скорость и правильность вычислений. Из двух рядов измерений были образованы ранговые ряды, которые затем (по изложенному выше методу) комбинировали в общий ранговый ряд.

Особое значение итоговых ранговых данных для симптоматологических целей уже было коротко упомянуто и будет подробно изложено в конце XVIII главы.

Глава XVII

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ (ИЗМЕНЧИВОСТЬ)

Под **вариабельностью** (*Variabilitat* — *Vb*) признака мы понимаем степень многообразия вариантов, в которых он встречается. Изменчивость признака может быть исследована как в целом для выборки, так и для какой-либо ее части или группы (например, для женского пола, народа, сословия).

Изменчивость признака отчасти зависит от условий, которые могут быть изучены изолированно, независимо от изменения признака. Однако, поскольку стоит задача рассмотрения вариабельности признака в связи с меняющимися условиями, то мы говорим о его **ковариабельности** (*Konvariabilitat* - *Cvb*). Способность условий определять варианты в проявлении признака называется **вариативностью** — (*Variativitat* — *Vt*).

Если признак изменяется сам по себе, можно говорить об **изменении вариации** или о вариабельности (*Vb*) второго порядка; соответственно, имеется, при определенном вызывающем его условии, вариативность (*Vt*) второго порядка. Направление изменения вариации является положительным, если степень *Vb* растет; в этом случае мы говорим о прогрессирующей дифференциации признака. Соответственно, направление изменения вариации отрицательно, если степень *Vb* уменьшается; здесь речь идет о прогрессирующей стандартизации признака.

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СРАВНЕНИЕ ИЗМЕНЧИВОСТИ

Изменчивость признака фиксируется, прежде всего, в количестве типов или ступеней, в которых появляются его варианты. Если один признак встречается только в трех типах, а другой - в четырех, то изменчивость первого "беднее", а второго - "богаче". То же самое имеет место, когда из двух ранговых порядков равного числа лиц и равного числа измерений, первый ряд делится только на десять ступеней, а второй - на двадцать. Однако это определение вариабельности, скорее всего, не имеет какого-либо научного значения и, насколько мне известно, до сих пор еще не использовалось.

Гораздо важнее определение изменчивости по расстоянию между вариантами. В зависимости от более концентрированного (плотного) или более широкого рассеивания вариантов вокруг среднего значения можно выделять "более слабую" или "более сильную" вариабельность: строго говоря, только к ней мы и относим выражение "степень вариабельности", которая может измеряться в виде различных показателей.

Удобнее и легче всего достигается определение верхней и нижней границ вариантов (например: "результаты школьников колебались от 3 до 17 ошибок"). Но этот показатель

чрезвычайно груб, так как подобные крайние варианты обусловлены совершенно случайными и единичными причинами; расположение же основной массы вариантов при этом оказывается невыявляемым.

Мы должны использовать такие показатели, которые фиксируют отдельные варианты со всеми их отклонениями. Дункер в качестве такого показателя вычисляет корни из среднеквадратичного отклонения; Гальтон - "вероятностное отклонение", составляющее две трети значения, получаемого Дункером. Этим же целям может служить и мера точности Гаусса, вычисление которой, однако, является очень сложным, да и применяется она только для кривых распределения Гаусса.

Для наших же целей, пожалуй, удобнее всего будет вычисление **среднего отклонения**, причем, большей частью в его относительной форме (V), являющейся достаточной и удобно вычисляемой мерой вариабельности для ряда данных; она дает им **внутренний показатель рассеивания единичного ряда данных**.

Вместе с тем, нам необходима также (в силу ниже рассматриваемых причин) и мера вычисления вариабельности, имеющейся между несколькими полными рядами или группами данных, т.е. использующаяся для выявления их внешнего рассеивания. При этом единичный ряд представлен своим средним значением m . Отклонение этих m друг от друга, полученное по аналогии с уже приводимыми формулами, дает значение относительной вариабельности (Vm) или наружного показателя рассеивания ряда.

При вычислении наружного рассеивания придется, однако, часто иметь дело только с расстоянием между двумя средними значениями и тогда расчеты упрощаются. Иногда, бывает достаточно определить даже простую разность средних значений $m_2 -$

³ Более точным, чем это значение, является предложенное Липманом [48] центральное значение разностей. Вычисляют разности между каждым значением одного ряда и значением, стоящим на соответствующем r ранговом месте второго ряда, и уже **их** выстраивают в ранговый ряд. Тогда значение, стоящее на среднем ранговом месте (по знаку и величине), представляет существующее вообще различие между двумя рядами. Метод специально рекомендуется для выборки с большим рассеиванием или небольшой разностью.

Степень вариабельности является в настоящее время очень интересным и перспективным, хотя до сих пор еще пока и не использованным, показателем для сравнительных исследований. Мы слишком были приучены общей психологией рассматривать разброс данных только как неприятный признак неточности среднего значения;

теперь же оказывается, что он является особой проблемой, совершенно равноценной по значению показателю среднего значения. Анализ уже опубликованных исследований свидетельствует о наличии в них латентно скрытых многочисленных значений варибельности, которые, однако, еще могут быть вычислены дополнительно путем специальных расчетов. Используемые нами примеры получены, отчасти, именно таким путем.

Из-за относительности значения V мы в состоянии сравнивать между собой варибельность различных признаков (несмотря при этом на различные средние значения) в той мере, в какой подлежит сравнению единица измерения, применяемая в обоих случаях. Так, например, при использовании общей единицы измерения - процента ошибок - можно сопоставить результаты учеников в школьном классе как при решении задач на вычисление, так при написании ими диктантов и переводов; три полученных значения V в этом случае показывают, в какой из трех форм результатов отмечаются наибольшие различия между учениками.

Экспериментальный пример. Орн [442] провел опыты по обучению 10 лиц: в первом случае - с использованием лишенных смысла слогов, во втором - осмысленного материала (цифр). Психологическая структура работы в обоих случаях сильно различалась. Проведенные мною вычисления, представленные в табл. 9, показывают, что осмысленное заучивание требовало меньше времени, но, в то же время, несмотря на эту очевидно большую легкость задачи, обнаружился значительно больший разброс данных, характеризующих длительность заучивания.

Такого рода сравнения V_b , безусловно, допустимы только в том случае, если все остальные условия исследования (за исключением искомого показателя) максимально однородны; поэтому вряд ли когда-либо будет возможно отказаться от проведения исследования на одной и той же выборке. Если, однако, это невозможно по соображениям для значительного числа данных, то в зависимости от обстоятельств вполне допустимо представить эти результаты в виде ранжированного ряда, упорядоченного по их варибельности. Конечно, надежность такого рангового распределения необходимо было бы тогда проверить с помощью соответствующих исследований на другой выборке.

2. ИДЕЯ ОБЩЕЙ ШКАЛЫ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ

Сведения о V_b различных признаков можно расширить проведением повторного исследования в измененных условиях. В соответствии с приведенным примером можно провести сравнение результатов заучивания бессмысленных и осмысленных данных на материале другого типа. Если и тогда снова окажется, что длительность заучивания бессмысленных стимулов разными лицами имеет меньший разброс, чем осмысленных, то вполне обоснован вывод, что заучивание осмысленного материала - это в **общем** гораздо сильнее варьирующая деятельность, чем чисто механическое заучивание. "

Другие методы (особенно обсуждаемый ниже метод измерения ковариации) могут в этом смысле оказаться высоко соотносимыми; и, соответственно, также можно предположить, что в будущем анализ **общей варибельности психического признака и общего отношения варибельности нескольких психических признаков** между собой, будет расширен.

Понятие общей варибельности открывает большие перспективы для психологических исследований, поскольку оно предполагает новые принципы распределения психологических предрасположений. В самом низу находятся относительно неизменные качества; они образуют слабо дифференцированное плато для людей самых различных характеристик. Эти качества остаются с изменением времени довольно постоянными, не очень сильно поддаваясь влиянию внешних воздействий. Рядом с ними -

предрасположения с большим показателем разброса, и так до тех пор, пока мы не доходим до качеств, которые больше всего варьируют как от индивида к индивиду и от группы к группе, так и в самом индивиде от одного его состояния к другому и в наибольшей степени подвержены влияниям среды.

Необходимо также обращать внимание на связь общей степени вариабельности с другими свойствами исследуемых функций. Так, она находится в тесном соотношении со структурной сложностью психического признака. Функции более сложного состава являются также и сильнее варьирующими, а более простые по составу - одновременно и более однообразными при межиндивидуальном сравнении. Это соотношение, подчеркнутое уже Бине и Анри, показывает, что элементарные функции, учитываемые преимущественно общей психологией, имеют гораздо более ограниченное значение для дифференциальной психологии именно из-за их меньшего разброса по сравнению с более сложными функциями.

Подобное отношение существует, предположительно, также и между вариабельностью и результатами развития: чем позже функции появляются в развитии (онтогенетическом и филогенетическом) человека, тем сильнее также и их общая вариабельность.

Очевидно, что таким образом мы приходим к ранговому порядку психических предрасположений, соответствующему оценочным характеристикам "низшие" и "высшие функции", используемым в повседневной жизни. Низшие функции — это те, которые менее вариабельны, более просты и раньше появляются; высшие - более вариабельны, более сложны и позже появляются. Но наше предшествующее рассуждение позволяет нам правильно оценить смысл и допустимость подобной оценки. Каждый индивид — это, одновременно, и представитель рода, и индивидуальность; он должен быть реализуемым в этих двух своих качествах. Этому способствуют, однако, в очень различной мере, предрасположения, имеющиеся, например, у индивида X . Поскольку предрасположения с небольшим показателем разброса относятся к числу тех, которые сближают X со всеми другими индивидами, они представляют, следовательно, в нем нечто, присущее роду в целом. Предрасположения же с высоким показателем разброса - это такие, по которым X обычно резко отличается от других индивидов, и они, следовательно, преимущественно обуславливают проявление его индивидуальности.

Если, соответственно, задачи исследования предполагают выдвижение в центр внимания того общего, что есть в человеке, то мало изменяемые "низшие" функции в этом случае имеют большую ценность, так как только они гарантируют гомогенность и постоянство рода. Если, напротив, центром внимания становится формирование конкретной личности, то большую ценность приобретают более изменяемые функции, как обуславливающие, прежде всего, собственно личностное своеобразие.

3. ИНТЕР- И ИНТРАВАРИАБЕЛЬНОСТЬ

Так как Vb признака может быть исследована как на межиндивидуальном, так и на внутрииндивидуальном уровне, то это дает основания для разнообразных сравнений.

В предшествующем разделе мы уже дали положительный ответ на общий вопрос о существовании аналогии между интра- и интервариабельностью признака. Несомненно, что те признаки, которые у индивида сильно варьируются, дадут и при сравнении индивидов **между собой** большие различия. Например, соответственно тому, как это было установлено применительно к межиндивидуальной Vb , так и у отдельного индивида результаты осмысленной памяти гораздо изменчивее, чем чисто механической.

Но так как аналогия между интра- и интеризменчивостью никогда не будет полной, то возникает вопрос о соотношении каждой из них с одним и тем же признаком. Это отношение выражается "интер-интракоэффициентом" — интер V_u /интра V_b .

Если коэффициент велик, то это означает, что признак относительно постоянен внутри отдельного индивида, но очень различается между многими отдельными индивидами: т.е. он является значимым показателем индивидуальности.

Если, напротив, коэффициент колеблется в зоне показателей, близких к "1", то это свидетельствует о том, что различия между индивидами не намного больше, чем различия обычно встречающиеся внутри одного индивида; следовательно, признак имеет гораздо большее надиндивидуальное (общее), нежели индивидуальное (психографическое) значение.

Насколько мне известно, этот коэффициент был использован до сих пор лишь единственный раз Уэллсом для определения динамики индивидуальных суждений [427]. Он нашел, что этот коэффициент при эстетической оценке цветных художественных открыток больше 2, при оценке различий цветовой гаммы - больше 1 и при оценке, расположения шести различных тяжестей - даже меньше 1; в зависимости от обстоятельств, эти три вида суждений представляют, следовательно, шкалу снижающейся интравариабельности и, соответственно, растущей интервариабельности.

4. КОВАРИАБЕЛЬНОСТЬ (C_{vb})

Понятие ковариации признака с каким-либо показателем следует резко отличать от понятия корреляции (см. главу XVIII). То, что признак находится в корреляции с определенным показателем, т.е. в целом изменяется совместно с ним, является необходимой предпосылкой для вычисления ковариации. Последняя, однако, относится к величине **расстояний**, вызываемых в признаке условием, следовательно, к значению, которое вообще не учитывается при вычислении корреляции.

Простой, в данном случае вымышленный, пример иллюстрирует это различие. Пусть I, II, III, IV - четыре возрастных ступени, разделенные равными расстояниями; испытуемым предлагаются для решения по 2 задачи разного вида (A и B). Числовые величины результатов,

допустим, соответствуют результатам, приведенным в табл. 10. Тогда корреляции результата A и результата B с возрастным уровнем равны (а именно, $r = 1$). Но их

ковариации с возрастом совершенно различны, так как результат B проявляет вдвое более сильную ковариацию, чем результат A .

Для подсчета C_{vb} нет необходимости, чтобы вариативный показатель был измерим; достаточно, чтобы какое-либо различие - качественное или количественное - сохранялось и было положено в основу нескольких вычислений ковариации. Так, например, различие полов или образования может представлять такой вариативный показатель (что будет ниже продемонстрировано на конкретных вычислениях).

Измерение ковариации признака с одним показателем может проводиться внутрииндивидуально или межиндивидуально. Пример для первого случая: допустим, я исследую, насколько сильно или слабо варьируют данные о памяти какого-то X с некоторым изменяющимся показателем, например, с возрастом, разной степенью тренированности или различными установками внимания. Внутренний разброс отдельных значений дает меру ковариации. Если я объединю большое число таким образом полученных данных различных индивидов, то получу среднюю степень ковариации данных о памяти с возрастом (тренированностью, вниманием).

Во втором случае используется внешнее рассеивание. Данные всех индивидов одной степени тренированности (или возраста) выражаются через среднее значение m_1 , другой ступени - через среднее значение m_2 , третьей - m_3 и т.д., и теперь разброс, имеющийся между этими /и/, подсчитывается одним из приведенных выше способов.

Если для нескольких признаков подсчитали их C_{vb} с одним и тем же вариативным показателем, то можно провести сравнения C_{vb} , как мы это уже делали в придуманном нами выше примере; если признаков больше чем два, то удастся составить и шкалу C_{vb} . Когда при сравнении ковариация признака a превосходит ковариацию признака b при очень многих вариативных комплексах показателей, то мы можем говорить о наличии общего свойства признака a .

Пример. В опытах, направленных на изучение высказываний о картинах, к испытуемым обращались как с "внушающими" вопросами, так и с "нормальными" (вопросами без внушения, с небольшой трудностью). На основании опытов Оппенгейм и моих собственных появилась возможность сравнить правильность высказываний при том и другом виде вопросов в различных группах. Оказывается, что почти каждый вариативный показатель при внушаемости заставляет проявлять сильные варианты, при ответах на "нормальные" вопросы - только слабые варианты. В табл. 9 приведены показатели внешнегоразброса данных (средних значений для 2 рядов данных). Среднее значение более слабой группы устанавливается как 100; дроби, следовательно, указывают, насколько более сильная группа превосходит более слабую. Исследуется ковариация с возрастом, полом, видами школ. Ни один из этих показателей не оказывал заметного вариативного воздействия на достоверность при "нормальных" вопросах: лучшие группы всегда отличаются от более слабых только на несколько процентов.

Иная ситуация с достоверностью при "внушающих" вопросах. Здесь различие между обеими группами очень велико. Удивительнее всего влияние возраста: 14-летние подростки превосходят 7-летних в ответах на "нормальные" вопросы только на 7%, а на "внушающие" вопросы - на 63%! Но и остальные различия велики, за исключением представленных в рубрике одаренности.

Следовательно, можно прийти к заключению, что внушаемость сильно реагирует на все показатели, которые вообще влияют на нее в однозначном направлении, **т.е. она обладает сильной общей ковариабельностью**. Напротив, правильность ответов на "нормальные вопросы" - это психическая функция вообще незначительной ковариабельности.

Эта общая ковариабельность представляет собой не что иное как частичное проявление той "общей изменчивости", которую мы выше обсуждали, поскольку не вызывает сомнений, что какое-нибудь психическое предрасположение, само по себе склонное к изменчивости, сильно коварирует и при измененных условиях, и наоборот.

Косвенная (mittelbare) ковариация. Понятие ковариабельности дает нам возможность познакомиться еще с одной группой проблем. Признак достижения "*a*" коварирует с воздействующим на него вариативным показателем в той или иной мере (в итоге обнаруживается упражняемость или растущее утомление, его измеряют при новой формулировке задачи, что приводит к изменению числового значения результата).

Одновременно при этом результат "*b*", не подчиняющийся ранее непосредственно тому вариативному показателю, может также проявить ковариацию той или иной степени. Это является проявлением того, что "*b*" находится с "*a*" во внутренней связи, следствием чего является то, что некоторое влияние условий на "*a*", также влияет и на "*b*". Эти процессы до сих пор изучались как "совмещенное упражнение" и "совмещенное утомление". Теперь мы видим, что оба эти феномена являются только частными явлениями косвенной ковариации, которая может выражаться также и в совершенно других формах.

Выяснилось также, что подобное влияние "*a*" на "*b*" будет тем сильнее, чем теснее связаны друг с другом две совокупности данных. Назовем эту связь "родством" (Verwandschaft), тогда мы можем количественно определить родство полученных данных.

Мы определяем: две совокупности полученных результатов называются родственными, если показатель, приводящий к вариации одного результата, заставляет одновременно меняться и другой - опосредствованно; близость этих результатов измеряется по степени ковариации.

Понятие родства удается таким образом перенести из области результатов на лежащие в их основе предрасположения, что дает возможность получить новое средство распознавания

5. ВАРИАТИВНОСТЬ УСЛОВИЙ (В ОСОБЕННОСТИ УПРАЖНЕНИЯ)

С другой стороны, возникает вопрос: какое значение имеют определенные условия в порождении психических вариантов?

Действие формальных условий — таких как упражнение и привычка, утомление и отдых, легкость и трудность, отвлечение и сосредоточение, временной промежуток, возраст, уровень образования и т.п., - на психические явления было многосторонне исследовано общей психологией. Но их влияние на изменчивость (*Variabilitat* - *Vb*) при этом рассматривалось лишь случайно.

Степень вариативности (*Variativitat* - *Vt*), естественно, измерима только по степени вариабельности (*Vb*), которую она вызывает; таким образом можно исследовать, как влияние отдельного условия, так и сравнивать несколько условий друг с другом.

Так, например, удастся сравнить *Vt* половых различий с видом школы (см. табл. 8). Показано, что в опытах с высказываниями (как при "нормальных", так и при "внушающих" вопросах) различия между народной школой и гимназией давало более сильную вариабельность, чем различия между мальчиками и девочками. К такому же результату относительно "внушающих" вопросов пришел и Липман [711].

Условие *Vt*, измерение которого имеет наибольшее теоретическое и практическое значение - это **упражнение**, поэтому необходимо рассмотреть его в качестве основного примера. При одной и той же форме результата может оказаться необычайно высоким различие между неопытным и максимально тренированным человеком; это имеет значение также и в том случае, если сравнивают две отдельные группы лиц (нетренированных и тренированных), не учитывая эффекта тренировки.

Так как до настоящего времени исследования упражнения почти всегда имели в виду выявление только общих законов и отношений, то абсолютная величина вариаций, получаемых в результате упражнения, до сих пор привлекала меньше внимания. И, тем не менее, все же многие важные вопросы в этой области ожидают своего решения, в том числе и вопрос: в каких областях упражнение может наиболее сильно повлиять на образование вариантов, и какие области, напротив, устойчивы в отношении влияния упражнения (это одна из основных проблем всей педагогики). Другой вопрос: в какой мере влияние упражнения на какую-либо область результатов приводит к ковариации в других, более или менее родственных областях, таких как проблема соупражнения и формального образования⁷ и т.д.

Вариативное воздействие упражнения требует известных теоретических размышлений, относящихся к основам дифференциальной психологии вообще, и, в частности, к учению о **предрасположениях**.

У каждого человека есть узко ограниченная, определяемая профессиональной специализацией область, в которой его успехи имеют высокую (возможно максимальную) степень упражнения; во всех других областях у данного человека влияние упражнения либо отсутствует, либо проявляется в невысокой степени или несистематически. Таким образом, надо и способности какого-либо человека расчленить на две группы:

"естественные" и "максимальные". Естественные проявления поведения в высокой степени характерны для общей картины какого-либо *X*. Некоторые определенные показатели раздражительности органов чувств, результаты интеллектуальной деятельности, так же как и реакции на эстетические впечатления, являются характерными для всей структуры его

жизненных проявлений и составляют его сущность. Тем не менее, было бы неверно безоговорочно соотносить проявления этих естественных способностей только с лежащими в их основе предрасположениями. Так как каждое поведенческое проявление упражняемо (одно больше, другие - меньше), и поскольку даже самое интенсивное упражнение никогда не может дать больше того, что уже имеется в виде потенциальной возможности, то лишь максимальное упражнение полностью раскрывает весь фонд врожденного предрасположения.

Можно предохранить от ошибок установления различий между естественной и максимальной способностью во многих специальных областях. Часто рассматривали естественный вид поведения как исчерпывающее выражение для предрасположения и при этом не замечали, что оно реализует лишь небольшую долю имеющейся способности к созиданию. Чаще всего эта ошибка встречалась — и еще встречается — при определении дифференциальных порогов чувствительности. Склоняются к мнению, что слабая способность немusыкального человека различать высоту звука или равнодушие абстрактного мыслителя к тонким оттенкам красок надо рассматривать только как грубые недостатки их чисто чувственной способности к ощущениям. И лишь доказательство того, что с помощью упражнения эти кажущиеся недостатки могут очень значительно уменьшиться⁸, делает это мнение абсурдным. Природная способность различать и истинная чувствительность органов чувств — это две совершенно различные способности. Но то же самое относится и ко всякой другой области, которая может быть изменена под влиянием упражнения.

Тот факт, что у каждого человека имеющиеся предрасположения развиты только в какой-то доле заложенных в них латентных возможностей, не следует, однако, истолковывать ложно. Только частичное развитие латентных возможностей вовсе не является результатом чистой случайности: это скорее требование экономии сил индивида. Пожалуй, каждое отдельное предрасположение индивида **взятое само по себе**, может быть приведено упражнением к индивидуальному максимуму своего развития, но этого невозможно достичь применительно ко всей совокупности предрасположений: энергия, направленная на максимальное упражнение одного предрасположения, должна быть отнята у других видов деятельности.

Вера во всеислие упражнения, неоднократно высказываемая, в том числе психологами, поэтому ошибочна. Скорее всего для каждого человека необходим **выбор тех** предрасположений, которые он может в себя развить. При этом его выбор определяется не только внешними (педагогическими, социальными) влияниями, но и собственными имманентными тенденциями - склонностями, свойствами характера и темперамента.

Итак, вопреки систематическому продолжению упражнений в самых различных областях оказывается, что каждый человек, наряду с некоторыми проявляемыми максимальными способностями, обладает также широким спектром "естественных" (т.е. не развитых до возможного максимума) способностей.

6. СМЕНА ВАРИАЦИЙ (ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЕ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ)

Так как вариабельность признака может быть выражена одной-единственной величиной, то постоянство или непостоянство этой величины может определяться тогда, когда мы измеряем Vb второго порядка.

⁸ *Даже немusыкальные люди могут быть доведены длительным упражнением до способности распознавать различные высоты звуков, равные лишь долям одного колебания.*

Есть психические свойства, в отношении которых однажды имевшееся различие, воспринимается как своего рода рок, и это при всех социальных и педагогических суждениях и мероприятиях обязательно должно приниматься в расчет; есть другие, в отношении которых первоначальное многообразие вариантов сильно поддается влияниям, — то в смысле возрастающей дифференциации, то в смысле увеличения сходства. С учетом этого для решения как теоретических, так и практических задач может оказаться важным определение направления и степени этой смены вариации.

Если V и V'' — это два подлежащих сравнению значения Vb первого порядка, то имеющаяся между ними Vb второго порядка может быть выражена как **относительное** значение следующей формулой:

$$(V)_2 = (V'' - V') / V'$$

Если знак подобным образом вычисленного результата положителен (или отрицателен), то дифференциация (или стандартизация) произошла в направлении от V к V'' .

Градации психических предрасположений в соответствии с этой их возможностью дифференциации или стандартизации дает очередную новую картину структуры, которая, предположительно, будет характерно отклоняться от значимой для Vb первого порядка, ибо нельзя заранее ожидать, что признак с сильной Vb первого порядка обладает также и сильной Vb второго порядка и наоборот.

Так, например, возможен следующий случай: какой-то признак " a " дважды проверяют на " n " лиц и каждый раз в различных условиях. Если **среднее значение** показателей второго ряда значительно отклоняется от среднего значения показателей первого ряда, то это означает, что признак имеет сильную ковариабельность первого порядка с названным условием. Вопреки этому смещению среднего **относительное распределение** во втором ряду данных может быть очень похоже на найденное в первом: признак тогда имеет очень малую ковариабельность второго порядка с соответствующим условием.

Свое значение изменение вариаций полностью раскрывает лишь в том случае, если рассматриваются **условия**, которыми это изменение вызывается.

Так как вариативность второго порядка до сих пор еще не получила должного научного психологического рассмотрения, то покажем ее суть на ряде примеров, уже имеющих в литературе, но пересчитанных для этой цели.

А. Тенденция уравнивания социализирующих условий

То, что есть формы социальной жизни, которые ведут к оформлению социальных содружеств и к уравниванию членов одного сообщества друг с другом, можно считать общепризнанным. Как можно взяться экспериментально за решение проблемы (хотя и очень ограниченной) показывают работы учителей из Вюрцбурга Майера и Шмидта. Они изучали школьные сообщества; при этом их интересовало не его длительное воздействие на предрасположения учеников, а лишь мгновенное влияние, вызывающее изменение результатов. Поэтому они требовали от какого-то количества школьников определенных достижений в ситуациях: "общая работа" - когда все ученики находились в одном общем помещении, и "индивидуальная работа" - когда каждый ученик работал изолированно¹¹. Параллельно проводившиеся оба вида работы уравнивались по трудности.

¹¹ У Майера индивидуальная работа производилась в классной комнате, в которой находился только экспериментатор, у Шмидта ее задавали на дом. В условиях работы в присутствии группы, естественно, общению между школьниками препятствовали. Надо было исследовать только эффекты присутствия группы и общего рабочего настроения.

Майер, исследуя проведенные таким образом устный и письменный счет, диктант, комбинирование, заучивание бессмысленного ряда слогов, сам подсчитывал для отдельных видов работ "тенденцию" к стандартизации школьного сообщества; однако, поскольку его метод подсчета был ошибочен, я пересчитал его данные в относительные показатели рассеивания¹².

При этом, как свидетельствуют его данные, уравнивающее действие общей работы проявлялось не столь сильно, как предполагал Майер, но все же их наличие несомненно. Данные о времени выполнения работ показывают средний разброс в 15,2% при индивидуальных работах, и 12,3% - при общих. Ошибочность результатов дает нам показатель разброса в первом случае 24,4%, тогда как во втором случае - только 21%. Наконец, Майер объединил время и ошибочность выполнения заданий в "показатель качества"; установлен коэффициент разброса, равный 44% для индивидуальных и 35% для общих работ. *Vb*, таким образом, понизилась на 1/5 своего первоначального значения.

Более детальному знакомству с влиянием условий стандартизации способствовали различные установки для работающих учеников, созданные Майером для отдельных серий опытов. В некоторых сериях инструкция гласила: "Работай быстро и красиво!", в других - "Работай достаточнобыстро!", в третьих - "Работай красиво и медленно!". Эта последняя группа показывает самое сильное изменение вариации между индивидуальной и общей работой; для временных характеристик *Vb* составляла: при индивидуальной работе - 16,5%, при общей - 11%; для числа ошибок: при индивидуальной работе - 29,5%, при общей - 21%; для показателя качества: соответственно 47% и 26,5%.

Этот результат можно, по-моему, обобщить следующим образом: требование работать быстрее при индивидуальной работе у каждого ученика будет соответствовать его естественному предрасположению, отсюда сильные индивидуальные различия; при общей работе действуют само наличие совместно работающих учеников и вытекающая из этого тенденция преодоления своих естественных предрасположений, поэтому время работы отдельных учеников становится сходным.

Особенно достоин быть отмеченным, как нам кажется, еще один результат, который удается получить из данных Майера. Его опыты распадались, как уже отмечалось, на несколько серий с различными инструкциями; в каждой серии все испытания были проведены с 14-ю учениками. Естественно, различаются между собою и средние значения, полученные для различных серий (но опять гораздо сильнее при индивидуальной работе, чем при общей). Разброс средних данных: по временным показателям при индивидуальной работе был 21%, при общей - 16,5%; для числа ошибок при индивидуальной работе - 14,5%, при общей - только 6%. Это, следовательно, означает, что различие инструкций оказывается сильно значимым для тех серий, где ученики работают изолированно; зато при общих работах вариативное действие инструкций гораздо слабее: оно перекрывалось действующим уравнивающим общим для всех условием работы.

Из работы Шмидта может быть достаточно одного примера: он задавал, среди прочих, сочинения одинаковой трудности - один раз для работы дома, другой раз - в школе. Каждый опыт проводился с одной и той же выборкой школьников два раза. У обследованных 12 учеников Шмидт фиксирует не только процент ошибок, но и (что особенно нас интересует) объем работ. Среднее число слов в сочинении составило в домашних заданиях - 159 и 155, в работах, выполненных в школе - 151 и 126. Внутреннее

распределение Vb составили, соответственно - 16%/17% и 9%/13,5%. Vb объема сочинения, таким образом, в школе каждый раз меньше.

V. Изменение вариаций при облегчении и затруднении

Мы уже пришли ранее к выводу, что Vb тем больше, чем сложнее строение варьирующего признака и чем более высокую позицию в структуре он занимает. Если эту мысль применить к изменению вариации одной и той же функции, то можно сформулировать ряд положений (не как однозначных утверждений, а как **эвристических принципов** дальнейших исследований).

1. Условия, усложняющие результат, делающие его более трудным, требующие больших затрат сознания и духовной энергии для его достижения, одновременно повышают Vb .
2. Условия, приводящие к тому, что один и тот же результат для одной группы людей оказывается более трудным, чем для другой, одновременно вызывают в первом случае более сильную его дифференциацию, чем во втором.
3. Условия, упрощающие и облегчающие достижение успешного результата, уменьшающие необходимые для этого затраты сознания и энергии, одновременно понижают Vb , т.е. оказывают стандартизирующее влияние.

Проиллюстрируем каждое из этих трех положений несколькими примерами из литературы.

К 1-му положению. Достижение результата несомненно затрудняется в том случае, когда внимание одновременно занято получением еще одного результата. Как отвлечение внимания при выполнении той или иной деятельности влияет на Vb , можно подсчитать, обратившись к опытам Кона и Гента [559].

Они поставили опыты с написанием и чтением, давая читать тексты определенного объема с отвлечением и без отвлечения. Последнее заключалось в том, что в первой серии испытуемые во время чтения должны были многократно писать одну цифру (2, 2, 2...); во второй серии - ряды цифр (1, 2, 3, 4...); в третьей серии - проводить несложные арифметические задачи на сложение (5+3+3+3...); у некоторых обследуемых (у 8) затем требовали в качестве отвлечения также писать алфавит.

Анализируя данные предварительного опыта с 13 студентами и основного опыта с 12 студентами, я подсчитал значения (см. табл. 12)¹³. Они наглядно демонстрируют замедление чтения при отвлечении (средние значения длительности чтения растут слева направо) как проявление ожидаемой вариации первого порядка. При этом, как можно увидеть, растет также и абсолютное расстояние отдельных вариантов друг от друга (ряды среднего и абсолютного отклонений). Для нас важно прежде всего то, что эти отклонения возрастают быстрее, чем средние значения, почему растет и соотношение обоих: изменчивость ряда как абсолютно, так и относительно больше в опытах с отвлечением. Это выражается в растущем значении *V*. **Затруднение в достижении результата, возникающее под влиянием отвлечения, имеет, следовательно, дифференцирующее значение. Абсолютной же величине различия не следует придавать большого значения при небольшом числе испытуемых.**

Наиболее слабое отвлечение (механическое написание одного и того же числа) один раз привело даже к небольшому противоположному вышеуказанным результатам эффекту (11% - при отвлечении и 13% - без отвлечения). Наивысшее влияние на процессы дифференцирования оказали: в предварительном опыте - написание ряда цифр (12%), в главном опыте - сложение и написание алфавита (11% и 12%).

Другой пример дают данные Стоуна [1294]. Он изучал готовность к производству счетных операций у большого числа школьников и нашел внутри отдельных классов гораздо большую дифференциацию учащихся при решении текстовых задач, чем числовых (не имеющих словесного текста). Первые задачи, в которых сами школьники должны были найти способ решения, несомненно, труднее, чем вторые.

Ко 2-му положению. Кон и Диффенбахер в своих исследованиях одаренности у школьников пришли к одному заслуживающему внимания результату, который, как мне кажется, следует толковать в смысле вышеприведенного положения 2.

Они сравнивали школьников в отношении ряда полученных данных; при этом в исследуемой выборке в пределах каждого пола были представлены как одаренные, так и неодаренные учащиеся. Когда результаты, четко коварирующие с полом, затем у представителей каждого пола проверили на их ковариацию с одаренностью, то оказалось, что она выше у менее успешных представителей пола. Кон и Диффенбахер объясняют это тем, "что в тех свойствах, в которых один пол отстает от другого, лучшие представители этого пола значительно превосходят своих более слабых товарищей, чем это проявляется у противоположного пола" [104].

Так, например, в исследовании с использованием метода дополнений Эббингауза мальчики намного превосходили девочек; однако, в группе девочек различие между одаренными и неодаренными было гораздо более сильным, чем у мальчиков. Стиль сочинений у девочек в целом был лучше, чем у мальчиков. Зато у мальчиков более четко проявилась ковариабельность высокого качества стиля с одаренностью. Также и в различных других случаях.

Результат, по которому представители пола "Л" отстают от представителей пола "В": делают больше ошибок, медленнее работают - безусловно, определяется общей половой предрасположенностью (большей трудностью его достижения полом "А" сравнительно с полом "В"). Большая трудность выполнения задания для "А" имеет следствием то, что в группе "А" более сильна *Vb* (см. положение 2).

Дополнительное подтверждение этому дают данные Врешнера [468]. Он сравнивал результаты задач на ассоциации у различных групп людей: мужчин и женщин, образованных и необразованных, взрослых и детей. В каждой из этих пар во второй группе время решения указанных задач возрастает, т.е., согласно интерпретации Врешнера, осуществление ассоциаций является для этой группы более трудным.

Затем он изучал *Vb* каждой группы относительно **содержания** ассоциаций. Слово-раздражитель может вызывать различные слова - реакции и многообразие реакций на каждое из слов-раздражителей было всегда больше у женщин, чем у мужчин, у необразованных - чем у образованных и у детей - чем у взрослых. Группы, которым труднее всего было находить ассоциации, имели, следовательно, большую *Vb*.

К 3-му положению. К условиям, пригодным для облегчения достижения результата, относится, прежде всего, упражнение; если, следовательно, наш пункт 3 верен, то упражнение, кроме ранее обсуждаемого влияния на вариации первого порядка, должно оказать влияние и на вариации второго порядка.

Этот стандартизирующий эффект упражнения в самом деле обнаруживается.

Еще 10 лет назад Бине [632] показал на целом ряде тестов, что четкие различия, проявлявшиеся сначала между интеллектуальной и неинтеллектуальной группами испытуемых при длительном упражнении постоянно уменьшались до почти полного исчезновения.

Роза Оппенгейм установила в своих исследованиях, посвященных формированию правильной речи, что различие между ученицами одного возраста народной школы и гимназии, было очень велико в первом опыте и значительно сглаживается в третьем; процент правильных устных ответов составил в первом опыте: для народной школы - 61%, для гимназии - 72%; в третьем опыте: для народной школы — 75%, для гимназии — 77% [571].

Недавно И. Браун провел собственное исследование по обсуждаемой проблеме [1277]. Он изучал в трех классах начальной школы влияние упражнения на способность к счету. Школьники были разбиты на две равнозначные группы, одна из которых 30 дней подряд тренировалась в осуществлении операций с четырьмя видами счета, в то время как в другой группе тренировки не проводились. В обеих группах сравнивались результаты подсчетов в 1-й и 30-й дни. Тренированная группа обнаружила не только сдвиг к большей успешности результатов от 1-го дня до 30-го, но также сильную стандартизацию: *Vb* понизилась здесь на 29%, в то время как в нетренированной группе это уменьшение составило только 10%.

Мгновенное упражнение при немедленном многократном повторении функции подчиняется тому же закону. Бусеман [449a] в опытах с обучением девочек разного возраста пришел к следующему заключению: проверка числа верных воспроизведений при заучивании ряда стимулов показала, что при 3-кратном чтении, оно составило для 1-го класса -21%, для 2-го - 9%. Та же проверка после 6-кратного чтения ряда дала, соответственно, величины - 43,4% и 33,4%. Следовательно, в начале учебного процесса имело место очень большое преимущество более старших девочек, в результате же упражнения (учебного процесса) оно заметно уменьшается; тренировка оказывает выравнивающее влияние.

В связи с установленным характером влияния упражнения встает педагогическая проблема, близкая к уже обсуждаемой нами. Но если раньше мы рассматривали, насколько можно было бы практически использовать упражнение для повышения имеющихся способностей отдельных учеников, то теперь вопрос должен быть поставлен иначе: насколько школа может с помощью систематических упражнений выровнять имеющиеся различия в способностях.

Некоторые теоретики в этом отношении приписывают упражнению почти неограниченные педагогические возможности. Однако здесь необходимо видеть и другую сторону. Как уже было раньше отмечено, упражнение может оказывать максимальное влияние только на очень немногие области, так как фиксированные запасы энергии организма требуют

определенных ограничений. Поэтому применяемое Мейманом и служащее только целям стандартизации упражнение вызывало бы всегда лишь одно выравнивание и при этом неизбежно умалялись бы другие, может быть даже более важные, задачи обучения.

Нельзя ведь однообразие всех учеников представлять как некий высший идеал, которому все другие должны подчиниться.

Своеобразная антиномия всей педагогики заключается как раз в том, чтобы одновременно обеспечивать и социализацию и индивидуализацию ребенка, не пренебрегая своеобразием отдельного ради развития общего. Поэтому, если мы видим, что уже школьное сообщество как таковое оказывает заметное стандартизирующее воздействие, и если также учтем, что оно еще более повышается в результате постоянных упражнений в различных областях, которые школа должна осуществлять уже в силу формальных требований, то оказывается, что не стоит рекомендовать введение в учебный процесс особых упражнений, направленных специально на выравнивание учащихся.

7. ВАРИАбельность различных групп людей

Уже в суждениях обыденной жизни мы нередко встречаемся с обозначением степени, в которой какая-либо одна категория людей отличается от другой. Это суждение относится, как правило, к тотальной изменчивости, а не к изменчивости одного какого-либо признака. Если я сравню тысячу европейцев с тысячей негров, то, вполне вероятно, возникнет впечатление, что первые между собой варьируют значительно сильнее, чем вторые, как по своему физическому, так и по психическому статусу (*Habitus*'у). Аналогично этому общепринято считать образованных людей более дифференцированными сравнительно с необразованными. Также почти как аксиома выступает положение о меньшей изменчивости женского пола по сравнению с мужским.

Такие суждения основываются на первых неопределенных впечатлениях, и мы должны спросить, не могут ли в них вкратиться большие заблуждения.

Главный источник таких заблуждений - это духовная дистанцированность наблюдателя. Уже для чувственного восприятия установлено, что если похожие друг на друга объекты воспринимаются издали (например, аллея тополей), то сначала фиксируются лишь совпадающие в них свойства, и только при более близком рассмотрении происходит преодоление своеобразного порога различия и обнаруживается, что каждый объект является отдельным "вариантом". Соответствующий закон характерен и для контролируемого сознанием внимания.

В группе индивидов, от которой мы духовно далеки, сначала нами замечаются только самые общие психические очертания, присущие всем ее представителям;

происходит своего рода распознавание соответствующего вида. На этом этапе мы имеем дело не с абстрагированием свойств объектов различия, а с более простой, предшествующей индивидуализации психической деятельностью. В то же время, чем более глубоко мы понимаем сущность сообщества, тем в большей мере преодолевается нами апперцептивный порог различия, который можно было бы назвать "**порогом индивидуализации**" наблюдателей (*die Individualisierungsschwelle der Beobachters*"). И в итоге первоначально однообразная масса дифференцируется на ряд четко обособленных друг от друга вариантов.

Самым известным примером может служить отара овец, которая для горожанина представляется массой животных, не имеющих каких-либо различий, а для пастуха, напротив, выступает как совокупность отдельных животных, каждое из которых обладает определенными индивидуальными особенностями. Более того, пастух, вероятно, считает, что

его овцы различаются между собою не меньше, чем сопоставимая по объему группа людей.

Так же и наше впечатление о меньшей вариативности первобытных народов может основываться на том, что они внутренне слишком от нас далеки для того, чтобы мы могли верно оценить тонкие индивидуальные отклонения, обнаруживающиеся на общем фоне. Вполне вероятно, что сам темнокожий, в свою очередь, высказывает противоположную оценку, считая группу белокожих людей гораздо более однообразной, чем собственную.

Мы, следовательно, должны искать объективные параметры тотальной изменчивости одной группы для сравнения ее с другой группой.

Сначала при этом прибегали к средству, уже упомянутому нами как самому удобному, хотя и самому ненадежному - измерению изменчивости через рассмотрение **пограничных случаев**. Сравнивали, например, психическую работоспособность обоих полов по наличию крайних, экстремальных случаев; при этом оказалось, что гении (в детстве - вундеркинды) среди женщин встречаются гораздо реже, чем среди мужчин, и что нижняя граница нормы у них также гораздо реже нарушается (Ломброзо, Хавелок, Эллис, Бюргерштейн и др.)¹⁴.

Эта изменчивость экстремумов, как бы интересна ни была она сама по себе, не должна, однако, идентифицироваться с общей изменчивостью, так как последняя должна выступать характеристикой всей группы, т.е. нормального распределения. Пограничные случаи слишком редки, и их выраженность слишком зависит от случайностей, чтобы допустить вывод о характере всего ряда. На это уже в 1897 г. обратил внимание Пирсон и поэтому потребовал, чтобы исследования изменчивости основывались на статистике нормального распределения.

Такие исследования довольно трудно проводить с технической точки зрения: во-первых, они требуют выбора таких представителей обеих обследуемых групп, которые были бы во всех остальных отношениях (возраст, образование и т.п.) максимально

Таблица 13

Изменчивость у мужчин (M) и женщин (F) (по Томпсону)	Порог боли на висках (граммы)				Количество слов-ассоциаций	
	M прав. лев.	F лев. прав.	M	F		

Среднее значение, <i>m</i>	2552	2520	2250	2333	10,8	11,
Ср.отклонение, абс.	976	909	442	530	2,9	2,7

Ср.откл.относит. V	38%	36%	20%	23%	27%	23%
--------------------	-----	-----	-----	-----	-----	-----

идентичны; во-вторых, необходимо исследовать достаточно большое число таких индивидов, так как иначе невозможно подсчитать значения распределения, и, в-третьих, надо изучить достаточно большое число признаков.

До сих пор еще не проводилось исследований с четко сформулированной задачей сравнения Vh ; кроме того, последующее вычисление показателей изменчивости на материале уже полученных данных возможно лишь отчасти.

Определенным достижением в этом направлении являются исследования Х. Томпсона о психических различиях мужчин и женщин, которые можно привлечь в качестве примера [1064, 1065].

Испытуемыми были по 25 студентов обоего пола, примерно равного возраста. Им были предложены тесты, а также проводился сбор материалов самого различного вида. К сожалению, для большей части отдельных тестов 25 рядов данных были так неравномерно распределены, что подсчет V был недопустим. Однако вид представленных кривых распределения показывает, что для всех тестов в отношении данных о движениях и чувствительности не было выявлено однозначного превосходства V для одного из полов. И только для трех из исследуемых признаков были возможны подсчеты значения V (см. табл. 13). Прежде всего речь идет о пороге чувствительности к боли при надавливании. Здесь были проведены по два измерения у всех испытуемых (на правом и левом виске); результаты представлены в виде четкой кривой распределения; большая согласованность право- и левосторонних показателей позволила провести подсчет, показавший совершенно поразительное преимущество в отношении средних отклонений изменчивости в мужской выборке по сравнению с женской (38% и 36% против 20% и 23%).

Меньшее, но также четко выраженное различие в одном и том же направлении дали исследования ассоциаций и уровня знаний. Возникающие на одно предложенное слово все ассоциативные слова должны были быть записаны за 1,5 мин.; опыт был проведен с 10 словами-раздражителями, так что мы для каждого пола имеем $10 \times 25 = 250$ измерений, распределение которых уже можно сопоставить. Предметом измерения явилось количество ассоциаций, найденных к каждому слову. В то время как среднее значение этого числа слов почти идентично для обоих полов, изменчивость у женщин меньше, чем у мужчин на 4% (23% против 27%).

При проверке знаний каждому испытуемому задавали по 25 вопросов, касающихся сведений из истории, литературы и т.п. Правильность каждого ответа оценивалась в диапазоне от 1 до 10 баллов. Следовательно, только в очень редких случаях испытуемый мог получить суммарную оценку в 250 баллов. В отношении этого показателя женщины варьируют между собою на 4,5% меньше, чем мужчины (14,5% сравнительно с 19%)¹⁵.

¹⁵ В сравнительном выражении меньшая U_B у женщин выглядит следующим образом: в оценке порога боли - 42%, в оценке ассоциаций - 15%, в оценке знаний - 24% от V_B у мужчин.

Кроме этого, можно было бы использовать исследования, в которых изучали лишь один определенный признак и сравнивали полученные данные у обоих полов. Так, например, изучение детских идеалов и интересов показало, что более высокие результаты девочек сконцентрированы на меньшем числе объектов, выступающих в качестве идеала (людей

или предметов), чем у мальчиков, что опять-таки означает меньшую Vb женского пола. Уэллс в тесте с постукиванием (*Kloptest*) также нашел меньшую Vb женского пола.

Такого вида специальные сравнения групп, несомненно, очень показательны, но их лишь с большой осторожностью можно использовать для выводов о степени тотальной изменчивости группы. То, что мы можем измерить - это всегда только более или менее узкоограниченные отдельные признаки. Поэтому, если даже группа A по ряду таких отдельных признаков менее дифференцирована, чем группа B , то все же возможно, что в том, как отдельные признаки складываются в общую структуру индивида, а затем и в более качественные признаки, недоступные измерению, группа A превосходит другую группу по своей Vb .

Тогда следует принимать во внимание и ранее упомянутое положение 2. При равных требованиях к каждой из выборок трудность выполнения может быть очевидно очень различной для обеих групп. Если результаты группы L варьируют сильнее, чем у группы B , то это может быть лишь признаком того, что требуемый результат достигается ею труднее, а не того, что она вообще в отношении изучаемого признака более дифференцирована, чем другая группа.

В этой связи необходимо указать и еще на одну точку зрения. Выше мы видели, что имеются определенные признаки, которые **вообще** имеют меньшую Vb , чем другие, и что в принципе можно в виде ранжированного ряда упорядочить психические свойства по степени их Vb . Теперь и группы A и B могут быть сопоставлены по имеющемуся относительному значению отдельных свойств в их общей структуре. Если, например, оказывается, что в группе A в большей степени, чем в группе B , выражены свойства, которые в общей шкале Vb стоят на нижних позициях, то можно предположить, что и отдельные члены группы A по общей структуре менее дифференцированы, чем члены группы B . Естественно, что это предположение значительно усиливается, если результаты такого рассмотрения совпадают с данными, полученными с помощью вышеназванных методов.

Возвращаясь к примеру половых различий, можно отметить, что в структуре женщин, несомненно, соотношение восприимчивости и спонтанности отличается от имеющегося у мужчин: у женщин преобладает восприимчивость (рецептивность). Так как рецептивные способности в целом имеют меньшую Vb , чем способность к спонтанным, самостоятельным и оригинальным действиям, то можно предположить, что пол, характеризующийся более сильной восприимчивостью, также и внутри себя меньше варьирует, чем пол с большей спонтанностью.